

Volume 24. No. 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

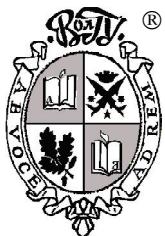
LEGAL
CONCEPT

2025

ПРАВОВАЯ
ПАРАДИГМА

Том 24. № 3

ISSN 2587-8115 (Print)
ISSN 2587-6899 (Online)

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

LEGAL CONCEPT

2025
Volume 24. No. 3

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025
Том 24. № 3

LEGAL CONCEPT
PRAVOVAYA PARADIGMA

2025. Vol. 24. No. 3

Academic Periodical

First published in 1996

4 issues a year

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology and Mass
Media (Registration Certificate **ПИ № ФС77-69269** of
March 29, 2017)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed
Academic Journals and Publications That Must Publish
the Main Academic Results of Candidate’s Degree
Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force
on December 1, 2015

The journal is included into the **Russian Science Citation
Index**

The journal is also included into the following Russian and
international databases: **CrossRef** (USA), **Google Scholar**
(USA), **ProQuest** (USA), **SciUp** (Russia), “**CyberLeninka**”
Scientific Electronic Library (Russia), “**Socionet**”
Information Resources (Russia), **IPRbooks E-Library
System** (Russia), **E-Library System “University Online
Library”** (Russia)

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *I.S. Dikarev* – Chief Editor (Volgograd)
Prof., Dr. *M.L. Davydova* – Deputy Chief Editor (Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *M.Yu. Kozlova* – Executive Secretary
(Volgograd)
Assoc. Prof., Cand. *D.V. Kononenko* – Copy Editor
(Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *A.Kh. Abashidze* (Moscow); Dr. *L.A. Bukalerova*
(Moscow); Prof., Dr. *G.A. Vasilevich* (Minsk, Belarus); Prof.,
Dr. *A.I. Goncharov* (Volgograd); Prof., Dr. *N.I. Grachev*
(Volgograd); Prof., Dr. *T.V. Deryugina* (Moscow); Prof., Dr.
V.V. Dolinskaya (Moscow); Prof., Dr. *N.Yu. Erpyleva* (Moscow);
Prof., Dr. *L.G. Efimova* (Moscow); Prof., Dr. *V.P. Kamyshanskiy*
(Krasnodar); Prof., Dr. *D.K. Labin* (Moscow); Prof., Dr.
L.V. Lobanova (Volgograd); Prof., PhD *Massimo La Torre*
(Catanzaro, Italy); Prof., Dr. *I.A. Mikhaylova* (Moscow);
Assoc. Prof., Dr. *N.V. Pavlichenko* (Moscow); Dr. *J.L. Perez
Alvarado* (Dominican Republic); Prof., Dr. *V.F. Ponka*
(Moscow); Prof., Dr. *S.B. Rossinskiy* (Moscow); Assoc. Prof.,
Dr. *V.A. Rudkovskiy* (Volgograd); Prof., Dr., Acad. of RANH
V.A. Ruchkin (Volgograd); Assoc. Prof., Dr. *A.V. Serebrennikova*
(Moscow); Prof., Dr. *E.E. Frolova* (Moscow); Prof., Dr.
O.A. Yastrebov (Moscow)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova, U.V. Naumova,
Yu.A. Nikitina, I.V. Smetanina*

Editor of English texts is *D.A. Novak*

Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina*

Passed for printing on Nov. 10, 2025.

Date of publication: Dec. 23, 2025. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 15.3. Published pages 16.5.

Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies).

Order 104. «C» 35.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.

Publishing House

of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-02-72. Fax: (8442) 46-18-48.
E-mail: vestnik5@volsu.ru

Journal website: <https://j.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://j.jvolsu.com/index.php/en/>

LEGAL CONCEPT
ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА

2025. Т. 24. № 3

Научный журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации средства массовой информации **ПИ № ФС77-69269** от 29 марта 2017 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **CrossRef** (США), **Google Scholar** (США), **ProQuest** (США), **SciUp** (Россия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия), **Электронно-библиотечная система IPRbooks** (Россия), **Электронно-библиотечная система «Университетская библиотека онлайн»** (Россия)

Редакционная коллегия:

д-р юрид. наук, доц. *И.С. Дикарев* – главный редактор
(г. Волгоград)
д-р юрид. наук, проф. *М.Л. Давыдова* – зам. главного
редактора (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. *М.Ю. Козлова* – ответственный
секретарь (г. Волгоград)
канд. юрид. наук, доц. *Д.В. Кононенко* – технический
секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р юрид. наук, проф. *А.Х. Абашидзе* (г. Москва); д-р юрид.
наук, проф. *Л.А. Букалевова* (г. Москва); д-р юрид. наук,
проф. *Г.А. Василевич* (г. Минск, Беларусь); д-р юрид.
наук, д-р экон. наук, проф. *А.И. Гончаров* (г. Волгоград);
д-р юрид. наук, проф. *Н.И. Грачев* (г. Волгоград); д-р юрид.
наук, проф. *Т.В. Дерюгина* (г. Москва); д-р юрид. наук,
проф. *В.В. Долинская* (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.
Н.Ю. Ерпылева (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.
Л.Г. Ефимова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.
В.П. Камышанский (г. Краснодар); д-р юрид. наук, проф.
Д.К. Лабин (г. Москва); д-р юрид. наук, проф. *Л.В. Лобанова*
(г. Волгоград); проф., PhD *Массимо Ла Торре* (г. Катанзаро,
Италия); д-р юрид. наук, проф. *И.А. Михайлова* (г. Москва);
д-р юрид. наук, доц. *Н.В. Павличенко* (г. Москва); д-р юрид.
наук *Х.Л. Перес Альварадо* (Доминиканская Республика);
д-р юрид. наук, проф. *В.Ф. Понька* (г. Москва); д-р юрид.
наук, проф. *С.Б. Россинский* (г. Москва); д-р юрид. наук,
доц. *В.А. Рудковский* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, проф.,
акад. РАЕ *В.А. Ручкин* (г. Волгоград); д-р юрид. наук, доц.
А.В. Серебренникова (г. Москва); д-р юрид. наук, проф.
Е.Е. Фролова (г. Москва); д-р юрид. и экон. наук, проф.
О.А. Ястребов (г. Москва)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова, У.В. Наумова,
Ю.А. Никитина, И.В. Сметанина*

Редактор английских текстов *Д.А. Новак*

Верстка и техническое редактирование *Ю.А. Никитиной*

Подписано в печать 10.11.2025 г.

Дата выхода в свет: 23.12.2025 г. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 15,3.

Уч.-изд. л. 16,5. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.).

Заказ 104. «С» 35.

Свободная цена

Адрес типографии: 400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес: 400062 г. Волгоград,
просп. Университетский, 100. Издательство Волгоградского
государственного университета. E-mail: izvvolgu@volsu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

Полдников Д.Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 2 6

Минникес И.В. Вариативность терминологии законодательства республик – субъектов Российской Федерации о государственной символике 16

Епифанов А.Е. К вопросу социальной интеграции мигрантов (вопросы теории и истории) 24

Грачев Н.И. Становление России как государства-цивилизации: от Древней Руси до Советской России 32

Чагин В.С., Юшкова Т.В., Шанин А.А. История формирования правовой доктрины России: теоретический аспект 45

Терехов Е.М. К вопросу о моделях официального толкования права 51

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Шубенкова К.В., Парфенов В.Ю. Защита судами прав на цифровые валюты в Российской Федерации 60

Козловцев М.С. Национальный режим при осуществлении закупок в целях исполнения государственного оборонного заказа предприятиями оборонно-промышленного комплекса 70

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Шарно О.И. Нецелевое землепользование в населенных пунктах: пределы права и парадоксы правового регулирования 76

Рыженков А.Я. Принцип устойчивого развития в международном экологическом праве: тенденции и перспективы 87

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Рожнов А.П., Пономарев В.Г. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с хищениями 96

Ериков Н.А. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение преступлений сексуального характера в отношении лиц, не достигших 16 лет 105

Россинский С.Б. Патологии российского механизма рассмотрения сообщений о преступлениях 113

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Калачева А.В. Полномочия органа дознания по задержанию подозреваемого в совершении преступления 120

Городилов Н.С. Классификационные споры в таможенном регулировании: судебная практика и тенденции 127

Азарова Е.С. К вопросу о формировании правоприменительного усмотрения 134

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Стародубов С.Ю. Пенитенциарное образование в эпоху цифровизации: о перспективах применения дистанционных образовательных технологий в российских исправительных учреждениях 142

Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А. Цифровые инвестиционные эквиваленты: модернизация инвестиционного инструментария в цифровой экономике 151

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Грязнова Т.Е., Поляков С.Б. Обзор круглого стола Международной научно-практической конференции «Право и политика: история и современность» (г. Омск, 15–16 мая 2025 г.) 160

CONTENTS

THEORY AND PRACTICE OF STATE LEGAL DEVELOPMENT

- Poldnikov D.Yu.* Codification in the Romano-Germanic Tradition in the 19th – 20th Centuries: From Mythologization to Rational Critique. Part 2 6
- Minnikes I.V.* Variation in the Terminology of Legislation on State Symbols in the Republics – Constituent Entities of the Russian Federation 16
- Epifanov A.E.* On the Social Integration of Migrants (Theoretical and Historical Aspects) 24
- Grachev N.I.* The Formation of Russia as a State-Civilization: From Ancient Rus to Soviet Russia 32
- Chagin V.S., Yushkina T.V., Shanin A.A.* The History of the Formation of Russia's Legal Doctrine: A Theoretical Aspect 45
- Terekhov E.M.* On the Models of Official Legal Interpretation 51

ISSUES OF PRIVATE LAW REGULATION: HISTORY AND MODERNITY

- Shubenkova K.V., Parfenov V.Yu.* Protection of Digital Currency Rights by Courts in the Russian Federation 60
- Kozlovtshev M.S.* National Treatment in Procurement for the State Defense Order by Defense Industry Enterprises 70

LEGAL PROBLEMS OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND NATURAL RESOURCES UTILIZATION

- Sharno O.I.* Non-Conforming Land Use in Populated Areas: The Limits of Law and Paradoxes of Legal Regulation 76

- Ryzhenkov A.Ja.* Principle of Sustainable Development in International Environmental Law: Trends and Prospects 87

CRIME PREVENTION AND THE DIFFERENTIATION OF CRIMINAL RESPONSIBILITY

- Rozhnov A.P., Ponomarev V.G.* Optimization of Criminal Law Measures for Combating Theft 96
- Ershov N.A.* The Social Determinacy of Establishing Criminal Liability for Sexual Crimes Against Persons Under the Age of 16 105
- Rossinsky S.B.* Pathologies of the Russian Crime Reporting Mechanism 113

PROCEDURAL LAW: ISSUES OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT

- Kalacheva A.V.* The Powers of the Body of Inquiry to Detain a Suspect in a Crime 120
- Gorodilov N.S.* Classification Disputes in Customs Regulation: Judicial Practice and Trends 127
- Azarova E.S.* On the Formation of Law Enforcement Discretion 134

DIGITAL TRANSFORMATION OF LEGAL REGULATION

- Starodubov S.Yu.* Penitentiary Education in the Era of Digitalization: On the Prospects of Using Distance Learning Technologies in Russian Correctional Institutions 142
- Goncharov A.I., Sadkov A.N., Sadkov V.A.* Digital Investment Equivalents: The Modernization of Investment Tools in the Digital Economy 151

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

- Gryaznova T.E., Polyakov S.B.* Review of the Round Table of the International Scientific and Practical Conference "Law and Politics: History and Modernity" (Omsk, May 15–16, 2025) 160

www.volsu.ru

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.1>

UDC 34(091):340.5
LBC 67.3

Submitted: 12.03.2025
Accepted: 10.11.2025

CODIFICATION IN THE ROMANO-GERMANIC TRADITION IN THE 19th – 20th CENTURIES: FROM MYTHOLOGIZATION TO RATIONAL CRITIQUE¹

Part 2

Dmitry Yu. Poldnikov

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the sectoral codification of law in comparative studies is considered to be a unique and difficult achievement of the Western European legal culture of modern times, which in the 19th century defined and in many ways still defines the style of Romano-Germanic law. As a rule, codes are recognized as a triumph of a rational view of law, a pillar of its rational and legal legitimacy. However, is this really the truth? Are there any transcendental elements in the codification? The **methodology** of the paper implies the search for an answer to this question based on functional analysis, that is, the identification of statements about a codified law that are untrue and devoid of real consequences for the legal system. The **purpose** of the paper is to identify the legal myths that accompanied the development, adoption, interpretation, and application of Europe's leading civil codes (FCC 1804 and GCC 1896). The author argues and substantiates that behind the rational facade of codification there are myths of the "sacred" authority of the code, its completeness and consistency, as well as the superiority of its abstract norms over the casuistry of case law. The **conclusion** of the paper is the thesis that these myths have been the ideological source of a law-centered, holistic legal system of nation-states in Europe since the 19th century and have also led to a wide reception of codes in a wide variety of non-Western jurisdictions (with the exception of common and customary law countries).

Key words: legal myth, rationality, codification, civil code, authority, comparative law.

Citation. Poldnikov D.Yu. Codification in the Romano-Germanic Tradition in the 19th – 20th Centuries: From Mythologization to Rational Critique. Part 2. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.1>

УДК 34(091):340.5
ББК 67.3

Дата поступления статьи: 12.03.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

КОДИФИКАЦИЯ В СТИЛЕ РОМАНО-ГЕРМАНСКОГО ПРАВА В XIX–XX вв.: ОТ МИФОЛОГИЗАЦИИ К РАЦИОНАЛЬНОЙ КРИТИКЕ¹

Часть 2

Дмитрий Юрьевич Польников

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российской Федерации

Введение: мифы об авторитете, полноте, непротиворечивости кодекса образца XIX в. во многом определили его успех в Европе и широкую рецепцию за ее пределами. Они имели реальное значение для создания законоцентричной правовой системы централизованного государства-нации. Но сохранят ли свою убедительность эти мифы в правовых системах европейских и незападных обществ XX века? Не превратятся ли они в социальные иллюзии, подрывающие действенность и легитимность права, в условиях декодификации права и развития научной рациональности юриспруденции XX века? **Методология** статьи подразумевает поиск ответа на данные вопросы с опорой на функциональный анализ, то есть выявление утверждений о кодифицированном законе, которые не соответствуют действительности и лишены реальных последствий для правовой системы. **Целью** статьи является проверка гипотезы о совместимости правовых мифов XIX в. с реалиями декодификации и более реалистичным взглядом правоведов на плюралистическую правовую систему в XX веке. Автор приходит к **выводу**, что, несмотря на демифологизацию кодексов, они все же сохранили символическое значение для поддержания целостности правовой системы, преемственности ее развития и рекодификации права в обществах как западного, так и незападного типа.

Ключевые слова: правовой миф, рациональность, кодификация, гражданский кодекс, авторитет, сравнительное правоведение.

Цитирование. Польников Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 2 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.1>

3. Демифологизация кодексов в ходе декодификации

В мифологизированном сознании мифы становятся высшей реальностью, поскольку влияют на интерпретацию человеком окружающей действительности. В современной социологии этот феномен нередко объясняется теоремой американского ученого У. Томаса (1928 г.): если люди определяют ситуации как реальные, они реальны по своим последствиям. Естественный разум или народный дух определяет основы социальной организации в том случае, если творцы-идеологи объясняют (рационализируют) ее с опорой на эти самоочевидные истины. Убедительность (или действенность) интерпретации предполагает ее укорененность в действительности и соответствие научной парадигме эпохи. Эволюция общественного уклада и смена парадигм превращают мифы в социальные иллюзии или неадек-

ватные представления о действительности, лишающие общество способности реагировать на поставленные ей вызовы.

Правовые мифы о кодификации оказали реальное воздействие на формирование законоцентричных правовых систем государств-наций в Европе и за ее пределами. Однако масштабные социальные изменения XX в. все явственнее обнаруживали иллюзорность представлений законодателя и юристов об отраслевых кодексах, «расколдованных» реализмом правоведения.

3.1. Демифологизация кодексов в европейском правоведении

«Расколдовывание» кодификации в Европе XX в. происходило на фоне декодификации законодательства и критики схематичного позитивистского взгляда на правовую систему с позиций правового реализма.

1. Действенность кодекса в правовой системе после вступления в силу подрывают

такие обстоятельства, как изменение материальных условий жизни общества (переход от аграрно-индустриального к постиндустриальному укладу), его социальных ценностей, дефекты законотворчества, а также декодификация. Понятие декодификации в сфере частного права ввел в научный оборот итальянский юрист Н. Ирти в монографии 1979 г., дополненной в издании 1998 г. [8]. Так он обозначил смещение кодекса из центра правового регулирования на периферию в результате принятия многочисленных специальных законов (без внесения поправок в сам кодекс), а также «нарастания» на статьи кодекса судебной практики с расширительным или ограничительным толкованием.

Р. Кабрияк усматривал в декодификации устаревание кодекса, явное несоответствие его предписаний изменившимся общественным отношениям, что уже невозможно устранить путем их расширительного или ограничительного толкования ни в научной доктрине, ни в судебной практике [1, с. 184]. Причем темп и масштабы таких изменений нарастает по мере перехода от индустриального к постиндустриальному обществу.

Во Франции при Третьей республике в 1880–1940-е гг. адаптация устаревавших кодексов происходила благодаря решениям Кассационного суда в развитие буквы закона. Так, в решениях по гражданским делам появились институты юридического лица, неосновательного обогащения, злоупотребления правом, принципа ответственности лица за вред от вещи под его надзором и др. После 1945 г. парламент все чаще принимал специальные законы. В результате ФГК к концу XX в. стал чем-то вроде общей нормы, применяемой по остаточному принципу. В частности, ФГК уже не применялся при регулировании оборота недвижимости, аграрной собственности, аренды, страхования, общей собственности на недвижимость, деятельности некоммерческих организаций. (Власти Франции откладывали реформу ФГК до второй половины XX в. не только из-за сложности, но и его символического значения.)

В Германии кодексы с пандектной доктриной XIX в. испытали на прочность потрясения Первой мировой войны, «консервативная революция» национал-социализма 1930-х гг.,

затем толкование Федеральным конституционным судом отраслевых законов в свете системы ценностей Основного закона 1949 г., а ближе к концу XX в. научно-технический прогресс, европейская интеграция.

Декодификация позволяла привести позитивное право в соответствие с изменившимися потребностями постиндустриального общества без трудоемкой реформы кодекса (рекодификации). Она отражала участие разных «акторов» в развитии права: законодателя, судов, органов исполнительной власти (в части принятия делегированного законодательства), творцов научной доктрины, организаций гражданского общества, а также международных институтов.

2. Укрепление реалистичного взгляда на правовую систему общества и критика формализма позитивистов XIX в. обусловлены развитием теорий современного общества и государства. Западные социологи признали роль как общности структур (в теории Т. Парсонса, К. Мертона) или навыков и практик интерпретации поведения (согласно П. Бурдье), так и конфликтов (по М. Хоркхаймеру, Т. Адорно, Э. Фромму, Ю. Хабермасу) в организации обществ, представив их сетью переменчивых общностей, связью людей, вещей и идей (в акторно-сетевой теории Б. Латура). Управление этой общностью происходит из разных центров и на разных (местном, национальном, международном) уровнях, с заметной, но не всегда решающей ролью государства-национации. При этом субъекты социального действия принимают решения с учетом субъективных и изменчивых стереотипов, предубеждений, представлений о ценностях (тяготеющих к целям выживания или самовыражения, по Р. Инглхарту).

В ответ на открытия социологов европейские правоведы отмечали значительную автономию правовой системы от иных социальных подсистем (политики, экономики и др.), что выражалось в устойчивых правовых традициях, элементах правового стиля. Согласно немецкому правоведу-теоретику Г. Тойблеру, право не просто инструмент достижения социальных целей, а сложная, самопорождающаяся и самореферентная система, действующая по своим внутренним правилам, из-за чего она рискует утратить связь с социальной

действительностью, «когнитивно закрыться» в мире иллюзий [11, S. 14].

Перечисленные изменения в организации общества и научном представлении о них не могли не повлиять на мифы о кодификации XIX века. Но вопреки полному отказу от них как опасных иллюзий наметилась тенденция к «ремифологизации», подобно тому как за декодификацией последовала рекодификация.

1. *Символический авторитет кодекса.* Позитивизм XIX в. породил миф о законе как выражении разумной, справедливой и объективной меры должного поведения. Но уже на рубеже XIX–XX вв. критика закона с позиции разных направлений социологической юриспруденции в Европе позволила раскрыть в нем не выражение писаного разума, а результат борьбы классов, сословий, иных социальных групп, индивидов за право или, по словам немецкого историка М. Штолльяйса, «исполненный заурядности компромисс сегодняшнего дня» [7, с. 67]. Чем полнее социология раскрывала плюрализм общества, тем менее устойчивым представлялся достигнутый и легально закрепленный компромисс. Это лишило закон в целом и кодекс в частности мифического ореола объективного выражения воли нации (суверена).

Тем не менее критика правоведами объективности закона в плюралистическом обществе не помешала наиболее авторитетным гражданским кодексам сохранить в общественном и профессиональном сознании значение символа национальной идентичности. Крупные страны Западной Европы сохранили «старые» кодексы XIX – начала XX в. (за исключением Италии, Греции, Португалии, Нидерландов), предпочтя «спасать» их от декодификации в национальном праве и от замены наднациональным гражданским кодексом Европейского союза (далее – ЕС).

Во Франции декан Ж. Карбонье раскрывал методами социологии права несоответствие буквы кодекса потребностям современного общества, но наряду с этим призывал сохранить его: «Не дадим символам погаснуть: они еще долго будут гореть для нас, освещая наш путь юристов, уже после того, как рассеется вспышка их инструментальных, технических положений» (цит. по: [1, с. 201]). В ответ на разработку ГК ЕС Ж. Корню вновь

указывал на тезис исторической школы права: «Невозможно вообразить, сколько надо иметь легкомыслия, чтобы в бездумном ослеплении менять право, возросшее изнутри, на нормы, пришедшие извне, чтобы уничтожать наследие ради импорта...» (цит. по: [1, с. 202]).

Идея пересмотра ФГК обсуждалась, но отвергалась большинством специалистов вплоть до середины XX века. Начатое после 1945 г. внесение поправок производилось без искажения либеральных принципов (несмотря на признание социальных прав граждан преамбулой Конституции 1946 г.) и по возможности с сохранением нумерации его статей, «иногда ценой почти акробатических трюков», как иронично заметил Р. Кабрияк. Из подобных мер явствует стремление сохранить кодекс как часть культурного наследия нации, даже если к концу XX в. ФГК стал чем-то вроде общей нормы, неприменимой из-за принятия специальных законов и кодексов к обороту недвижимости, аграрной собственности, аренде, страхованию, общей собственности на недвижимость, деятельности некоммерческих организаций и др.

В Германии второй половины XX в. ГГУ сохранило и даже упрочило аналогичное символическое значение благодаря ответу на критику с позиций антилиберальных идеологий национал-социализма в Третьем рейхе (где власти планировали заменить его «народным кодексом») и марксизма в Восточной Германии (где был принят ГК ГДР 1975 г.). На защиту ГГУ встала «юриспруденция (либерально-демократических) ценностей», выраженных в Основном законе ФРГ 1949 г., серии решений Федерального конституционного суда и в доктрине [3, с. 25].

Но все же убедившее большинство немецких юристов толкование отраслевого законодательства в свете данной системы ценностей, по сути, перенесло авторитет (отраслевого) закона на ценности основного закона. Уже в середине XX в. Э. Форстхофф и К. Шмитт выступили против интерпретации Конституции в качестве системы ценностей, поскольку у последних своя собственная логика, позволяющая судье обойти букву «неправового» закона со ссылкой на «право», а значит, разрушающая юридический метод. В эссе 1960 г. К. Шмитт объя-

вил данный подход «тирианией ценностей»: Федеральный конституционный суд ФРГ выстроил их иерархически таким образом, что вышестоящие имеют приоритет и устраняют нижестоящие [10]. Конвертируемость ценностей в нормы должного поведения позволяет сравнивать их друг с другом, перемещать в рамках пирамиды (шкалы), а значит, повышать, снижать или полностью устраивать их значимость в ходе толкования и реализации. К тому же немецкий ученый обратил внимание на «агрессивность» логики ценностей, склонной к отрицанию негативных ценностей и к экспансии за пределы отраслей права, которым органически свойственно ценностное восприятие (например, в коммерческом праве). Востребованность данной логики К. Шмитт объяснил тремя обстоятельствами, два из которых особенно значимы для мифологизации закона. Первое – это методологический тупик социально-гуманитарных наук, в котором они оказались после критики и дискредитации метафизики (и мифологии). Второе – необходимость сконструировать благодаря ценностям общую основу для понимания и взаимодействия плюралистического общества, разобщенного множеством конфликтующих друг с другом идеологий [5, с. 198–201].

Сохранив ведущую позицию в немецком правоведении, юриспруденция ценностей так и не дала решительного ответа на критику К. Шмитта. В XXI в. ее актуализировал Э.-В. Бёкенфёрде. Он доказывал, что рационального метода выведения иерархического порядка ценностей в плюралистическом современном обществе нет; составляющие его группы не согласны в отношении ценностей и того, как следует их оценивать. Следовательно, ценностная основа закона – реинкарнация мифа об авторитете закона, который символизируют прежде всего Конституция и кодексы.

Во французском правоведении дискуссию о ценностных основаниях права вызвал доклад Всемирного банка «Doing business» 2005 г. с критикой континентального права за излишние административные барьеры в ведении бизнеса. В ответ французские цивилисты не только указали на численное превосходство среди ведущих экономик мира стран с моделью романо-германского права, но и под-

черкнули социальное (ценностное) предназначение права. Суть возражений членов ассоциации им. А. Капитэна сводится к тому, что гражданское законодательство должно выражать интересы всего общества, а не только предпринимателей [9].

Спасти авторитет кодекса в XXI в. призвана его глубокая реформа («рекодификация») с учетом ценностей и интересов плюралистического общества, выявленных методами сравнительного правоведения и *социологии* права. Такой подход позволил обновить преподавание позитивного права, а также подготовить крупные реформы гражданского законодательства на рубеже XX–XXI вв. (ГГУ в 2002 г., ФГК в 2016 г.). Наряду с реформой в Европе прошла волна разработки и принятия новых кодексов как следствие подготовки проекта ГК ЕС (ГК Литвы в 2000 г., Эстонии и Молдовы в 2002 г., Бельгии в 2020 г.).

2. *Полнота и непротиворечивость кодекса* были поставлены под сомнение еще на рубеже XIX–XX веков. Правоведы разных стран Европы выявили и подвергли критике порожденный кодификацией эффект замкнутой системы законодательства и миф о ее совершенстве. По мере устаревания кодексов XIX в. юристы все чаще признавали необходимость постоянных усилий по внесению изменений и дополнений в кодекс. Причем поддержку данного тезиса удавалось найти уже в суждениях разработчиков кодекса, которые высказывали сомнения в полноте своего детища.

В частности, не кто иной, как Ж.-М. Порталис, представляя проект ФГК законодателю, утверждал: «Потребности общества столь различны, связи людей столь интенсивны, их интересы столь многообразны и отношения столь обширны, что законодателю невозможно предусмотреть все... Едва только завершена подготовка кодекса, каким бы полным он ни казался, как перед судьей тут же возникает тысяча неожиданных вопросов» (цит. по: [1, с. 178]).

С позиции социологической юриспруденции полнота кодекса – это иллюзия, причем чреватая для правовой системы стагнацией доктрины, отрывом «права в книгах» от «права в жизни» и от потребностей общества, а значит, утратой правом его базовых характеристик.

тик действенности и легитимности. Одним из первых данный тезис обосновал представитель школы свободного права Г. Канторович в монографии 1906 г. «Борьба за правоведение».

Впрочем, к концу XX в. правоведы-теоретики решили, что неполнота и внутренние противоречия не только неизбежны, но и желательны, ибо, с позиции представителей системной теории права М. ван де Кершова и Франсуа Оста, «избыток порядка всегда вызывает беспорядок» (цит. по: [1, с. 182]).

3. *От силлогистической модели правоприменения к ее дифференциации.* Поблекший авторитет кодекса (закона) привлек внимание правоведов к оценке объективности и справедливости судей, решивших испытать на прочность миф о превосходстве абстрактных норм кодекса и дедуктивной модели правоприменения. На рубеже XIX–XX вв. данную модель подвергли критике с позиции американского правового реализма и школы свободного права. Суть возражений реалистов сводится к афористичному высказыванию судьи О. Холмса: «общие принципы не решают конкретных дел» (в особом мнении к решению ВС США по делу «Лохнер против штата Нью-Йорк, 1905 г.». В юрисдикции общего права судьи руководствуются опытом, интуицией, озарением на счет верного решения, которое не поддается формализации [5, с. 34].

В Европе в пользу расширения судебского усмоктания при разрешении дел высказались сторонники движения за свободный поиск права – французы Ф. Жени, Э. Ламбер, Р. Салейль, немцы Г. Канторович, З. Шлоссман, Е. Эрлих и др. Со слов последнего, «всякая система твердо установленных правовых правил по собственной своей природе всегда имеет пробел, что в сущности она устаревает в тот самый момент, когда она установлена... (и судьи) будут применять право в духе их народа и их времени, а не в духе прошедших столетий по намерению законодателя» [5, с. 314]. Разумеется, свобода поиска права судьей (и ученым) не безгранична, но сторонники данного направления на протяжении XX в. не смогли прийти к согласию о ее пределах.

Зашитники дедуктивной модели правоприменения ответили на критику выводом о

полной невозможности обоснования обще обязательных норм с позиции реализма, коль скоро судья полномочен отступать от буквального смысла закона во имя справедливости, а по сути произвола и бесправия. В конечном итоге это подрывает принцип законности и правового государства [5, с. 59].

Ответ на критику, однако, побудил европейских защитников позитивизма модернизировать дедуктивную модель применения кодифицированного права, допускающую некоторую степень усмоктания судьи, все же ограниченного правилами толкования нормы. Пожалуй, самым именитым защитником «среднего» пути между крайностями формализма и свободного права стал Г. Кельзен и его теория толкования. Австрийский правовед-позитивист разделил толкование как научную деятельность и как властную юридическую функцию. Ученый демонстрирует неодинаковые результаты толкования нормы разными приемами ее толкования, но выбор одного из возможных значений является политico-юридическим решением судьи. Общая норма – это всегда только рамка (иногда более широкая, иногда более узкая), в пределах которой принимается индивидуальная норма [2, с. 304].

Развитие науки о толковании (герменевтики) во второй половине XX в. позволило правоведам прийти к выводу о толковании нормы как процесса соучастия в создании, раскрытии ее смысла юридическим сообществом. Согласно авторитетному мнению патриарха итальянской компаративистики Р. Сакко, текст закона в конечном итоге будет иметь значение, приписанное ему его интерпретаторами, которые неизбежно будут полагаться на свою профессиональную культуру (различные правовые образующие, или форманты, собирательно названные им «немое право»). При этом приверженность толкователя (ученого, практика, судьи) данной культуре – вопрос его/ее лояльности [12, р. 410–411].

Данный подход позволяет сохранить миф о превосходстве дедуктивной модели применения абстрактных норм кодекса, связав его с особенностями правовой культуры романо-германского права, укорененной в социальной действительности недавнего прошлого и настоящего.

3.2. Демифологизация кодексов в незападных юрисдикциях

Отложенная модернизация незападных обществ определила отставание их правовых систем как в кодификации, так и в последующей декодификации законодательства. Как следствие, «расколдовывание» мифов о кодификации происходило позже и не столь решительно, как в ведущих странах Западной Европы. Подтверждением тому служит принятие новых кодексов на рубеже XX–XXI вв., нередко в ходе резкой смены курса правовой политики, сопряженной с новыми политико-правовыми мифами.

В *пространстве иbero-американского права* новые кодексы гражданского права были приняты в Парагвае в 1985 г. (вместо ГК 1876 г.), Перу в 1984 г. (вместо ГК 1936 г.), Бразилии в 2002 г. (вместо ГК 1916 г.), Аргентине в 2015 г. (вместо ГК 1869 г.). Поправки в кодексы XIX в., созданные для аграрного общества с либеральной идеологией, вносились с учетом зарубежного (в основном итальянского и немецкого) опыта правовых реформ и «расколдовывания» мифов кодификации XIX века.

1. *Авторитет кодекса* не защищал его от критики сообщества юристов как в процессе разработки, так и после вступления в силу. «Аргумент от авторитета или подлинного смысла закона имеет лишь относительную ценность (в наши дни). Мы не можем ожидать, что наш образ мысли будет таким же, как у наших преемников, и наши предки не могли связать нас со своими способами понимания и решения правовых проблем», – писал колумбийский правовед Валенсия Сеа в 1980 г. по поводу проекта реформы ГК 1887 г. своей страны [12, р. 157].

Поводом для критики чаще всего являлось несоответствие проекта ГК новым социальным условиям (духу времени). Так, в Бразилии принятие ГК 2002 г. подразумевало реформу ГК 1916 г., а не масштабную рекодификацию. В целом кодекс не оправдал ожиданий юридического сообщества, предлагавшего отразить в законе новые ценностные ориентиры либерально-демократического плюралистического общества, закрепленные в Конституции 1988 года. Этот реалистичный

взгляд на право защищал один из разработчиков проекта ГК профессор Мигель Реале. По его убеждению, право – это не автономный порядок предписаний о должном, в смысле Г. Кельзена, а культурная конструкция, основанная на фактах, ценностях и нормах [12, р. 319].

Разумеется, новый кодекс по определению не мог претендовать на символическое значение памятника национальной правовой культуры, даже если он и подготовлен при участии сообщества сотен правоведов (как в случае с ГК Аргентины 2015 г.).

2. *Миф о полноте и непротиворечивости* кодекса подорван декодификацией. В Латинской Америке ее признают не только правоведы, но и новые кодексы. Так, ГК Аргентины 2015 г. включает множество отсылок к специальным законам, а правоведы-цивилисты заимствовали из международного права в национальное концепцию «диалога» источников права в ходе толкования закона [12, р. 151].

В пояснительной записке к законопроекту указано: «В новом Кодексе практически во всех основных пунктах прослеживается взаимосвязь принципов публичного и частного права. Впервые в Аргентине ГК предусмотрел связь между Конституцией 1853 г. (в ред. 1994 г.) и частным правом с учетом позиции высших судов и аргентинских ученых-юристов» [12, р. 153].

3. *Миф о дедуктивной модели применения* абстрактных норм кодекса судами подвергся критике в связи с модернизацией самой модели правоприменения. Наиболее ярко за тезис о невозможности схематизировать данный процесс высказались аргентинские ученые-правоведы К.Э. Альчуррон и Е.В. Булыгин. Последний назвал эту модель предрассудком, основанным на логической ошибке в аргументации и упрощенном взгляде на процесс толкования нормы, уже отвергнутом европейскими специалистами [5, с. 43].

Диалог источников и диалог судов (в иbero-американском пространстве) в сочетании с включением «каучуковых норм» (добросовестность, разумность и др.) в ГК предоставляет судам немало средств «развития» норм позитивного права, дабы вынести «разумные решения» (ст. 3 ГК Аргентины). Так, суды Аргентины и Бразилии в XXI в. все чаще ссылаются на добросовестность или существен-

ное изменение обстоятельств в решениях об изменении условий договора по решению суда [12, р. 314–328].

Кроме того, Межамериканский суд по правам человека, высшие суды государств континента и авторитетные латиноамериканские правоведы отвергли толкование позитивного закона в свете изначального смысла закона (оригинализм), поскольку «каждое поколение требует своих собственных критериев; отказ от старых идей открывает путь к эволюции и прогрессу», как отметил колумбийский ученый Валенсия Сеа в 1980 г. [12, р. 157].

В *исламском правовом пространстве* к концу XX в. почти не осталось государств, где, как в Саудовской Аравии, исламское право продолжает применяться в традиционной форме доктрины (фих), не признающей кодификации. Причина тому – совместимость кодекса с принципами исламского права. В середине XX в. наиболее влиятельный проект ГК составил с опорой на актуальный французский опыт египетский профессор, судья и политик Абд эль-Раззак эль-Санхури. В ходе обсуждения он подчеркивал: «Я со всей ответственностью заявляю, что три четверти или даже пять шестых положений этого Кодекса основаны на решениях египетских судов и на существующем законодательстве». В пояснительной записке к проекту отмечалось: «Мы взяли из шариата все, что могли взять, с учетом здравых принципов современного законодательства; и мы преуспели в этом отношении» (цит. по: [4, с. 564]). Этим объясняется рецепция ГК Египта 1948 г. в арабских странах (Сирия 1949 г., Ирак 1951 г., Ливия 1953 г.), где он заменил османский Маджалла.

Возрождение исламского права в последней трети XX в. иногда вело к отказу от кодекса (например, ГК Судана 1971 г. отменен в 1973 г.), но чаще к признанию доктрины (фих) субсидиарным источником права, применимым, согласно общим принципам гражданского законодательства, и к публичному порядку (то есть действующим нормам о личном статусе, основах власти, обороте ресурсов, свободе торговли, частной собственности, толкуемым сообразно общим принципам шариата). Так, ГК Кувейта 1980 г. и ст. 1 ГК ОАЭ 1985 г. предписывают судье в случае «молчания» закона применять нормы фикха (шариата).

По мнению Л.Р. Сюкияйнена, нормы кодексов подчинены общему смыслу законодательства, имеющего мало общего с исламским правом, и потому во многом лишены своей традиционной специфики [6, с. 121]. Объявление принципов шариата основным источником права не влечет отмены проведенной ранее кодификации и связанного с ней стиля правового регулирования. Примером служит Египет, где ГК 1948 г. сохраняет силу несмотря на поправку 1980 г. в Конституцию о принципах шариата.

В государствах с *социалистической идеологией* кодификация права и связанные с ней мифы сохраняют привлекательность по сей день. Это подтверждают принятые ГК Кубы 1987 г. и ГК КНР 2020 года. Однако высокая оценка политического (идеологического) значения кодекса не исключает его критики учеными по примеру их западных коллег. Так, в действующем с 1 января 2021 г. ГК КНР китайские цивилисты уже выявили ряд внутрисистемных противоречий. В числе основных проблем правовед из городского университета Гонконга Лю Цяо называет: несогласие между различными положениями, повторение, неадекватное использование перекрестных ссылок и чрезмерную широту отдельных предписаний, а также противоречия норм об обязательствах в целом и норм об отдельных договорах в разделе 1 книги III [12, р. 203]. Кроме того, профессор права Восточно-китайского университета политических наук и права (Шанхай) Чжан Лихун обоснованно утверждает, что принятие кодекса не предотвратит декодификацию, поскольку Верховный народный суд КНР наделен полномочиями расширительно толковать нормы гражданского законодательства [12, р. 381]. Очевидно, такой вывод напрашивается из опыта декодификации и критики кодексов в «буржуазном» правоведении.

Выводы

Обзор становления основных мифов о кодификации в XIX в. и их «расколдовывания» в XX в. лишний раз подтверждает вывод Ф. Виакера о том, что кодекс как форму систематизации трудно не только создать, но и сохранить в условиях цикла кодификации, как его

назвал Р. Кабрияк. Убежденность европейских создателей кодекса в его авторитете иполноте, а также превосходстве основанного на нем правосудия лишь отчасти подкреплялась объективными данными и рационально-логическим обоснованием. Несмотря на это, мифы о кодификации имели реальные последствия в виде создания законоцентричной правовой системы централизованного государства-нации, а также рецепции кодексов в незападных странах с аналогичным эффектом для модернизации их правовых систем.

Однако в XX в. мифы о кодексе все менее подходили для объяснения реалий декодифицированного права и его легитимации в плюралистическом обществе, став предметом критики правоведов с позиции правового реализма. Парадоксальным образом реалистичный взгляд на мифы о кодификации позволил выявить их символическое значение для целостности правовой системы, преемственности ее развития, а также побудил переосмыслить их для целей рекодификации права. Правовая система (в силу традиции, стиля, идеологии) по-прежнему нуждается в таком идеологическом источнике, как мифы о (ре)кодификации, в отличие от давно отвергнутой гипотезы богатворца естественного права. Миф кодекса умер, да здравствует миф кодекса!

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Окончание статьи. Начало см.: Полдников Д. Ю. Кодификация в стиле романо-германского права в XIX–XX вв.: от мифологизации к рациональной критике. Часть 1 // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 2. – С. 6–16. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.2.1>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабрияк, Р. Кодификации / Р. Кабрияк. – М. : Статут, 2007. – 474 с.
2. Кельзен, Г. Чистое учение о праве / Г. Кельзен. – СПб. : Алеф-Пресс, 2015. – 540 с.
3. Немецкие цивилисты о юриспруденции: Юлиус фон Кирхманн, Карл Ларенц / под ред. С. Н. Трушниковой. – М. : Ridero, 2022. – 76 с.
4. Полдников, Д. Ю. Сравнительная история зарубежного права : учебник. В 2 т. Т. 2 / Д. Ю. Полдников. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2024. – 624 с.
5. Стратегии судебного толкования и принципы права : учеб. пособие / под ред. Е. В. Тимошиной. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2022. – 362 с.
6. Сюкиянен, Л. Р. Исламское право и диалог культур в современном мире / Л. Р. Сюкиянен. – М. : ИД ВШЭ, 2025. – 680 с. – DOI: 10.17323/978-5-7598-2915-7
7. Штолльайс, М. Око закона. История одной метафоры / М. Штолльайс. – М. : РОССПЭН, 2012. – 86 с.
8. Irti, N. L'età della decodificazione venti anni dopo / N. Irti. – 4th ed. – Milan : Giuffrè, 1998. – 220 p.
9. Les droits de tradition civiliste en question. A propos des rapports Doing business de la Banque Mondiale. In 2 vols. Vol. 2. – Paris : Société de Législation Comparée, 2006. – 162 p.
10. Schmitt, C. Die Tyrannie der Werte. 3 Aufl. / C. Schmitt. – Berlin : Duncker & Humblot, 2011. – 91 S.
11. Teubner, G. Recht als autopoietisches System / G. Teubner. – Frankfurt : Suhrkamp, 1989. – 227 S.
12. The Making of the Civil Codes: A Twenty-First Century Perspective / ed. by M. Graziadei, L. Zhang. – Singapore : Springer Nature, 2022. – 412 p.

REFERENCES

1. Kabrijak R. *Kodifikatsii* [Codifications]. Moscow, Statut Publ., 2007. 474 p.
2. Kelzen G. *Chistoe uchenie o prave* [Pure Theory of Law]. Saint Petersburg, Alef-Press, 2015. 540 p.
3. Trushnikova S.N., ed. *Nemetskie tsivilisty o jurisprudentsii: Julius von Kirkhmann, Karl Larents* [German Civil Lawyers on Jurisprudence: Julius von Kirchmann, Karl Larenz]. Moscow, Ridero Publ., 2022. 76p.
4. Poldnikov D.Yu. *Sravnitel'naya istoriya zarubezhnogo prava: uchebnik*. V 2 t. T. 2 [Comparative History of Foreign Law. Textbook. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Norma Publ., INFRA-M Publ., 2024. 624 p.
5. Timoshina E.V., ed. *Strategii sudebnogo tolkovaniya i printsipy prava: ucheb. posobie* [Strategies of Judicial Interpretation and Principles of Law. Textbook]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2022. 362 p.
6. Syukiaynen L.R. *Islamskoe pravo i dialog kultur v sovremennom mire* [Islamic Law and Dialogue of Cultures in the Modern World]. Moscow, ID VShE, 2025. 680 p. DOI: 10.17323/978-5-7598-2915-7
7. Shtollajs M. *Oko zakona. Istoryya odnoj metafore* [The Eye of the Law. History of a Metaphor]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 86 p.
8. Irti N. *L'età della decodificazione venti anni dopo*. Milan, Giuffrè, 1998. 220 p.
9. *Les droits de tradition civiliste en question. A propos des rapports Doing business de la Banque Mondiale*. In 2 Vols. Vol. 2. Paris, Société de Législation Comparée, 2006. 162 p.

10. Schmitt C. *Die Tyrannie der Werte. 3 Aufl.* Berlin, Duncker & Humblot, 2011. 91 S.
11. Teubner G. *Recht als autopoitisches System.* Frankfurt, Suhrkamp, 1989. 227 S.
12. Graziadei M., Zhang L., eds. *The Making of the Civil Codes: A Twenty-First Century Perspective.* Singapore, Springer Nature, 2022. 412 p.

Information About the Author

Dmitry Yu. Poldnikov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Department of Legal Theory and Comparative Law, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Prospekt Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russian Federation, poldnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2872-4540>

Информация об авторе

Дмитрий Юрьевич Полдников, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Российская Федерация, poldnikov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2872-4540>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.2>UDC 342.228
LBC 67.400.5Submitted: 21.08.2025
Accepted: 10.11.2025

VARIATION IN THE TERMINOLOGY OF LEGISLATION ON STATE SYMBOLS IN THE REPUBLICS – CONSTITUENT ENTITIES OF THE RUSSIAN FEDERATION

Irina V. Minnikes

Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

Introduction: a comparative analysis of the legislation of the republics – constituent entities of the Russian Federation – allows concluding that the coat of arms, flag, and anthem of the republics are most often combined by the general term “symbols.” However, the designation of the generic affiliation of symbols in legislation may vary – for example, in the constitution, the flag is called a state symbol, while in the law on the state flag, it is referred to as the main one or not at all classified as a symbol of statehood, etc. The **purpose** of the study is to establish the terminological features of the legislation on state symbols in the republics – constituent entities of the Russian Federation. **Discussion:** possible variants of the legal terminology in relation to symbols of statehood are typified in the work using the category “terminological series.” The paper proposes a classification of terminological series into complete and incomplete ones. The full terminological series means that every element of symbolism – the coat of arms, the flag, and the anthem – is necessarily reflected in the constitution and in the laws of the republic as symbols of a certain kind. An incomplete series is found in the legislation of those republics where the characteristics of all symbols or of one particular one are missing either from the constitution or in a specific law. In addition, the terminology of the legislation of some republics may differ from the constitutional definitions. In this case, the terminological series is inconsistent. **Results and conclusions:** the classification of terminological series has made it possible to divide the legislation on symbols in the republics into four groups: the legislation with agreed terminological series (complete or incomplete), and the legislation with inconsistent terminological series, either complete or incomplete. The last two groups require special attention from the legislator, as inconsistencies can escalate into a conflict.

Key words: republics – constituent entities of the Russian Federation, constitution, symbols of statehood, coat of arms, flag, anthem, law on symbols, legal technique, terminological series.

Citation. Minnikes I.V. Variation in the Terminology of Legislation on State Symbols in the Republics – Constituent Entities of the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 16-23. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.2>

УДК 342.228
ББК 67.400.5Дата поступления статьи: 21.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ВАРИАТИВНОСТЬ ТЕРМИНОЛОГИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИК – СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИМВОЛИКЕ

Ирина Викторовна Минникес

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Введение: сравнительный анализ законодательства республик – субъектов Российской Федерации позволяет заключить, что герб, флаг и гимн республик чаще всего объединяются общим термином «символы». Однако обозначение родовой принадлежности символов в законодательстве может варьироваться – например, в конституции флаг назван государственным символом, а в законе о флаге он именуется основным

или вообще не причисляется к символам государственности и т. п. **Цель** исследования – установление терминологических особенностей законодательства республик – субъектов Российской Федерации о государственной символике. **Обсуждение:** возможные варианты юридической терминологии применительно к символам государственности типизированы в работе с помощью категории «терминологический ряд». В статье предложена классификация терминологических рядов на полные и неполные. Полный терминологический ряд означает, что каждый элемент символики – и герб, и флаг, и гимн – обязательно отражены в конституции и в законах республики как символы определенного рода. Неполный ряд встречается в законодательстве тех республик, где характеристика всех символов или какого-то одного отсутствует либо в конституции, либо в конкретном законе. Кроме того, терминология законодательства некоторых республик может отличаться от конституционных определений. В этом случае терминологический ряд является несогласованным. **Результаты и выводы:** классификация терминологических рядов позволила разделить законодательство республик о символике на четыре группы: законодательство с согласованными терминологическими рядами – полными или неполными, и с несогласованными терминологическими рядами, также полными либо неполными. Две последних группы требуют особого внимания законодателя, поскольку несогласованность может перерасти в коллизию.

Ключевые слова: республики – субъекты Российской Федерации, конституция, символы государственности, герб, флаг, гимн, закон о символах, юридическая техника, терминологический ряд.

Цитирование. Минникес И. В. Вариативность терминологии законодательства республик – субъектов Российской Федерации о государственной символике // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 16–23. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.2>

Введение

Государственная символика является не только средством государственно-правовой идентификации, но и выражением национальной идентичности, самобытности, культурно-исторического образа народа.

В трактовке Д.А. Шевляковой символика государства является «словесным, событийным и предметным носителем идеи национального единства» [10, с. 248]. «Официальные государственные символы (герб, флаг и гимн) служат выражением общепризнанных идеалов и ценностей, на основе которых строит свое существование общество» [9, с. 278]. Символика играет важную роль в формировании национального самосознания, является выражением исторических событий, культурного развития нации.

При этом стоит принять тот факт, что высказывания некоторых авторов [8, с. 73; 4; 5, с. 4] о существовании «геральдического хаоса», о недостатке патриотизма в отношении государственных символов и иных однопорядковых явлений имеют под собой определенные основания. Это связано с рядом факторов, в числе которых можно назвать такие как полное отсутствие или поверхностные знания населения о символике государства, невысокую степень информированности граждан в силу неразвитости системы популяризации.

Немалое значение имеет и то, каким образом законодательство регулирует эту сферу отношений.

Проблема принятия и осознания законодательных положений о символике государственности может рассматриваться под разным углом зрения – как проблема политическая, культурологическая, воспитательная и т. д. В данной работе законы о символах государственности рассматриваются с позиции технико-юридической, вместе с тем основное внимание уделено некоторым терминологическим порокам текстов, в которых урегулирован вопрос о государственной символике.

Язык закона – это особый лингвистический слой, к которому предъявляются строгие требования, такие как «четкость, точность и сжатость» [1, с. 145]. О.В. Белянская подчеркивает необходимость однозначности и точности юридических терминов, а также важность единства при их употреблении [2, с. 29].

Эти мысли кажутся вполне очевидными и необходимыми для конструирования текстов законодательных актов, ведь «эффективность нормативного правового акта напрямую зависит от грамотного, правильного применения правил, приемов и средств в нормотворчестве» [7, с. 49].

Однако детальное изучение нормативного материала, посвященного правовому регулированию символики государственности, приводит к выводу о том, что законодатель не всег-

да руководствуется даже столь очевидными и бесспорными соображениями. Сравнительный анализ законодательства республик – субъектов РФ позволяет сделать вывод, что герб, флаг и гимн республик чаще всего объединяются общим термином «символы». В изучаемом контексте термин «символ» выступает как показатель единой правовой природы герба, флага и гимна.

Однако из этого правила есть исключение. Законодательство Кабардино-Балкарской Республики и в тексте Конституции, и во всех трех законах, посвященных символике государственности, вообще не использует термин «символ». Он заменен перечислением конкретных объектов – государственного флага, государственного герба и государственного гимна. Создается впечатление, что каждый из перечисленных объектов не связан с другими. Несмотря на это, общая правовая природа герба, флага и гимна очевидна и признана как на нормативно-правовом, так и на научном уровне.

Таким образом, относительно родовых характеристик герба, флага и гимна мнения законодателей расходятся. Один законодатель говорит об официальных символах, второй – об основных, третий – об официальных государственных и т. д.

Целью данного исследования является установление терминологических особенностей законодательства о государственной символике, выявление и типизация видов терминологических рядов и соотношение терминологий законов о символах и текстов конституций.

Нормативную базу работы составили конституции республик – субъектов Российской Федерации и республиканские законы о символах государственности – гербе, флаге и гимне.

Методология работы включает общенаучные и специально-юридические методы: сравнительно-правовой, формально-юридический метод, метод толкования юридических норм, способствующие оценке форм и раскрытию содержания нормативно-правового материала.

Обсуждение и оценка нормативного материала

Прежде чем исследовать законодательство республик под углом зрения особенностей

терминологии, используемой для обозначения символов, необходимо обозначить то лингвоструктурное образование, которым можно обозначить родовую принадлежность герба, флага и гимна республик.

Представляется, что наиболее удачным обозначением для этого будет понятие «терминологический / понятийный ряд». Юридический терминологический ряд представляет собой «объединение юридических терминов на основе смыслового единства, зависимости друг от друга, существующее в рамках юридической терминологической системы» [12, с. 186].

В данной работе сделана попытка на основе конституционных текстов республик и содержания законов о государственной символике составить узконаправленный терминологический ряд определений к термину «символ». Хотя его основой выступает общий для всех актов конкретный символ, логика самих терминологических рядов иногда весьма причудлива, а сами ряды дискретны и не согласованы.

Так, в законодательстве одной республики государственные герб и флаг образуют терминологический ряд, обозначенный сочетанием «государственные символы», а государственный гимн необъяснимо исключен из этого ряда. В другом варианте те же объекты соединены в одном нормативном акте в один терминологический ряд, а в другом – уже в другой. При этом не уточняется, почему законодательство одного и того же субъекта оперирует сразу двумя терминологическими рядами применительно к одним и тем же объектам регулирования.

К сожалению, такие случаи несогласованности встречаются в законодательстве республик – субъектов РФ довольно часто. Соответственно, необходимо упорядочить различные варианты существующих в законах и конституциях терминологических цепочек и проанализировать действующее республиканское законодательство под углом зрения сформированной схемы.

В зависимости от того, что собой представляет терминологический ряд законодательства конкретной республики можно провести классификацию рядов и типизацию наиболее частых пороков терминологии.

1. Полный и неполный терминологический ряд.

Полный терминологический ряд представлен законодательством (конституцией и законом / законами о символах), в котором родовая принадлежность каждого символа государственности обозначена конкретным определением, независимо от того, являются они одинаковыми или не совпадают. Таковые можно выделить в законодательстве Адыгеи, Дагестана, Ингушетии, Тывы и др. Например, в Республике Башкортостан и Конституция и Закон о государственной символике указывают на родовую принадлежность герба, флага и гимна. Действительно, в Конституции они обозначены как официальные символы, а в законе все три имеют наименование официальных государственных. Несмотря на несовпадение терминологии, в исследуемом контексте важно то, что законодательство Башкортостана характеризуется полным терминологическим рядом из четырех составляющих: одним общим конституционным определением символов и тремя (герб, флаг и гимн) – из закона.

Неполный терминологический ряд означает, что в каком-либо законе или конституции республики пропущен либо конкретный символ, либо его родовая принадлежность. Примером может служить законодательство республик, где термин «символ» не фигурирует в конституциях (Коми, Марий Эл, Мордовия и др.). В Республике Карелия из-за умолчания не только в Конституции, но и в законе о государственном гимне ряд сокращается до двух звеньев – герба и флага.

2. Согласованный и несогласованный терминологический ряд.

Согласованным можно назвать такой ряд, в котором все объекты обозначены единым определением, например, флаг, герб и гимн названы государственными во всех актах с упоминанием символов. Примерами согласованности может служить законодательство республик Адыгея, Удмуртия, Хакасия и др. Так, в законах о гербе, флаге и гимне Коми, Мордовии, Удмуртии, Хакасии, Чечни используется наименование «официальный государственный» символ. Адыгейские законы оперируют более коротким определением «государственные».

К сожалению, применительно к термину «символ» терминологические ряды не всегда согласованы. Почти половина республик – субъектов РФ имеет несогласованную терминологию. Например, каждый из трех законов (Закон о гербе, Закон о флаге и Закон о гимне) Республики Дагестан называет свой предмет регулирования «официальным государственным символом». Такое постоянство весьма похвально, однако в Конституции республики слово «официальный» отсутствует. В ней фигурирует определение «государственный» символ (ст. 101).

Если наличие одного общего слова еще можно счесть лишь незначительным отступлением законодателя от общей понятийной линии, то некоторые другие варианты несогласования выглядят гораздо более противоречивыми. Примером полного отсутствия согласованности в терминологии может послужить законодательство Республики Калмыкия. Согласно ст. 19 Степного Уложения, «Республика Калмыкия имеет свои республиканские символы – флаг, герб и гимн; их описание и порядок официального использования устанавливаются законодательством». Таким образом, в конституции республики герб, флаг и гимн имеют общую родовую принадлежность – они являются «республиканскими» символами. Данное определение представляется вполне обоснованным, поскольку любая республика – это, с точки зрения юридической, не совсем государство. Согласно определению Большой российской энциклопедии, государственные символы – это «исторически сложившиеся индивидуальные знаки, символизирующие данное государство, формальное выражение его суверенитета» [3]. И если строго следовать теоретико-правовым установлениям, при отсутствии суверенитета не может быть и государственных символов.

Тем не менее, составляя закон о символах, законодатель отказался от этой идеи. Флаг, герб и гимн республики как в наименовании закона, так и в его тексте обозначены как «государственные»: в соответствии со ст. 1 Закона о государственных символах Республики Калмыкия, «государственными символами Республики Калмыкия, выражающими национальные особенности, общественно-политический и государственный строй рес-

публики являются: Государственный флаг Республики Калмыкия... Государственный герб... и Государственный гимн».

Результаты исследования и выводы

Концепция полных и неполных, согласованных и несогласованных терминологических рядов важна не сама по себе. Главное заключается в том, что с помощью данной концепции можно проанализировать состояние законодательства республик о государственной символике и обозначить наиболее часто встречающиеся типы терминологических вариаций.

A. Полный согласованный терминологический ряд.

Единственным примером полного терминологического ряда согласованного характера может служить законодательство Республики Адыгея. Конституция республики называет герб, флаг и гимн «государственными» символами (ст. 58.1). По терминологии Закона «О государственных символах Республики Адыгея», герб, флаг и гимн республики также являются ее «государственными» символами.

Терминологический ряд, сформированный на основе Конституции и закона Республики Адыгея, представлен в таблице 1.

Безусловно, этот вариант терминологического ряда наиболее оптимален с точки зрения ясности и доходчивости. К сожалению, он единичен. В законодательстве других республик выявлены различные варианты неполноты и несогласованности терминологического ряда.

B. Неполный согласованный терминологический ряд.

Вторую группу, представленную более многочисленными примерами, составляют республики, характеризующиеся согласованным терминологическим рядом, но этот ряд состоит из меньшего числа звеньев, то есть является неполным (табл. 2).

Как следует из данных таблицы 2, в подавляющем большинстве неполнота терминологического ряда возникает из-за отсутствия соответствующего определения символов в конституции республики. Законы данных республик, непосредственно регламентирующие статус флага, герба и гимна, термин «символ» активно используют. Гораздо сложнее объяснить замысел карельского законодателя –

Таблица 1

Республика	Символы в Конституции	Символ «герб» в законе	Символ «флаг» в законе	Символ «гимн» в законе
Адыгея	Государственные	Государственный	Государственный	Государственный

Таблица 2

Республика	Символы в Конституции	Символ «герб» в законе	Символ «флаг» в законе	Символ «гимн» в законе
Карелия	–	Государственный	Государственный	–
Коми	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Марий Эл	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Мордовия	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Саха (Якутия)	–	Основной государственный	Основной государственный	Основной государственный
Удмуртия	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Хакасия	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Чеченская	–	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Чувашия	–	Государственный / официальный государственный	Государственный / официальный государственный	Государственный / официальный государственный

отказ от признания символом только гимна, тогда как и флаг, и герб квалифицированы как таковые.

В. Полный несогласованный терминологический ряд.

Этот вариант можно проиллюстрировать с помощью таблицы 3.

Особенность этого варианта состоит в использовании законодателем разных определений государственной символики. При этом разногласия могут быть как незначительными (например, Конституция Татарстана использует два определения символов – официальные и государственные как взаимозаменяемые, тогда как законы о символах довольствуются только одним), так и доведены до качества полноценных коллизий (в законодательстве республик Алтай и Калмыкия).

Г. Неполный несогласованный терминологический ряд.

Последний вариант, который характеризуется как неполнотой, так и противоречивостью терминологии, представлен в таблице 4.

В данном варианте правового оформления государственной символики, представленном законодательством двух республик, коллизионные определения дополняются неполнотой законодательства. Стоит отметить, что законодатель Карабаево-Черкесской Республики в трех источниках указал три разных определения государственных символов. При этом в законе о государственном флаге (в отличие от конституции и законов о гербе и гимне) вообще не указано, что флаг является символом государственности.

Подводя итоги исследования и оценивая его результаты, можно заключить, что законодательство республик – субъектов РФ о символах государственности далеко от совершенства.

Неполноту терминологического ряда, возникающую из-за отсутствия указания родовой принадлежности символа в конституции (см. табл. 2) не стоит оценивать как пробел в законодательстве. Текст конституции – это политico-правовая база законов. Ею заложиваются основы права, которые далее

Таблица 3

Республика	Символы в Конституции	Символ «герб» в законе	Символ «флаг» в законе	Символ «гимн» в законе
Алтай	Государственные	Официальный	Официальный	Символ сохранения единства многонационального народа, традиций многонациональной культуры
Башкортостан	Официальные	Государственный официальный	Государственный официальный	Государственный официальный
Бурятия	Официальные	Официальный государственный	Официальный символ государственности	Официальный символ Государственности
Дагестан	Государственные	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Ингушетия	Государственные	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный
Калмыкия	Республиканские	Государственный	Государственный	Государственный
Татарстан	Официальные / государственные	Государственный	Государственный	Государственный
Тыва	Государственные	Официальный государственный	Официальный государственный	Официальный государственный

Таблица 4

Республика	Символы в Конституции	Символ «герб» в законе	Символ «флаг» в законе	Символ «гимн» в законе
Карабаево-Черкесская	Государственные	Официальный государственный	–	Символ сохранения традиций национальной культуры, единства многонационального народа
Северная Осетия (Алания)	–	Государственный	Государственный	Официальный

расширяются и углубляются в текстах соответствующих нормативных правовых актов. Тем не менее отсутствие указаний на статус символа в законе о конкретном объекте заставляет задуматься о том, говорит ли это об иной правовой природе одного из символов государственности либо имеет место пробел?

Еще более тревожным сигналом является несогласованность терминологии, вплоть до полноценных юридических коллизий в законодательстве (см. табл. 3, 4), тогда как «язык законов требует прежде всего точности и невозможности каких-либо кривотолков» [11, с. 114], ведь посредством языка «до членов социума доводятся требования нормативных предписаний» [6, с. 63].

Все изложенное выше не стоит расценивать как попытку добиться того, чтобы законодательство всех республик строилось по одному канону и все субъекты РФ оперировали одним терминологическим рядом. Выбрать любой вариант, будь то «государственные», «республиканские» или «основные» символы – это право каждого субъекта РФ. Вместе с тем это повод задуматься над унификацией в рамках внутреннего законодательства республик, привести законы республик – субъектов РФ в соответствие с конституционными предписаниями и в дальнейшем внимательнее отнестись к терминологии законов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Базавлук, Л. М. Язык закона как особый юридический язык / Л. М. Базавлук // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. – 2017. – № 4 (73). – С. 145–148.
2. Белянская, О. В. Язык и стиль нормативных актов как элемент юридической техники / О. В. Белянская // Актуальные проблемы государства и права. – 2018. – Т. 2, № 7. – С. 23–32. – DOI: 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34
3. Большая российская энциклопедия. – URL: <https://bigenc.ru/c/gosudarstvennye-simvoly-239629>
4. Егоров, С. В. Геральдика для всех / С. В. Егоров // Электронная научно-историческая библиотека «Гербовед.ру». – URL: <https://gerboved.ru/t/1885>
5. Ефимов, Д. М. Роль государственной символики в формировании социальной идентичности студенчества в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социологии / Ефимов Дмитрий Михайлович. – Н. Новгород, 2006. – 29 с.
6. Мельниченко, Р. Г. Юридический язык: постановка проблемы / Р. Г. Мельниченко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 62–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>
7. Пономарева, Е. В. Юридическая терминология как технико-юридическое средство юридической техники / Е. В. Пономарева, А. П. Герасимов // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 4 (42). – С. 48–51.
8. Склизкова, Е. В. Геральдический аспект культурной самоидентификации нации: Британия – Россия / Е. В. Склизкова // Вестник славянской культуры. – 2016. – № 1 (39). – С. 65–75.
9. Тен, Ю. П. Национальные и государственные символы России / Ю. П. Тен // Народное образование. – 2010. – № 4 (1397). – С. 276–280.
10. Шевлякова, Д. А. К вопросу о национальной идентичности: теоретико-методологические подходы исследования / Д. А. Шевлякова // Культура и цивилизация. – 2018. – Т. 8, № 1А. – С. 248–254.
11. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку / Л. В. Щерба / под ред. М. И. Матусевич. – М. : Учпедгиз, 1957. – 186 с.
12. Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. – М. : Проспект, 2021. – 648 с.

REFERENCES

1. Bazavluk L.M. Yazyk zakona kak osobyj yuridicheskij yazyk [The Language of Law as a Special Legal Language]. *Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Lukyanova* [Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia Named After V.V. Lukyanov], 2017, no. 4 (73), pp. 145–148.
2. Belyanskaya O.V. Yazyk i stil normativnyh aktov kak element yuridicheskoy tekhniki [Language and Style of Normative Acts as an Element of Legal Technique]. *Aktualnye problemy gosudarstva i prava* [Actual Problems of the State and Law], 2018, vol. 2, no. 7, pp. 23–32. DOI: 10.20310/2587-9340-2018-2-7-23-34
3. Bolshaya Rossijskaya Enciklopediya [The Great Russian Encyclopedia]. URL: <https://bigenc.ru/c/gosudarstvennye-simvoly-239629>
4. Egorov S.V. Geraldika dlya vsekh [Heraldry for All]. *Elektronnaya nauchno-istoricheskaya biblioteka «Gerboved.ru»* [Electronic Scientific and Historical Library]. URL: <https://gerboved.ru/t/1885>
5. Efimov D.M. Rol gosudarstvennoj simvoliki v formirovaniii socialnoj identichnosti studenchestva v usloviyah transformacii rossijskogo obshchestva:

avtoref. dis. ... kand. sociologicheskikh nauk [The Role of State Symbols in the Formation of the Social Identity of Students in the Context of the Transformation of Russian Society]. Nizhny Novgorod, 2006. 29 p.

6. Melnichenko R.G. Yuridicheskiy yazyk: postanovka problemy [Legal Language: The Problem Statement]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 62-67. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.1.9>

7. Ponomareva E.V., Gerasimov A.P. Yuridicheskaya terminologiya kak tekhniko-yuridicheskoe sredstvo yuridicheskoy tekhniki [Legal Terminology as a Technical and Legal Means of Legal Technology]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika* [The Lawful State. Theory and Practice], 2015, no. 4 (42), pp. 48-51

8. Sklizkova E.V. Geraldicheskij aspekt kulturnoj samoidentifikacii nacii: Britaniya – Rossiya [The Heraldic Aspect of Cultural Self-Identification of

a Nation: Britain – Russia]. *Vestnik slavyanskoy kultury* [Bulletin of Slavic Culture], 2016, no. 1 (39), pp. 65-75.

9. Ten Yu.P. Nacionalnye i gosudarstvennye simvoly Rossii [National and State Symbols of Russia]. *Narodnoe obrazovanie* [National Education], 2010, no. 4 (1397), pp. 276-280.

10. Shevlyakova D.A. K voprosu o nacionalnoj identichnosti: teoretiko-metodologicheskie podhody issledovaniya [On the Issue of National Identity: Theoretical and Methodological Research Approaches]. *Kultura i civilizaciya* [Culture and Civilization], 2018, vol. 8, no. 1A, pp. 248-254.

11. Shcherba L.V. *Izbrannye rabot po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1957. 186 p.

12. Baranov V.M., ed. *Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik* [Legal Technique. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2021. 648 p.

Information About the Author

Irina V. Minnikes, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russian Federation, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

Информация об авторе

Ирина Викторовна Минникес, доктор юридических наук, профессор, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Российская Федерация, ivminnikes@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2550-8949>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.3>UDC 340.5
LBC 67.404.9Submitted: 04.06.2025
Accepted: 10.11.2025

ON THE SOCIAL INTEGRATION OF MIGRANTS (THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS)

Alexander E. Epifanov

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: against the background of the worsening crisis of migration policy in developed countries, the subject of special scientific interest is the identification and study of the conceptual foundations of the social integration of migrants in host societies. As a socio-legal concept, integration reflects the practical efforts of the state to develop and implement effective strategies for the inclusion of migrants in society. It seems that the main goal of various social integration programs is to achieve a “unified society,” whose strengthening and protecting is one of the objectives of the current national security strategy. Nevertheless, it must be recognized that sufficient attention is not paid to the conceptual elaboration of ways and methods of legal support for the idea of “internal unity” in Russian scientific legal thought. The **purpose** of the study is to review the history and modern ideas about the methods of social integration in foreign and domestic scientific thought for the subsequent theoretical development of the idea of “unity” of the Russian people. **Methods:** when writing the paper, the comparative law research methods and the analysis and synthesis of the current state of migration processes in the countries with the largest number of incoming migrants were used. The use of the formal legal method made it possible to identify the features and the current state of their legal status. **Results:** the data reviewed indicate an increase in restrictive trends in legal regimes for incoming migrants, whose constant influx is considered a threat to national security and requires tougher measures to strengthen stability at the state borders in contrast to recent globalist trends. **Conclusions:** the signs of successful integration of migrants are the reduction of social, economic, and cultural differences between them and the population of the host country. The social integration of migrants cannot be considered as a one-sided process; the state needs to make efforts to adapt not only the arrivals but also the society hosting them. The current global policy in the field of social integration of migrants can also be compared with the fluctuations of the pendulum from the provision of broad programs for social integration to the tightening of the regime of entry and stay of foreign citizens in the country against the background of the growth of illegal migration. As evidenced by the domestic experience of uniting different peoples into a single society, the basic element of the state program of social integration should be the conceptual foundations of state policy to preserve and strengthen traditional Russian spiritual and moral values. Otherwise, the risks of social isolation and the formation of migrants’ enclaves that threaten the stable functioning of the state increase.

Key words: state, society, migration policy, social integration, migrants.

Citation. Epifanov A.E. On the Social Integration of Migrants (Theoretical and Historical Aspects). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 24-31. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.3>

УДК 340.5
ББК 67.404.9Дата поступления статьи: 04.06.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

К ВОПРОСУ СОЦИАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ (ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ)

Александр Егорович ЕпифановАкадемия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

Введение: на фоне усугубляющегося кризиса миграционной политики в развитых странах предметом особого научного интереса становится выявление и изучение концептуальных основ социальной интеграции мигрантов в принимающих обществах. Как социально-правовой концепт, интеграция отражает практические усилия государства по разработке и реализации эффективных стратегий включения мигрантов в общество. Основной целью различных программ по социальной интеграции является достижение «единого общества», на укрепление и защиту которого направлена, помимо прочего, действующая стратегия национальной безопасности. Тем не менее необходимо признать, что концептуальной проработке способов и методов правового обеспечения идеи «внутреннего единства» в отечественной научной юридической мысли достаточного внимания не уделяется. Исследование преследует цель обзорного анализа истории и современных представлений о методах социальной интеграции в зарубежной и отечественной научной мысли на предмет последующей теоретической разработки идеи «единства» народа России. **Методы:** при написании статьи были использованы сравнительно-правовые методы исследования, анализ и синтез современного состояния миграционных процессов в странах с наибольшим числом прибывающих мигрантов. Использование формально-юридического метода позволило выявить особенности и актуальное состояние их правового положения. **Результаты:** рассмотренные данные свидетельствуют об усилении ограничительных тенденций правовых режимов для прибывающих мигрантов, постоянный приток которых рассматривается как угроза национальной безопасности и требует принятия более жестких мер для усиления стабильности на государственных границах в противовес глобалистским тенденциям последнего времени. **Выводы:** признаками успешной интеграции мигрантов является уменьшение социальных, экономических и культурных различий между ними и населением принимающей стороны. Социальная интеграция мигрантов не может рассматриваться как односторонний процесс, государству требуется прилагать усилия по адаптации не только прибывающих лиц, но и принимающего их общества. Современная глобальная политика в сфере социальной интеграции мигрантов также может быть сравнима с колебаниями маятника от предоставления широких программ по социальной интеграции к ужесточению режима въезда и пребывания иностранных граждан в стране на фоне роста нелегальной миграции. Как свидетельствует отечественный опыт по объединению разных народов в единое общество, базовым элементом государственной программы социальной интеграции должны стать концептуальные основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. В ином случае возрастают риски социальной изоляции и формирования анклавов мигрантов, угрожающих стабильному функционированию государства.

Ключевые слова: государство, общество, миграционная политика, социальная интеграция, мигранты.

Цитирование. Епифанов А. Е. К вопросу социальной интеграции мигрантов (вопросы теории и истории) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 24–31. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.3>

Отечественные и зарубежные исследования, посвященные изучению политики «социальной интеграции», основаны на ее существующих теориях и затрагивают вопросы международных и национальных подходов в осуществлении консолидации различных социальных групп общества. Как правило, под социальной интеграцией понимается политика государства, направленная на содействие объединению всего населения или определенной его части. Последние исследования глобальных тенденций в области социальной интеграции и политики социальной интеграции свидетельствуют о переходе от расширения политики социальной интеграции к ее постепенному сворачиванию и росту на этом фоне уровня социальной изоляции [19].

Изучение вопросов социальной интеграции с позиции отечественного права представ-

ляет теоретический и практический интерес с учетом происходящих демографических изменений в Российской Федерации [17]. Отдельного внимания заслуживают работы отечественных и зарубежных авторов, посвященные изучению роли религиозного фактора в процессах интеграции мигрантов [4, с. 12]. Североамериканская литература по вопросам миграции склонна рассматривать религию как фактор, способствующий интеграции, поскольку она играет определенную роль в удовлетворении социальных потребностей мигрантов. Считается, что религиозная идентичность и участие в общественной религиозной жизни способствуют американизации недавних мигрантов и их потомков, укрепляют их чувство принадлежности к принимающей стране и повышают уровень принятия меньшинств доминирующей группой [24]. В европейской лите-

ратуре религия мигрантов рассматривается как проблема и потенциальный источник конфликта, что соответствует общественному мнению, широко распространенному на континенте. Подобной точки зрения придерживаются и отечественные исследователи [16, с. 44]. Как правило, связь между религией и мигрантами трактуется негативно, поскольку религиозная принадлежность, особенно к исламу, считается маркером большой социальной дистанции и фактором, препятствующим взаимодействию с коренным населением [23].

В Российской Федерации совершение религиозных обрядов в общественных местах, не предназначенных для ведения религиозной деятельности, относится к административному правонарушению, предусмотренному ч. 4 ст. 5.26 КоАП РФ. Так, в соответствии с постановлением Савеловского районного суда города Москвы двое мигрантов, совершившие намаз в метро и предлагавшие прохожим к ним присоединиться, были признаны виновными в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 5.26 КоАП [1]. Ограничения на уличные молитвы действуют во многих европейских странах при условии, если они совершаются на дорогах общего пользования и нарушают общественный порядок, создавая препятствие к передвижению [8, с. 156].

В современных многоэтнических и плюралистических обществах наблюдается значительная диверсификация религиозного и культурного поведения мигрантов, которые несут с собой свои исконные религиозные традиции [9, с. 49]. В этой связи вопрос об интегрирующем или дезинтегрирующем влиянии религии мигрантов не имеет однозначного ответа [7, с. 41].

Обращаясь к анализу советского опыта решения вопросов интеграции представителей различных национальностей в единую общность – советский народ, следует вспомнить концепцию морально-политического единства советского народа как совершенно нового качественного состояния общества [17, с. 7], которая активно разрабатывалась в 50-е гг. XX в. в советской философской мысли. Под морально-политическим единством понималось единство коренных политических и экономических интересов, а также нрав-

ственных принципов, побуждающих рабочих, крестьян и интеллигенцию многонациональной Советской страны к дружественному сотрудничеству и развитию своей творческой деятельности [11, с. 9]. В 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б), в отчетном докладе ЦК укрепление морально-политического единства народа рассматривалось как важнейшее завоевание коммунистической партии.

К наиболее частому фактору, препятствующему социальной интеграции мигрантов в новой стране, можно отнести языковые барьеры. Свободное владение местным языком имеет определяющее значение для эффективного общения, установления связей с обществом и доступа к услугам.

Новаторские подходы РСФСР и СССР к объединению представителей различных национальностей основывались на идее формирования советского народа как новой исторической, социальной и интернациональной общности, проживающей на единой территории с единой экономикой, культурой и моральными ценностями. При этом равенство и суверенность народов России должны были основываться на праве народов на свободное самоопределение, отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России [5]. Для практической реализации этих постановлений ЦК РКП(б), ВЦИК и СНК РСФСР разрабатывались и утверждались основы национальной политики советского государства.

Уже в первые дни Октябрьской революции, 26 октября 1917 г. декретом II Всероссийского съезда Советов был создан Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), наркомом которого был назначен И.В. Сталин. Деятельность наркомата распространялась как на территорию РСФСР, так и на все национальные окраины бывшей Российской империи. В задачи наркомата входило обеспечение мирного сосуществования всех национальностей. Кроме того, в отличие от других учреждений, в основу структурного деления Наркомнаца был заложен национальный принцип. В соответствии с инструкцией Народного комиссариата по делам национальностей от 9 июня 1920 г. пред-

ставительства каждой национальности организовывали в Наркомнаце отдел по делам своей национальности, сообразно особым ее нуждам. Национальные меньшинства образовывали подотделы отдела национальных меньшинств. Из представителей национальных отделов, заведующего (председателя) отдела национальных меньшинств и коллегии Наркомнаца во главе с Наркомом составлялся Совет национальностей. Совет национальностей вносил свои заключения по всем национальным вопросам через Наркомнац в Совнарком и ВЦИК [10, с. 205–206]. Основные функции нацотделов на местах состояли в юридической защите правовых интересов представляемых ими национальностей, повышении культурного уровня и классового самосознания широких трудовых масс, пропаганде мероприятий советской власти [10, с. 199].

Таким образом, Советское государство стремилось интегрировать все национальности в единое советское общество, сформировав основные принципы равноправия и прав человека, выражавшиеся в терпимости, совместном проживании всех национальных групп в мире друг с другом и содействии экономическому и социальному прогрессу всех народов СССР.

Однако национальная политика СССР в отечественной историографии сравнивается с колебаниями маятника ввиду отсутствия последовательной тактики, что приводило к смене кампаний по коренизации «титульных» наций в союзных и автономных территориальных образованиях в 1920–1930-е гг. на повсеместное внедрение русского языка как языка межнационального общения. Знание русского языка становилось единственным средством связи и общения между народами СССР, способствующим их дальнейшему хозяйственному и культурному росту [15].

В марте 2025 г. в Соединенных Штатах Америки английский язык получил законодательное закрепление в качестве основного национального языка, который использовался с момента основания США при создании всех исторических руководящих документов страны, включая Декларацию независимости и Конституцию. Национальный язык лежит в основе единого и сплоченного общества и не-

обходим для свободного обмена идеями между гражданами на одном общем языке [21]. Как предполагается в соответствии с текстом указа, изучение и освоение английского языка, должно сделать Соединенные Штаты общим домом и дать новым гражданам возможность осуществить американскую мечту. Знание английского языка не только откроет перед приезжими экономические возможности, но и поможет им интегрироваться в общество, участвовать в национальных мероприятиях и вносить свой вклад в развитие общества. Указ признает и прославляет давнюю традицию многоязычия среди американских граждан, которые выучили английский и передали его своим детям на многие поколения вперед. Указ закрепляет национальный язык как основу единого и сплоченного общества [22].

В 1951 г. Европейское сообщество угля и стали, объединившее 6 стран (Бельгию, Германию, Францию, Италию, Люксембург и Нидерланды) для организации свободного перемещения угля и стали и обеспечения доступа к источникам производства, стал первым шагом на пути к последующей европейской интеграции основанной, прежде всего, на экономических принципах [25].

Выход из состава СССР союзных республик в конце 1980-х – начале 1990-х гг. и последовавшие события кардинально изменили миграционную ситуацию на территории страны. Возникновение новых независимых государств сопровождалось притоком мигрантов из бывших республик в Российскую Федерацию. Государство не смогло в полной мере определить политику интеграции мигрантов, что привело к их отчуждению и снижению уровня толерантности, повышению степени межэтнической напряженности.

Сегодня, в условиях массового притока мигрантов политика их интеграции в российское общество должна быть неотъемлемым элементом миграционной политики. Вопрос, связанный с современной миграцией, Президент РФ обозначил как «чувствительный и острый» [13]. С августа 2024 г. Росстат совместно с МВД России осуществил переход с бумажных носителей на электронный формат передачи первичной информации о миграции населения, что позволило более эффективно измерять миграционные процессы. Так,

по итогам 2024 г. миграционный прирост в России составил 568,5 тыс. человек. По предварительной оценке, численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2025 г. составила 146,0 млн человек. С начала года численность населения сократилась на 27,7 тыс. человек, или на 0,02 % (за аналогичный период предыдущего года – уменьшилась на 296,6 тыс. чел., или на 0,2 %). Миграционный прирост на 95,4 % компенсировал естественную убыль населения [6].

Предполагается, что сохранение сложившейся структуры миграционных потоков в перспективе будет усиливать влияние титульных народов этих стран на социально-демографическую ситуацию в России. Повышаются риски, связанные с обострением международных отношений, проникновением террористов, нелегальным ввозом оружия и наркотиков [18, с. 112]. По данным СК РФ, число тяжких преступлений, совершенных приезжими, в 2024 г. возросло на 12 % (с 4 390 до 4 935). Втрое увеличилось число преступлений, совершенных лицами, незаконно находящимися на территории России. На 69 % возросло количество криминальных проявлений со стороны трудовых мигрантов [2]. Руководитель СК РФ также призвал изменить миграционную политику в России и выразил недовольство работой Госдумы, которая еще не приняла новых законов в этой области [3].

Как неоднократно отмечал В. Путин, серьезные задачи в миграционной сфере по обеспечению безопасности общества и граждан, сбережению культурной идентичности страны стоят перед МВД. Необходимо пресекать каналы нелегальной миграции, активнее использовать современные инструменты миграционного контроля [14].

Тем не менее за последний год произошло значительное ужесточение миграционной политики. Организован учет иностранных граждан, находящихся в Российской Федерации и не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, путем внесения сведений о них, в том числе персональных данных, в реестр контролируемых лиц [12], в связи с чем отдельным категориям иностранных граждан, находящихся в РФ с нарушением миграционного законодательства, дана возможность урегу-

лировать свое правовое положение. Органы МВД получили полномочия выносить постановления о выдворении иностранных граждан. Обновлены условия пребывания (проживания) иностранных граждан в РФ (бережно относиться к окружающей среде, уважать многообразие региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации; не препятствовать осуществлению прав и свобод граждан Российской Федерации, деятельности органов публичной власти РФ и их должностных лиц; не вмешиваться во внешнюю и внутреннюю государственную политику РФ; уважать традиционные российские духовно-нравственные ценности и др.). Введены ограничения по сроку временного пребывания – 90 дней в году. Максимальный срок миграционного учета ограничен одним годом. Особо следует отметить, что с 5 февраля 2025 г. в Российской Федерации действует миграционный режим высылки. Под режимом высылки понимается правовой режим, при котором в отношении иностранных граждан или лиц без гражданства, находящихся в Российской Федерации, но не имеющих законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, в целях обеспечения их выезда или приобретения ими законных оснований для пребывания (проживания) в Российской Федерации, предусматривается установление в отношении таких лиц ограничений отдельных прав и свобод, применение мер федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции. С позиции международно-правовых обязательств государств высылка традиционно рассматривается как крайняя мера. Кроме того, как правило, эта процедура обходится дороже и сложнее в реализации, чем социальная интеграция мигрантов [20]. Безусловно, что прерогатива определять, кто может оставаться на территории государства, относится к его суверенному праву. При этом законодательное обеспечение надлежащей процедуры высылки в соответствии с нормами международного права является гарантией прав мигрантов в стране пребывания.

Таким образом, предусмотренные законом меры в отношении иностранных граждан, утративших законные основания для пребывания в России, соответствуют международ-

ному праву в той степени, в которой отвечают целям применения правоограничительных мер, направленных прежде всего на обеспечение национальной безопасности.

Выводы

Несомненно, что современные миграционные процессы повышают риски социально-этнической сегрегации и социальной изоляции, увеличивая вероятность возникновения социальных конфликтов. «Единство» граждан Российской Федерации в современных геополитических условиях на фоне структурной социальной трансформации находится под угрозой и требует критического анализа. Необходимо создание актуальной концептуальной платформы для формирования новой модели «единства», основанной на социальной интеграции всех общественных групп. Единый язык, экономическое благополучие всех членов общества, общие моральные ценности могут составить центральную сферу социальной интеграции, в связи с чем социальная интеграция в российском обществе представляется сложной задачей, требующей, прежде всего, пересмотра документов стратегического планирования в преддверии формирования Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на новый период.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. В Москве оштрафовали мигрантов, предлагавших совершить намаз в переходе. – URL: <https://ria.ru/20250415/sud-2011392731.html?ysclid=mbbb37789p471673512>
2. В СК РФ заявили о росте числа преступлений со стороны мигрантов. URL: <https://iz.ru/1753099/2024-09-03/v-sk-rf-zaia-vili-o-roste-chisla-prestuplenii-so-storony-migrantov>
3. Глава СК созвал совещание, посвященное высокому уровню преступности мигрантов. – URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/03/23836621.shtml>
4. Давыдова, М. Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития / М. Л. Давыдова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 11–19. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.2>
5. Декларация прав народов России. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/>
6. Доклад «Социально-экономическое положение России. Январь–июнь 2024 года». – URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2024.pdf>
7. Епифанов, А. Е. Из зарубежного опыта по обеспечению правового статуса несовершеннолетних мигрантов / А. Е. Епифанов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 38–43. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.5>
8. Епифанов, А. Е. К вопросу о преодолении пробелов и коллизий действующего законодательства в правоприменительном процессе / А. Е. Епифанов // Парадигмы управления, экономики и права. – 2020. – № 2. – С. 153–162.
9. Кононенко, Д. В. GovTech как новый этап в развитии электронного государства (правительства) / Д. В. Кононенко // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 48–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.6>
10. Образование СССР : сб. док. : 1917–1924. – М. ; Ленинград : 2-я тип. Изд-ва АН СССР, 1949. – 472 с.
11. Поляков, К. П. Морально-политическое единство советского народа – движущая сила развития социалистического общества : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Поляков К. П. – М., 1953. – 16 с.
12. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 декабря 2024 г. № 1899 «О реестре контролируемых лиц». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411138057/>
13. Путин назвал вопрос миграции очень чувствительным и острым. – URL: <https://iz.ru/1810182/2024-12-19/putin-nazval-vopros-migracii-ochen-chuvstvitelnym-i-ostrym>
14. Путин потребовал пресекать каналы нелегальной миграции. – URL: <https://ria.ru/20250305/putin-2003193493.html?in=t>
15. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 3. – Д. 997. – Л. 103–107.
16. Сулейманов, Р. Р. Мигранты и их роль в распространении радикальных течений ислама в России: причины, проявления и последствия / Р. Р. Сулейманов // Мусульманский мир. – 2014. – № 2. – Казань : Иман. – С. 40–56.
17. Тамбовцев, И. В. Роль морально-политического единства советского народа в постепенном переходе от социализма к коммунизму : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Тамбовцев И. В. – М., 1952. – 15 с.
18. Топилин, А. В. Миграция населения и формирование трудовых ресурсов в СССР и на постсоветском пространстве: тенденции и регулирование / А. В. Топилин. – М. : Экон-Информ, 2020. – 479 с.

19. Brik, A. B. Global Trends in Social Inclusion and Social Inclusion Policy: A Systematic Review and Research Agenda / A. B. Brik, C. Taylor Brown // Social Policy and Society, First View. – 2024. – P. 1–24. – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/social-policy-and-society/article/global-trends-in-social-inclusion-and-social-inclusion-policy-a-systematic-review-a-and-research-a-genda/431D60C6173072E27064E3051EE2D8F5>
20. Deportation is an Unworkable Solution for Migration // OHCHR. – URL: <https://www.ohchr.org/en/stories/2018/07/deportation-unworkable-solution-migration>
21. Designating English as the Official Language of the United States. – URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/designating-english-as-the-official-language-of-the-united-states/>
22. H.R. 1772 – 119th Congress (2025–2026) All Information (Except Text). – URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1772/text>
23. Sarli, A. Chapter 13 Religion and Integration: Issues from International Literature / A. Sarli, G. Mezzetti // Migrants and Religion: Paths, Issues, and Lenses. – Leiden : Brill, 2020. – 463 p. – URL: <https://brill.com/display/book/9789004429604/BP000017.xml>
24. Systematic Review of Integration and Radicalization Prevention Programs for Migrants in the US, Canada, and Europe / N. Del Pino-Brunet [et al.]. – URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8357979/>
25. Treaty Establishing the European Coal and Steel Community, ECSC Treaty. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:xy0022>
- REFERENCES**
1. *V Moskve oshtrafovali migrantov, predlagavshih sovershit namaz v perekhode* [In Moscow, Migrants Were Fined for Offering to Perform Salah in the Passage]. URL: <https://ria.ru/20250415/sud-2011392731.html?ysclid=mbbb37789p471673512>
 2. *VSK RF zayavili o roste chisla prestuplenij so storony migrantov* [The Investigative Committee of the Russian Federation Announced an Increase in the Number of Crimes by Migrants]. URL: <https://iz.ru/1753099/2024-09-03/v-sk-rf-zaiavili-o-roste-chisla-prestuplenii-so-storony-migrantov>
 3. *Glava SK sozval soveshchanie, posvyashchennoe vysokomu urovnyu prestupnosti migrantov* [The Head of the Investigative Committee Convened a Meeting on the High Level of Crime of Migrants]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/09/03/23836621.shtml>
 4. Davydova M.L. Eksperimentalnoe pravovoe regulirovanie kak sredstvo obespecheniya ustojchivogo razvitiya [Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 11–19. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2022.3.2>
 5. *Deklaraciya prav narodov Rossii* [Declaration of the Rights of the Peoples of Russia]. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5307/>
 6. *Doklad «Socialno-ekonomicheskoe polozhenie Rossii. Yanvar-iyun 2024 goda»* [The Report “Socio-Economic Situation in Russia. January-June 2024”]. URL: <http://ssl.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/osn-06-2024.pdf>
 7. Epifanov A.E. Iz zarubezhnogo opyta po obespecheniyu pravovogo statusa nesovershennoletnih migrantov [From Foreign Experience in Ensuring the Legal Status of Underage Migrants]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 38–43. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2024.4.5>
 8. Epifanov A.E. K voprosu o preodolenii probelov i kollizij dejstvuyushchego zakonodatelstva v pravoprimeiteľnom processe [On the Issue of Overcoming Gaps and Conflicts of the Current Legislation in the Law Enforcement Process]. *Paradigmy upravleniya, ekonomiki i prava*, 2020, no. 2, pp. 153–162.
 9. Kononenko D.V. GovTech kak novyj etap v razvitiי elektronnogo gosudarstva (pravitelstva) [GovTech as a New Stage in the Development of E-Government]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 48–54. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2022.4.6>
 10. *Obrazovanie SSSR: sb. dok.: 1917–1924* [Education of the USSR: Collection of Documents: 1917–1924]. Moscow, Leningrad, 2-ya tip. Izd-va Akad. nauk SSSR, 1949. 472 p.
 11. Polyakov K.P. *Moralno-politicheskoe edinstvo sovetskogo naroda – dvizhushchaya sila razvitiya socialisticheskogo obshchestva: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Moral and Political Unity of the Soviet People is the Driving Force of the Development of Socialist Society. Cand. philos. sci. abs. diss.]. Moscow, 1953. 16 p.
 12. *Postanovlenie Pravitelstva Rossijskoj Federacii ot 26 dekabrya 2024 g. № 1899 «O reestre kontroliruemyh lic»* [Decree of the Government of the Russian Federation Dated December 26, 2024 No. 1899 “On the Register of Controlled Persons”]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411138057/>

13. *Putin nazval vopros migracii ochen chuvstvitelnym i ostrym* [Putin Called the Issue of Migration Very Sensitive and Acute]. URL: <https://iz.ru/1810182/2024-12-19/putin-nazval-vopros-migracii-ochen-chuvstvitelnym-i-ostrym>
14. *Putin potreboval presekat kanaly nelegalnoj migracii* [Putin Demanded to Stop the Channels of Illegal Migration]. URL: <https://ria.ru/20250305/putin-2003193493.html?in=t>
15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv socialno-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], f. 17, inv. 3, d. 997, l. 103-107.
16. Sulejmanov R.R. Migranty i ih rol v rasprostranenii radikalnyh techenij islamu v Rossii: prichiny, proyavleniya i posledstviya [Migrants and Their Role in the Spread of Radical Movements of Islam in Russia: Causes, Manifestations and Consequences]. *Musulmanskij mir*, 2014, no. 2, pp. 40-56.
17. Tambovcev I.V. *Rol moralno-politicheskogo edinstva sovetskogo naroda v postepennom perekhode ot socializma k kommunizmu: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [The Role of the Moral and Political Unity of the Soviet People in the Gradual Transition from Socialism to Communism. Cand. philos. sci. abs. diss.]. Moscow, 1952. 15 p.
18. Topilin A.V. *Migraciya naseleniya i formirovanie trudovyh resursov v SSSR i na postsovetskom prostranstve: tendencii i regulirovanie* [Migration of the Population and the Formation of Labor Resources in the USSR and the Post-Soviet Space: Trends and Regulation]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2020. 479 p.
19. Brik A.B., Brown T.C. Global Trends in Social Inclusion and Social Inclusion Policy: A Systematic Review and Research Agenda. *Social Policy and Society, First View*, 2024, pp. 1-24. URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/social-policy-and-society/article/global-trends-in-social-inclusion-and-social-inclusion-policy-a-systematic-review-and-research-agenda/431D60C6173072E27064E3051EE2D8F5>
20. Deportation Is an Unworkable Solution for Migration. *OHCHR*. URL: <https://www.ohchr.org/en/stories/2018/07/deportation-unworkable-solution-migration>
21. *Designating English as the Official Language of the United States*. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/2025/03/designating-english-as-the-official-language-of-the-united-states/>
22. *H.R.1772 – 119th Congress (2025–2026) All Information (Except Text)*. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/house-bill/1772/text>
23. Sarli A., Mezzetti G. Chapter 13 Religion and Integration: Issues from International Literature. *Migrants and Religion: Paths, Issues, and Lenses*. Leiden, Brill, 2020. 463 p. URL: <https://brill.com/display/book/9789004429604/BP000017.xml>
24. Del Pino-Brunet N., Hombrados-Mendieta I., Gómez-Jacinto L., García-Cid A., Millán-Franco M. *Systematic Review of Integration and Radicalization Prevention Programs for Migrants in the US, Canada, and Europe*. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC8357979>
25. *Treaty Establishing the European Coal and Steel Community, ECSC Treaty*. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM:xy0022>

Information About the Author

Alexander E. Epifanov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department for the Study of Problems of History of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Research Center, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125171 Moscow, Russian Federation, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

Информация об авторе

Александр Егорович Епифанов, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела по изучению проблем истории МВД России, научно-исследовательский центр, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125171 г. Москва, Российская Федерация, mvd_djaty@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5686-5770>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.4>

UDC 342.22

LBC 67.0

Submitted: 19.06.2025

Accepted: 10.11.2025

THE FORMATION OF RUSSIA AS A STATE-CIVILIZATION: FROM ANCIENT RUS TO SOVIET RUSSIA

Nikolay I. Grachev

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
Volgograd, Russian Federation

Introduction: the theoretical recognition of such a model of organization of society as a state-civilization, which, according to many scientists, can become the main political form of a multipolar world, makes it necessary to analyze its most significant political and legal features. The scientific novelty of the paper lies in their identification and extrapolation to the historical context of the formation and development of Russian statehood. The methodological framework for the research is the civilizational approach in combination with the general scientific and special **methods** of cognition: system analysis, synthesis, induction, deduction, comparative, historical and legal. The **results** of the study have allowed establishing that the signs of a state-civilization in the history of Russia manifested themselves in the era of the formation of the Ancient Russian state already, and in the Appanage and Mongol periods of its history, they allowed the Russian people to maintain a fairly high degree of religious, cultural and legal unity, becoming the foundation for the unification of the northeastern principalities of Russia around Moscow and the basis for the formation of a single centralized state in the form of the Tsardom of Moscow, and then its transformation in the 16th century to the Eurasian empire, comparable in scale to the European, Islamic, Chinese, and Hindu civilizations. **Conclusions:** in the Moscow period, the whole set of political and legal constants was being formed, as permanent properties and qualities of the Russian state-civilization, which it would preserve, reproduce and cultivate at all stages of its existence and development. They finally took root during its imperial phase, acquiring the properties of a tradition that operated and was increasingly established in its value bases, despite the change of state forms, political language, managerial and legal technologies.

Key words: state-civilization, core ethnic group, civilizational-state ideology, civilizational mission, Tsardom of Moscow, Russian Empire, civilizational identity, autocratic.

Citation. Grachev N.I. The Formation of Russia as a State-Civilization: From Ancient Rus to Soviet Russia. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 32-44. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.4>

УДК 342.22

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 19.06.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИИ КАК ГОСУДАРСТВА-ЦИВИЛИЗАЦИИ: ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Николай Иванович Грачев

Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: теоретическое признание такой модели организации общества как государство-цивилизация, которая, по мнению многих ученых, может стать основной политической формой многополярного мира, делает необходимым анализ ее наиболее существенных политico-правовых признаков. **Научная новизна** статьи заключается в их выявлении и экстраполяции на исторический контекст становления и развития российской государственности. **Методологической основой** исследования является цивилизационный подход в совокупности с общенаучными и специальными методами познания: системным анализом, синтезом, индукцией, дедукцией, сравнительным, историко-правовым. **Результаты исследования** позволили установить

вить, что признаки государства-цивилизации в истории России можно заметить себя уже в эпоху становления Древнерусского государства, в удельный и ордынский периоды его истории именно они позволяют сохранить русскому народу достаточно высокую степень религиозно-культурного и правового единства, становясь фундаментом объединения северо-восточных княжеств Руси вокруг Москвы и базисом формирования единого централизованного государства в форме Московского царства, а затем его трансформации в XVI в. в евразийскую империю, сопоставимую по масштабу с европейской, исламской, китайской, индусской цивилизациями. **Выводы:** в Московский период складывается весь набор политico-правовых констант как постоянных свойств и качеств Российского государства-цивилизации, которые она будет сохранять, воспроизводить и культивировать на всех этапах своего существования и развития. Они окончательно укореняются во время его имперской фазы, приобретая свойства традиции, действующей и все более утверждающейся в своих ценностных основаниях, несмотря на смену государственных форм правления, политического языка, управлеченских и юридических технологий.

Ключевые слова: государство-цивилизация, стержневой этнос, цивилизационно-государственная идеология, цивилизационная миссия, Московское царство, Российская империя, цивилизационная идентичность, самодержавная власть.

Цитирование. Грачев Н. И. Становление России как государства-цивилизации: от Древней Руси до Советской России // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 32–44. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.4>

Введение

Современное геополитическое состояние мира до известной степени напоминает Европу позднего Средневековья, только с обратным знаком. Если тогда на развалинах имперского порядка формировались суверенные национальные государства, то современный мир движется в обратном направлении – от системы национальных, формально суверенных государств через новый хаос и анархию в международных отношениях к иным более сложным, наднациональным политическим структурам. Это связано с кризисом мирового неолиберального порядка, что выражается прежде всего в интенсивной политизации цивилизационных факторов, приведших к возникновению новых геополитических центров силы – государств-цивилизаций [32; 42; 43], выполняющих роль центров формирования макрорегиональных геополитических единств неоимпресского типа: Индия – Южно-Азиатского, Китай – Азиатско-Тихоокеанского, Россия – Евразийского, США – Евро-Атлантического [11, с. 7–8]. На эту роль претендуют также Иран, Турция, Саудовская Аравия, Германия, Польша [4]. Если учесть, что США продолжают попытки создания однополярного мира, а целью Европейского Союза является политическое «объединение Европы» в рамках федеративной империи [9; 17], то становится очевидным, что время национальных государств уходит в прошлое, их суверенное

существование становится практически невозможным, а представления о том, что каждый народ должен иметь свое государство, выглядят анахронизмом.

По-видимому, многополярное устройство мира, к которому движется человечество, может быть построено только на фундаменте государств-цивилизаций, поскольку других акторов, способных выстроить такой мир, заменив собой в качестве основных субъектов мировой политики национальные государства, на геополитической карте земного шара не видно. Это ставит перед российским правоведением задачи перевода данного понятия на юридический язык и его адекватного отражения в конституционном законодательстве, тем более понятие «государство-цивилизация» применительно к современной России неоднократно использовалось Президентом РФ в его посланиях к Федеральному Собранию РФ и других выступлениях, начиная с 2012 г. [26; 27], а недавно было юридически закреплено на государственном уровне в доктринальных правовых актах [20; 25].

Государство-цивилизация уже давно находится в поле зрения гуманитарных наук. Неплохо исследованы исторические, философские, геополитические аспекты этого явления (см., например: [3; 39]). Однако попытки анализа политico-правовых признаков и свойств государства-цивилизации единичны [11; 16], что во многом вызвано кризисным состоянием отечественной юриспруденции, все еще на-

ходящейся в плену либеральных догматов западной юридической науки.

Понятие и основные признаки государства-цивилизации

В основе понятия государства-цивилизации находится цивилизационный подход к изучению общества, который иначе, чем марксистская и либеральная теории, решает проблему основного субъекта исторического процесса. Им выступают не социальные классы, нации или индивиды, а группы культурно близких народов и государственных образований, называемые локальными цивилизациями и рассматриваемые как самостоятельные, самобытные этносоциальные целостности, занимающие значительный географический ареал, имеющие единую историю, традиции, организацию хозяйства, постоянно воспроизводимые социально-нравственные ценности, принадлежащие к единой исторически сложившейся культуре и в ней существующие. В пространственном отношении локальная цивилизация представляет собой большой и обособленный географический макрорегион. Ее этносоциальным субстратом выступает суперэтнос, рассматриваемый Л.Н. Гумилевым как высший таксон этнической иерархии, представляющий собой единую идейно-религиозную и культурную общность народов, противопоставляющую себя другим подобным общностям [13, с. 522–524]. В качестве социальной основы государства, суперэтносы по аналогии с нацией-этносом и наций-государством, выступают как нации-цивилизации. Духовно-культурная жизнь цивилизации основывается на определенной системе социально-нравственных ценностей, формирующих самобытную культурную традицию, что определяет общую идентичность входящих в нее народов, имеющую глубинный характер и укорененную на уровне общественно-психологических кодов.

С указанной точки зрения государство-цивилизация есть «частный случай традиционной цивилизации» [1, с. 26], выступающий как ее политическое лицо, уникальная форма ее публично-правового существования. Его формирование становится возможным, когда в географическом регионе обитания цивилизации

путем политического возвышения «стрежневого» государства происходит преобразование горизонтальных связей международного характера в государственно-правовые отношения вертикально-диагонального типа, в результате чего цивилизация в целом или ее значительная часть получает суверенное политическое оформление.

Необходимыми условиями (основаниями) формирования государства-цивилизации являются: *во-первых*, наличие стержневого этноса (народа-гегемона, «ядрового» народа), который в период своего возвышения утверждают свою культурную и политическую гегемонию над областями и этносами цивилизационной периферии, формируя на базе своих ценностей суперэтнос; *во-вторых*, наличие общей цивилизационно-государственной идеологии, именуемой различными авторами по разному – «идея-правительница» [38], «сакральная вертикаль» [40], «универсальная религия» [21, с. 502–503], которые имеют в своей основе господствующее религиозное или этическое учение, но не тождественны ему, превосходят его и содержат в себе принцип несения некой цивилизационной миссии, порождая собственное пространство сакрального со своей метафизикой и святынями, надстраиваемыми над различными религиозными и этническими системами, примиряя и объединяя их в высшем единстве, что позволяет достичь политической интеграции различных народов в рамках единого государства и формирует их общую идентичность без подавления этнокультурной самобытности; *в-третьих*, наличие собственной политико-правовой традиции, создающейся на основе «идеи-правительницы» и со временем становящейся общецивилизационной, что позволяет придать пространственной организации государства особую специфическую форму. В ней, исходя из политического и культурного значения ее регионов, центростремительных и центробежных тенденций отдельных регионов выделяются: *сакральный правительственный центр* – место нахождения верховной власти; *неотчуждаемое ядро (пательн)* – область происхождения «стрежневого» государства, давшая импульс формированию и развитию цивилизации, центральная зона, обеспечивающая ее устойчивость и вос-

производство; *периферия* – окраинные земли, культурно близкие ядру, но находящиеся за его пределами, где выделяются *ближняя (внутренняя) сфера*, тесно связанная с центром, и *дальняя (внешняя) сфера*, которую центр не всегда может контролировать в необходимой степени; *лимитроф(ы)* – пограничные территории с размытым культурным и правовым статусом, которые центр стремится поставить под контроль, из-за чего государство как бы пульсирует то расширяясь, то сжимаясь, а его формальные границы теряют строгую определенность. Соответственно, в его составе появляются разностатусные этнотERRиториальные образования, находящиеся в разной степени политической, административной и правовой зависимости от верховной власти с сохранением у некоторых из них политической автономии или собственной государственности. В результате в государственно-территориальном устройстве возникает уникальное сочетание элементов федерализма, конфедерализма, децентрализации и самоуправления, правовые конструкции союзов, содружеств, протекторатов и т. п., которыми верховная власть избирательно пользуется в зависимости от сложившейся конъюнктуры, сохраняя в качестве общей константы своей региональной политики стойкую тенденцию к унитаризму и централизации [12, с. 206–220].

Таким образом, государство-цивилизация образуется из наложения друг на друга политico-правовой (государственной) и цивилизационной традиций. Однако их совмещение, позволяющее локальной цивилизации органично существовать в рамках единой политической формы, происходит только в империи. По сути между пониманием империи и концептом государства-цивилизации нет никаких значимых различий. Само применение термина «цивилизация» по отношению к какому-то государству подспудно подразумевает, что оно де-факто является империей либо стремиться ее сформировать или восстановить. По своей политической форме такое государство имперское, а по этнокультурной идентификации – цивилизационное [11, с. 9]. Исторически именно империя всегда выступала как государственно-территориальная форма существования локальной цивилизации [2, с. 120], будучи

для нее традиционной. Следовательно, понятие государства-цивилизации есть не что иное, как некий политкорректный эвфемизм империи, которой официально не желают называть себя мировые и региональные державы современности, опасаясь обвинений в имперских амбициях. Это политический псевдоним империи эпохи постmodерна, указывающий не только на стремление к суверенному политическому оформлению локальной цивилизации, но и на претензии геополитического и культурного доминирования в конкретном регионе или целом мире. Единственным существенным отличием большинства современных претендентов на статус государства-цивилизаций от империй прошлого является отсутствие у них в качестве ответа на вопрос о цели их существования определенно сформулированной цивилизационной миссии, содержащий ясный образ будущего.

Становление и развитие России как государства-цивилизации и ее органические черты

Россия обладает всеми признаками государства-цивилизации. Она на протяжении практически всего своего существования представляет собой особый автаркийный географический и культурный мир, всегда облемаемый в самобытные политico-правовые формы, органически вырастающие из месторазвития русского народа и других народов евразийского континента, свойств их характера и рефлексии собственного опыта государственного строительства. Становление России в этом качестве начинается уже с момента возникновения российской государственности. Еще до формирования протогосударственных образований племена восточных славян, ставших ее этнической основой, входили в состав различных кочевых империй – скифов, сарматов, гуннов и др. [7, с. 63–312], перманентно возникающих на степных просторах древней Евразии. Первый опыт построения собственного государства, Киевской Руси, начинается с грандиозного события – вполне удавшейся попыткой князей династии Рюриковичей создания огромной империи, простирающейся от Балтийского до Черного моря и от Карпатских гор до Каспия. В таких раз-

мерах она просуществовала с середины X до второй трети XII в. [8, с. 27–109] – почти два столетия, гораздо дольше, чем большинство других империй Древности и Средневековья. На протяжении этого времени единое Древнерусское государство представляло собой многосложное политическое объединение различных родоплеменных союзов, в состав которого помимо государствообразующих славянских входили балтийские, финно-угорские, тюркские, сарматские и другие этнические группы.

В этот период почти синхронно на территории России возникает единое восточнославянское государство с политическим центром в Киеве; происходит становление его стержневого этноса – русского народа, как духовно единой надэтнической общности, цивилизационно-культурные характеристики которой постепенно становятся господствующими на евразийском пространстве; и в результате принятия Русью христианства по византийскому обряду начинается формирование обще-русской государственно-правовой идеологии, на основе державно-патриотической интерпретации православного учения, получившей в политической философии XIX–XX вв. наименование «русская идея». Возникают самобытные автохтонные идеологемы религиозно-политического характера, воплотившиеся в государственно-правовой практике Древней Руси, получившие свое отражение в общественном сознании ее народа в качестве сакральных архетипов и сформировавшие общую духовную основу его социально-политического единства: *во-первых*, это образ Святой Руси как русской земли, ставшей после крещения собирательным именем для всех народов-племен Северо-Востока Европы, не только и нестолько фактически единственным государством, сколько его идеальным образом, где святость существует как «пансакральная установка», является высшей духовной ценностью и признается высшей целью исторического развития [36, с. 11–14]; *во-вторых*, это архетип самого русского народа как носителя божественной благодати, «призванным ко спасению» Господом, понимание которого встречается уже у митрополита Илариона в его «Слове о законе и благодати» (около 1049 г.) [18, с. 29], где он «вместо обычного для того времени

понятия “Русская земля” использует понятие “русский народ”, превратившийся, благодаря принятию христианства, в духовно единый надплеменной суперэтнос, ставший субъектом мировой истории [5, с. 90–92]; *в-третьих*, это идеальный образ русского государства как духовно и политически суверенного пространства, которое каждое новое поколение народа наследует от своих предков – идея, прослеживаемая уже у Илариона, утверждающего равенство и взаимное уважение всех христианских народов и позиционирующего Русь в политическом и вероисповедальном отношениях как равную Византии, отвергая ее претензии на религиозное верховенство [24, с. 150]; *в-четвертых*, это идея верховной самодержавной власти, позаимствованной у Византии, но получившей в России специфический облик, патриархальной и народной монархии и носившей его как минимум до церковного раскола [10, с. 68]. Начало ее формирования можно отнести уже к рубежу X–XI вв. [35, с. 215], а концептуальные основы, нашедшие свое развернутое обоснование у Илариона и его преемника, митрополита Никифора, – к середине XI – началу XII вв. [5, с. 72–101; 28, с. 75–82].

Становление русского народа как этно-социальной целостности и обретение им сакральной вертикали в виде православного учения создали общую духовную основу для дальнейшей социально-политической интеграции народов России, что позволило им после утраты государственной целостности в удельный и ордынский периоды истории сохранить достаточно высокую степень религиозно-культурного и правового единства, послуживших фундаментом объединения северо-восточных княжеств Руси вокруг Москвы и базисом формирования единого централизованного государства после их освобождения от ордынской зависимости (XV–XVI вв.).

В Московскую эпоху происходит дальнейшее развитие русского государства, которое территориально расширяясь и включая в себя все новые этносы и земли, окончательно приобретает форму и черты государства-цивилизации. Уже в правление Ивана III Великое Московское княжество трансформируется в Русское православное царство, которое с покорением Казани и Астрахани его вну-

ком Иваном IV, присоединяет к себе все Поволжье, выходит к Каспийскому морю и открывает путь для дальнейшей колонизации на восток – в Сибирь, вступая тем самым в права ордынского наследства. Это превращает его из региональной восточноевропейской державы в континентальную евразийскую империю, где наряду с русским имперским ядром все больший удельный вес постепенно приобретают иные этнополитические компоненты. В период правления двух первых царей династии Романовых (1613–1676 гг.) после преодоления последствий Смуты происходит постепенный переход военно-политической инициативы к Москве в отношениях с Речью Посполитой, что приводит под ее руку большую часть земель Западной Руси, возвращение которых началось еще на рубеже XV–XVI вв. при Иване III, выразившим своими титулами претензии на «всю Русь» как «отчину» московских государей.

Одновременно с geopolитическим расширением продолжается формирование русской государственной идеологии. Иван III именует себя «государем всея Руси», сочетая это звание с титулами царя и самодержца. «Самодержец» был славянской калькой с титула византийских императоров – «автократор», что означало «сам держит власть», и подчеркивало его внешний суверенитет, но позднее, при Иване IV Грозном, стало олицетворять правителя с формально неограниченной верховной властью. Царями на Руси раньше называли лишь византийских императоров и ордынских ханов и использование этого титула Иваном III после падения Византии, характеризовало его как единственного оставшегося на земле православного государя и преемника византийских императоров [19, с. 115–116]. Венчание на царство по древнему византийскому канону Ивана IV произошло 16 января 1547 года. Это означало радикальное изменение статуса Руси, которая становилась империей, так как титул царя являлся аналогом императорского титула, отличного от званий князей и королей, и мог принадлежать в христианском мире только одному *единственному лицу* [15, с. 284]. Московская Русь в соответствии с учением старца Филофея основанном на библейской концепции «трансляции империи», принимает на себя тем самым

миссию Третьего Рима, становясь единственным хранителем истиной христианской веры, а русский царь становится катехоном, удерживающим мир от погибели [29]. Происходит соединение имперского наследия Византии с архетипическим образом Святой Руси, что превращает Московское царство носителя вселенской сакральной миссии сохранения и несения православной веры, придавая ему имперский статус и выводя на мировой геополитический уровень [22, с. 114–117].

Таким образом, уже в XVI в. Россия фактически становится полигэтничной и поликонфессиональной евразийской империей, сопоставимой по масштабу не с формирующими в то время национальными государствами Запада, а с целыми цивилизациями – европейской, исламской, китайской, индусской, а также усвоившей духовную традицию Византии и вступившей в геополитическое наследие державы Чингисхана, правители которой, православные цари, взяли на себя ответственность за культурно-историческую миссию объединения под своим доменным скипетром континентальных земель и культур Востока и Запада. В XVI–XVII вв. и на официальном уровне, и в народном правосознании русский царь объединяет в себе и верховного главу православного мира, и владыку мира «басурманского», выступая для тюркского и монгольского населения, вошедшего в состав России как Белый Царь, имеющий сакральную санкцию [37, с. 13–56]. Собственно в XVI в. происходит и окончательный выбор цивилизационного пути России, связанного с ее осознанием себя сакральным Царством Правды и справедливости и его восприятие населением страны в качестве высшего идеала, к которому следует стремиться. В свою очередь, фокусом русского политического и правового сознания становится фигура православного царя, главы верховной государственной и духовной власти, хранителя и «браздодержателя» государства и праведной веры, воспринимаемого как высшая земная ценность и своими подданными, и всей православной ойкуменой [22, с. 126, 195]. Отсюда же берет отчет и отечественная традиция государственного права, каковую аутентично квалифицировать как этатистскую и монархическую [5, с. 155–156; 30, с. 138], где ос-

новной задачей фактической, а позднее и юридической конституции является легитимация власти верховного правителя, вне зависимости от его формального наименования.

В этот период Россия приобретает все органические черты евразийского имперского государства-цивилизации: а) объединение в рамках единого государства различных народов, конфессиональных групп, социо-культурных укладов и стран и образование российского суперэтноса со славянской стержневой основой; б) имперское политическое и правовое пространство, в котором жесткий стратегический централизм сочетается с определенной автономией региональных этнополитических образований, а в территории, этнической и управлеченческой структуре государства четко выделяются центр, периферия и лимитрофы; в) самодержавная форма правления, в которой императорский статус верховного правителя легитимирован народным правосознанием, а власть ограничена православным вероучением и традицией; г) идеократический характер государства, в котором мессианская идеология, имеющая в основании православие, культивирует многоконфессиональность и веротерпимость, создавая собственное пространство священного со своими смысловыми и ценностными сегментами. Указанный набор политico-правовых констант как постоянных свойств и качеств России как самостоятельная и самобытная цивилизация будет в дальнейшем укреплять, сохранять, воспроизводить и культивировать на всех этапах своего существования и развития.

Укоренение основных признаков Российского государства-цивилизации в имперский период

Петр I, официально провозгласивший Россию империей (1721 г.) и принявший титул императора, дал ей лишь адекватное название и модифицировал ее государственную организацию, сообщив стране новую, европеизированную форму, чем реально сформировал ее цивилизационное пространство и наполнил его имперским содержанием, которые в основном сложились на полтора столетия раньше. Это заставляет усомниться в многократно высказанном мнении, что Петр I дал

старт глубинной трансформации всех сторон русской жизни по западным образцам. Петровские преобразования подготавливались всем ходом исторического развития страны, реформами его отца и старшего брата, а их основные причины были вызваны переходом от средневековой культуры к культуре Нового времени и не стали радикальным разрывом с наследием предыдущих эпох. Культурные и иные заимствования из Европы были необходимы для успеха в конкуренции с ней же.

Петру ставят в вину упразднение патриаршества, секуляризацию общественной жизни и увлеченное протестантизмом, в соответствии с учением которого он осуществил переход от православной самодержавной модели верховной власти, несшей в себе сакральный смысл, к светскому европейскому абсолютизму, упраздняющему идеологию Третьего Рима [14, с. 544–551]. Но отказ от доктрины «Москва – Третий Рим» и генома Святой Руси были осуществлены задолго до Петра церковной реформой Алексея Михайловича и патриарха Никона, пытавшегося поставить духовную власть над светской по модели католического папоцезаризма, что привело русское общество к религиозному расколу [6, с. 412–475]. К моменту воцарения Петра Россия уже находилась в духовном и политическом кризисе, преодоление которых было осуществлено его политическим творчеством, позволившим просуществовать ей без кардинальных реформ почти двести лет. При этом Петр проявленциально уловил органический алгоритм русской истории, ход ее скачкообразного развития на основе использования методов мобилизации масс и волевой ротации управляемой элиты (по примеру Ивана Грозного), позволяющих преодолевать стране экономическую отсталость и гарантировать политическую независимость. Социальный раскол и археомодерн, приведшие Россию к революциям XX в., берут свой отсчет не с Петровских реформ, а с Жалованной грамоты дворянству 1785 г., освободившей его от тягла государственной службы. Необходимость реформ назревала уже к концу царствования Екатерины II, но попытку их осуществления сделал лишь Александр II, противоестественно совместив имперскую государственность с капиталистической экономикой, что и при-

вело Россию на путь революции, так как противоречило ее цивилизационной идентичности, подтачивая политico-правовые константы.

А вот реформы Петра не изменили православно-имперской и евразийской идентичности России, лишь обновили ее государственную организацию в соответствии с требованиями и духом времени. Петровская европеизация носила во многом поверхностный характер, была «суррогатом модернизации», позволив укрепить государственный механизм и произвести мобилизацию общества для победы в Северной войне, стратегическая значимость которой состояла в превращении России в одну из великих европейских держав [41, с. 30]. Никакого отхода от православия Петр и его преемники не сделали, стремясь «не к отделению церкви от государства, а к ее вовлечению в государственный оборот» [33, с. 601].

Превратившись из Московского царства в Санкт-Петербургскую империю, Россия сохранила все сущностные основы своей государственности. Самодержавная власть императора соединяла в себе, как и раньше, государственное и духовное верховенство [34, с. 192]. Управление церковью посредством Священного Синода по-прежнему обеспечивало торжество православия, одновременно гарантируя права этнорелигиозных меньшинств, которые Петр почти уравнял с православными тем, что кооптировал их знать в политico-административную элиту страны. Однако статус Православной церкви и положение русского народа оставались господствующими, поскольку император согласно ст. 63 Основных законов Российской империи должен был обязательно исповедовать православную веру [31].

Полную преемственность традициям Московских царей демонстрирует геополитика Петра I. Победа над Швецией позволила присоединить к России Восточную Прибалтику, обеспечив ей выход в Балтийское море и политическое влияние в Европе, к чему так стремился еще Иван Грозный, бывший для Петра идеалом государя [41, с. 25]. Так, Петр в конце своего правления ориентирует свою внешнюю политику на Восток и утверждает Российскую империю на западном и южном побережье Каспия, открывая ей дорогу в Казахстан и Среднюю Азию.

В XVIII–XIX вв. в состав России вошли территории современных Западной Украины и Беларуси, Литвы и Латвии, Северного Кавказа и Закавказья, Казахстана, Средней Азии и Дальнего Востока, а также Крыма, Тамани и Кубани. При этом ряд регионов пользовались в Российской империи автономией или связывались с нею отношениями личной унии, вассалитета и протектората: Войско Запорожское (протекторат, а затем автономия в 1665–1775 гг.); Картли-Кахетинское царство (протекторат в 1783–1801 гг.); Имеретинское царство (протекторат в 1773–1811 гг.); Великое княжество Финляндское, обладавшее широкой внутренней и внешней автономией, граничащей с не закрепленной юридически личной унией (1809–1917 гг.), Царство Польское (личная уния 1815–1832 гг., автономия 1832–1917 гг.); Бухарский эмират (вассалитет 1868–1917 гг.); Хивинское ханство (протекторат 1873–1917 гг.). Самоуправление было в 10 территориях казачьих войск, а область Войска Донского обладала широкой административной автономией. Тем самым «в имперской России, в государственном быту, рядом с элементами коронного управления существовали в высшей степени яркие явления, граничащие с государственностью автономии отдельных местностей, входивших в состав Русского государства» [23, с. 279–280]. Не было в нем и единого юридического пространства. На территориях Прибалтики, Сибири и Бессарабии, среди северокавказских народов, в Грузии, Азербайджане, Ереванской и Нахичеванской областях, в Средней Азии, Польше и Финляндии – система управления и правового регулирования сохраняла ярко выраженную местную специфику этнокультурного происхождения. В императорской армии имелись многочисленные регулярные части, формируемые по национально-религиозному и территориальному принципам. Тем не мене основной признак империи – единство политического пространства и суверенитета как сферы приложения самодержавной власти императора – оставался незыблемым. За ним в полном объеме сохранялась вся полнота верховенства при решении вопросов общегосударственного значения. В то же время титулatura русских монархов с перечислением всех исторических титулов и земель, составляющих

Империю, в ст. 59 ее Основных законов, являлась по своей сути антиунитарной.

Выводы

Таким образом, радикального разрыва с традициями Московского царства в эпоху Российской империи не произошло. В культуру, политическую и правовую организацию страны внедрялись заимствования западного типа, порождавшие культурные псевдоморфозы как продукты чужого цивилизационного влияния. Тем не менее они не смогли изменить ее цивилизационного кода. Россия лишь внешне отходит от форматов Святой Руси и идеи Третьего Рима, содержательно же продолжает выполнять миссию сакральной Империи. Российские императоры по-прежнему осуществляют, хотя и не всегда успешно, катехническую функцию удерживающего, являясь оплотом православного христианства в мире, все более впадающим в апостасию. Даже символическое перенесение столицы из Москвы в Санкт-Петербург содержит в себе некий православный вызов католическому, папскому Риму, первым понтификом которого был Святой Петр. Империя сохраняет, совершенствует и модернизирует органические черты евразийского государства-цивилизации, приобретенные на предшествующих этапах исторического развития. Они окончательно укореняются в качестве постоянных политических констант его существования и приобретают свойства политico-правовой традиции, действующей и все более утверждающейся в своих ценностных основаниях, несмотря на смену государственной формы, юридического языка, управлеченческих и правовых технологий и негативно влияющих на развитие страны элементов псевдоморфоза и археомодерна. Их упрочение и устойчивость свидетельствовали, что российский социум в процессе своего развития построил свою оригинальную государственную организацию, обладающую собственной рациональностью и логикой развития, которые пробивают себе дорогу, несмотря на меняющиеся условия существования, различные факторы объективного и субъективного характера, оказывающиеся с точки зрения этой логики преходящими.

Советская и современная эпохи не перечернули цивилизационной преемственности

в истории российской государственности, хотя попытки такого рода и предпринимались во время революционных изменений и конституционных реформ. Однако в постреволюционные и пореформенные годы происходила политico-правовая ретраградиционализация, возвращая жизнь страны к устойчивым цивилизационным константам, которые модифицировались, обретали новые формы в соответствии с вызовами времени, но не изменяли своего глубинного содержания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянов, В. В. Русская традиция-цивилизация на новом перевале. Поиск модели самоописания / В. В. Аверьянов // Изборский клуб. – 2024. – № 7-8 (125-126). – С. 22–47.
2. Бабурин, С. Н. Мир империй: территория государства и мировой порядок / С. Н. Бабурин. – М. : Магистр : Инфра-М, 2010. – 829 с.
3. Багдасарян, В.Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации / В. Э. Багдасарян // Среднерусский вестник общественных наук. – 2022. – Т. 17, № 6. – С. 15–29.
4. Борьба империй. Попытки современных держав поделить мир. – URL:<https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennoe-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>
5. Будилов, В. М. Органическое понимание народа и концепция «ранее не народ, а ныне народ»: возникновение в России / В. М. Будилов. – СПб. : Лема, 2019. – 168 с.
6. Величко, А. М. Русь соборная и имперская церковь (В защиту синодального периода Русской церкви) / А. М. Величко // Величко А. М. Византийская симфония. – М. : Вече, 2017. – С. 405–531.
7. Вернадский, Г. В. Древняя Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь : ЛЕАН, 1996. – 448 с.
8. Вернадский, Г.В. Киевская Русь / Г. В. Вернадский. – Тверь : ЛЕАН, М. : АГРАФ, 1997. – 448 с.
9. Верхофстадт, Г. Страны Европы должны объединиться в федерацию / Г. Верхофстадт. – URL: <https://rg.ru/2012/12/17/verhofstadt-poln.html>
10. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д : Феникс, 1995. – 640 с.
11. Грачев, Н. И. Государство-цивилизация как политическая форма существования многополярного мира / Н. И. Грачев // LegalConcept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 6–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolus.2024.4.1>

12. Грачев, Н. И. Формы государственного устройства в современном мире: основы теории и конституционно-правовая практика / Н. И. Грачев. – Волгоград : ВА МВД России, 2020. – 524 с.
13. Гумилев, Л. Н. Этносфера: История людей и история природы / Л. Н. Гумилев. –М. : ЭкоПросп, 1993. – 544 с.
14. Дугин, А. Г. Бытие и Империя. Онтология и эсхатология Вселенского Царства / А. Г. Дугин. – М. : АСТ, 2023. – 784 с.
15. Дугин, А. Г. Геополитика России : учебное пособие для вузов / А. Г. Дугин. – М. : Академический проект, 2014. – 523 с.
16. Журавлева, Л. А. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура / Л. А. Журавлева [и др.] // Образование и право. – 2023. – № 9. – С. 80–88.
17. Евроимперия – это будущее Евросоюза? – URL: <https://www.dekoder.org/ru/article/evroimperiyaeto-budushchee-evrosoyuza>
18. Иларион. Слово о Законе и Благодати / Иларион. – М. : Столица : Скрипторий, 1994. – 146 с.
19. Ключевский, В. О. Сочинения : в 9 т. Т. 2. Курс русской истории. Ч. 2 / В. О. Ключевский. – М. : Мысль, 1989. – 446 с.
20. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Ливен, Д. Российская империя и ее враги с XVI в. до наших дней / Д. Ливен. – М. : Европа, 2007. – 688 с.
22. Логинов, А. В. Русская идея в национальных духовных поисках (от зарождения Руси до XIX в.) / А. В. Логинов. – М. : Русский путь, 2020. – 512 с.
23. Нольде, Б. Э. Очерки русского государственного права / Б. Э. Нольде. – СПб. : Правда, 1911. – 554 с.
24. Овчинников, Г. К. Иларион-русин – выдающийся мыслитель Древней Руси: очерки жизни и творчества / Г. К. Овчинников. – М. : Изд-во МГИУ, 2011. – 407 с.
25. Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения. Утверждены Указом Президента РФ от 08.05.2024 № 314. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
26. О чём говорил Владимир Путин на заседании дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-govoril-vladimir-putin-na-zasedani-diskussionnogo-kluba-valdaj.html>
27. Послание Президента Федеральному Собранию. – 2012. – 12 дек. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
28. Послания Митрополита Никифора. – М. : ИФРАН, 2000. – 125 с.
29. Послания старца Филофея // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV – первая половина XVI века. СПб. : Наука, 2006. С. 290–305.
30. Ромашов, Р. А. Формирование и эволюция отечественной традиции государственного права / Р. А. Ромашков // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2010. – № 4 (291). – С. 127–143.
31. Свод законов Российской Империи : в 16 т. Т. 1. Свод основных государственных законов. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>
32. Спиридонова, В. И. «Цивилизационное государство» как вызов однополярной глобализации / В. И. Спиридонова // Век глобализации. – 2022. – № 1. – С. 29–41.
33. Степун, Ф. А. Москва – третий Рим // Сочинения / Ф. А. Степун. – М. : РОССПЭН, 2000. – С. 596–611.
34. Суворов, Н. С. Учебник церковного права / Н. С. Суворов. – М. : Зерцало, 2004. – 504 с.
35. Тихомиров, Л. А. Монархическая государственность / Л. А. Тихомиров. – СПб. : Комплект, 1992. – 680 с.
36. Топоров, В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси / В. Н. Топоров. – М. : Гнозис : Языки русской культуры, 1995. – 875 с.
37. Трепавлов, В. В. «Белый царь» : Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. – М. : Восточная литература, 2007. – 255 с.
38. Трубецкой, Н. С. Об идее – правительнице идеократического государства // История. Культура. Язык / Н. С. Трубецкой. – М. : Прогресс, 1995. – С. 438–443.
39. Феофанов, К. А. Концепция «государства-цивилизации» как направление в развитии цивилизационной теории / К. А. Феофанов // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 4. – С. 122–135.
40. Цымбурский, В. Л. Россия – Земля за великим Лимитрофом: цивилизация и ее geopolitika / В. Л. Цымбурский. – М. : Эдиториал УРСС, 2000. – 144 с.
41. Черникова, Т. В. Социокультурная система Московского царства и своеобразие петровской европеизации / Т. В. Черникова // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – № 15 (2). – С. 7–36.
42. Jain, A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India / A. Jain // Journal of Indo-Pacific Affairs. – 2021. – Vol. 4. № 3. – P. 93–125.
43. Therborn, G. States, Nations, and Civilizations / G. Therborn // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2021. – № 14. – P. 225–242.

REFERENCES

1. Averyanov V.V. Russkaya traditsiya-tsivilizatsiya na novom perevale. Poisk modeli samoopisaniya [Russian Tradition-Civilization at a New Pass. Search for a Model of Self-Description]. *Izborskij klub* [Izborsky Club], 2024, no. 7-8 (125-126), pp. 22-47.
2. Baburin S.N. *Mir imperij: territoriya gosudarstva i mirovoy poryadok* [World of Empires: Territory of the State and World Order]. Moscow, Magistr Publ., Infra-M Publ., 2010. 829 p.
3. Bagdasaryan V.E. Kontseptsija gosudarstva-tsivilizatsii: problemy metodologii i politicheskoy realizatsii [Concept of State-Civilization: Problems of Methodology and Political Implementation]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennykh nauk* [Central Russian Journal of Social Sciences], 2022, vol. 17, no. 6, pp. 15-29.
4. *Borba imperij. Popytki sovremennoykh derzhav podelit mir* [Struggle of Empires. Attempts of Modern Powers to Divide the World]. URL: <https://topwar.ru/162056-borba-imperij-sovremennye-derzhavy-pytajutsja-podelit-mir.html>
5. Budilov V.M. *Organicheskoye ponimaniye naroda i kontseptsija «raneye ne narod, a nyne narod»: vozniknovenije v Rossii* [Organic Understanding of the People and the Concept of "Previously Not the People, But Now the People": Emergence in Russia]. Saint Petersburg, Lema Publ., 2019. 168 p.
6. Velichko A.M. Rus sobornaya i imperskaya tserkov (V zashchitu sinodalnogo perioda Russkoy tserkvi) [Rus' Cathedral and Imperial Church (In Defense of the Synodal Period of the Russian Church)]. *Vizantiyskaya simfoniya* [Byzantine Symphony]. Moscow, Veche Publ., 2017, pp. 405-531.
7. Vernadskiy G.V. *Drevnyaya Rus* [Ancient Rus']. Tver, LEAN, 1996. 448 p.
8. Vernadskiy G.V. *Kiyevskaya Rus* [Kievan Rus']. Tver, LEAN; Moscow, AGRAF, 1997. 448 p.
9. Verhofstadt G. *Strany Yevropy dolzhny obyedinitysa v federatsiyu* [The Countries of Europe Must Unite into a Federation]. URL: <https://rg.ru/2012/12/17/verhofstadt-poln.html>
10. Vladimirskiy-Budanov M.F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the History of Russian Law]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1995. 640 p.
11. Grachev N.I. Gosudarstvo-tsivilizatsiya kak politicheskaya forma sushchestvovaniya mnogopolyarnogo mira [The State-Civilization as a Political Form of Existence of a Multipolar World]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 4, pp. 6-17. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2024.4.1>
12. Grachev N.I. *Formy gosudarstvennogo ustroystva v sovremennom mire: osnovy teorii i konstitutSIONNO-pravovaya praktika* [Forms of Government in the Modern World: Fundamentals of Theory and Constitutional and Legal Practice]. Volgograd, VA MVD Rossii, 2020. 524 p.
13. Gumilev L.N. *Etnosfera: Istorya lyudey i istoriya prirody* [Ethnosphere: History of People and History of Nature]. Moscow, Ekopros Publ., 1993. 544 p.
14. Dugin A.G. *Bytiye i Imperiya. Ontologiya i eschatologiya Vselenskogo Tsarstva* [Being and Empire. Ontology and Eschatology of the Universal Kingdom]. Moscow, AST Publ., 2023. 784 p.
15. Dugin A.G. *Geopolitika Rossii: uchebnoye posobiye dlya vuzov* [Geopolitics of Russia. Textbook for Universities]. Moscow, Akademicheskiy proyekt Publ., 2014. 523 p.
16. Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Ruchkin A.V., Simachkova N.N., Chupina I.P. Gosudarstvo-tsivilizatsiya: ponyatiye, sushchnost, struktura [State-Civilization: Concept, Essence, Structure]. *Obrazovaniye i pravo* [Education and Law], 2023, no. 9, pp. 80-88.
17. *Yevroimperiya – eto budushcheye Yevrosoyuza?* [Euroempire – Is It the Future of the European Union?]. URL: <https://www.dekoder.org/ru/article/evroimperiya-eto-budushchee-evrosoyuza>
18. Ilarion. *Slovo o Zakone i Blagodati* [A Word About Law and Grace]. Moscow, Stolitsa Publ., Skriptoriy Publ., 1994. 146 p.
19. Klyuchevskiy V.O. *Sochineniya: v 9 t. T. 2. Kurs russkoy istorii. Ch. 2* [Works: In 9 Vols. Vol. 2. Course of Russian History. Pt. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1989. 446 p.
20. Kontseptsija vneshej politiki Rossijskoy Federatsii. Utverzhdena Uzakonom Prezidenta RF ot 31.03.2023 № 229 [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229]. Access from the legal reference system "Consultant Plus".
21. Liven D. *Rossiyskaya imperiya i yeje vragi s XVI v. do nashikh dney* [The Russian Empire and Its Enemies from the 16th Century to the Present Day]. Moscow, Yevropa Publ., 2007. 688 p.
22. Loginov A.V. *Russkaya ideya v natsionalnykh dukhovnykh poiskakh (ot zarozhdeniya Rusi do XIX v.)* [The Russian Idea in National Spiritual Searches (From the Birth of Rus' to the 19th Century)]. Moscow, Russkiy put Publ., 2020. 512 p.
23. Nolde B.E. *Ocherki russkogo gosudarstvennogo prava* [Essays on Russian State Law]. Saint Petersburg, Pravda Publ., 1911. 554 p.
24. Ovchinnikov G.K. *Ilarion-rusin – vydayushchiysya myslitel Drevney Rusi: ocherki zhizni i tvorchestva* [Hilarion-Rusin – An Outstanding Thinker of Ancient Rus': Essays on His Life and Work]. Moscow, Izd-vo MGU, 2011. 407 p.

25. Osnovy gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti istoricheskogo prosveshcheniya. Utverzhdeny Uzakom Prezidenta RF ot 08.05.2024 № 314 [Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Historical Education. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation Dated 08.05.2024 No. 314]. *Access from the legal reference system "ConsultantPlus".*
26. *O chem govoril Vladimir Putin na zasedanii diskussionnogo kluba «Valday»* [What Vladimir Putin Spoke About at the Meeting of the Valdai Discussion Club]. URL: <https://rg.ru/2023/10/05/o-chem-gоворил-владимир-путин-на-заседании-дискуссионного-клуба-валдай.html>
27. *Poslaniye Prezidenta Federalnomu Sobraniyu* [The President's Address to the Federal Assembly], 2012, 12 Dec. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/17118>
28. *Poslaniya Mitropolita Nikifora* [The Messages of Metropolitan Nicephorus]. Moscow, IFRAN, 2000. 125 p.
29. Poslaniya startsa Filofeya [The Messages of the Elder Philotheus]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi. T. 9. Konets XV – pervaya polovina XVI veka* [Library of Literature of Ancient Rus. Vol. 9. The End of the 15th – First Half of the 16th Century]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2006, pp. 290-305.
30. Romashov R.A. Formirovaniye i evolyutsiya otechestvennoy traditsii gosudarstvennogo prava [Formation and Evolution of the Domestic Tradition of State Law]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Pravovedeniye*, 2010, no. 4 (291), pp. 127-143.
31. *Svod zakonov Rossiyskoy Imperii: v 16 t. T. 1. Svod osnovnykh gosudarstvennykh zakonov*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?empire>
32. Spiridonova V.I. «Tsivilizatsionnoye gosudarstvo» kak vyzov odnopolyarnoy globalizatsii [“Civilizational State” as a Challenge to Unipolar Globalization]. *Vek globalizatsii* [Age of Globalization], 2022, no. 1, pp. 29-41.
33. Stepun F.A. Moskva – tretiy Rim [Moscow – The Third Rome]. Stepun F.A. *Sochineniya* [Works]. Moscow, ROSSPEN, 2000, pp. 596-611.
34. Suvorov N.S. *Uchebnik tserkovnogo prava* [Textbook of Church Law]. Moscow, Zertsalo Publ., 2004. 504 p.
35. Tikhomirov L.A. *Monarkhicheskaya gosudarstvennost* [Monarchical Statehood]. Saint Petersburg, Komplekt Publ., 1992. 680 p.
36. Toporov V.N. *Svyatost i svyatyye v russkoy duchovnoy kultury. T. 1. Pervyy vek khristianstva na Rusi* [Holiness and Saints in Russian Spiritual Culture. Vol. 1. The First Century of Christianity in Rus']. Moscow, Gnozis Publ., Yazyki russkoy kultury Publ., 1995. 875 p.
37. Trepavlov V.V. «Belyy tsar»: *Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv.* [“The White Tsar”: The Image of the Monarch and the Ideas of Citizenship Among the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2007. 255 p.
38. Trubetskoy N.S. Ob ideye – pravitelnitse ideokraticheskogo gosudarstva [On the Ruling Idea of an Ideocratic State]. Trubetskoy N.S. *Istoriya. Kultura. Yazyk* [History. Culture. Language]. Moscow, Progress Publ., 1995, pp. 438-443.
39. Feofanov K.A. Kontsepsiya «gosudarstvatsivilizatsii» kak napravleniye v razvitiu tsivilizatsionnoy teorii [The Concept of a “State-Civilization” as a Direction in the Development of Civilizational Theory]. *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law], 2024, vol. 17, no. 4, pp. 122-135.
40. Tsymburskiy V.L. *Rossiya – Zemlya za velikim Limitrofom: tsivilizatsiya i yeye geopolitika* [Russia – The Land Beyond the Great Limitrophes: Civilization and Its Geopolitics]. Moscow, Editorial URSS, 2000. 144 p.
41. Chernikova T.V. Sotsiokulturalnaya sistema Moskovskogo tsarstva i svoyeobraziyu petrovskoy yevropeizatsii [Sociocultural System of the Moscow Kingdom and the Originality of Peter the Great's Europeanization]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], 2022, no. 15 (2), pp. 7-36.
42. Jain A. Comparing Civilization-State Models. China, Russia, India. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2021, vol. 4, no. 3, pp. 93-125.
43. Therborn G. States, Nations, and Civilizations. *Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences*, 2021, no. 14, pp. 225-242.

Information About the Author

Nikolay I. Grachev, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Professor, Department of Constitutional and Administrative Law, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Istoricheskaya St, 130, 400089 Volgograd, Russian Federation, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

Информация об авторе

Николай Иванович Грачев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и административного права, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Историческая, 130, 400089 г. Волгоград, Российская Федерация, grachev.n.i@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0799-1903>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.5>UDC 340.1
LBC 67.0Submitted: 22.08.2025
Accepted: 10.11.2025

THE HISTORY OF THE FORMATION OF RUSSIA'S LEGAL DOCTRINE: A THEORETICAL ASPECT

Vladimir S. ChaginKrasnodar Cooperative Institute (Branch of Russian University of Cooperation),
Krasnodar, Russian Federation**Tatiana V. Yushkina**

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

Andrey A. Shanin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines the theoretical aspects of the formation of legal doctrine in the Russian Federation. The concept of legal doctrine, its role and functions in the legal system are considered. The key stages and factors of the formation of Russia's legal doctrine in historical retrospect and the modern period are analyzed. Special attention is paid to the methodological approaches to the study of this phenomenon. **Purpose:** the theoretical and legal analysis of the process of forming the legal doctrine of Russia, identifying patterns, stages, methodological foundations, and specific features. The object of the study is legal doctrine as a complex system of legal ideas, concepts, principles and doctrinal interpretations of law prevailing in a certain historical period, influencing the legal system of Russia. The research methodology is based on a set of the general scientific and specific scientific **methods:** the historical method, the systematic method, the formal legal method, the comparative law method, the method of theoretical modeling allowed building the theoretical models of doctrine formation reflecting the influence of various factors (political, economic, cultural), analysis and synthesis were used to process theoretical material, identify structural elements of the doctrine and form generalizing conclusions. As a **result** of the conducted research, the stages of the process of formation of Russia's legal doctrine are highlighted, a set of factors influencing the process of formation of the legal doctrine is identified and disclosed, including the factors influencing the formation of the legal doctrine of Russia. The features of modern legal doctrine are defined. The **conclusion** is made about the dynamic nature of the formation of the legal doctrine of Russia, due to a complex of historical, socio-political and cultural factors, and its increasing importance in the context of legal reforms and globalization.

Key words: legal doctrine, Russia's legal system, sources of law, legal culture, legal policy, methodology of jurisprudence, history of law, theory of state and law.

Citation. Chagin V.S., Yushkina T.V., Shanin A.A. The History of the Formation of Russia's Legal Doctrine: A Theoretical Aspect. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 45-50. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.5>

УДК 340.1
ББК 67.0Дата поступления статьи: 22.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ РОССИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Владимир Сергеевич ЧагинКраснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации,
г. Краснодар, Российской Федерации

Татьяна Викторовна Юшкина

Кубанский государственный университет, г. Краснодар, Российская Федерация

Андрей Александрович Шанин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья посвящена исследованию теоретических аспектов формирования правовой доктрины в Российской Федерации. Рассматривается понятие правовой доктрины, ее роль и функции в правовой системе. Анализируются ключевые этапы и факторы становления отечественной правовой доктрины в исторической ретроспективе и в современный период. Особое внимание уделяется методологическим подходам к изучению данного феномена. **Цель:** теоретико-правовой анализ процесса формирования правовой доктрины России, выявление закономерностей, этапов, методологических основ и специфических черт. Объектом исследования выступает правовая доктрина как комплексная система господствующих в определенный исторический период правовых идей, концепций, принципов и доктринальных интерпретаций права, оказывающих влияние на правовую систему России. **Методология** исследования базируется на комплексе общенаучных и частнонаучных методов (историческом, системном, формально-юридическом, сравнительно-правовом, методе теоретического моделирования), который позволил построить теоретические модели формирования доктрины, отражающие влияние различных факторов (политических, экономических, культурных). Анализ и синтез использовались для обработки теоретического материала, выделения структурных элементов доктрины и формирования обобщающих выводов. **В результате** проведенного исследования выделены этапы процесса формирования российской правовой доктрины, определен и раскрыт комплекс факторов, влияющих на процесс формирования правовой доктрины, в том числе факторы, оказывающие воздействие на формирование правовой доктрины России. Определены особенности современной правовой доктрины. Сделан **вывод** о динамичном характере формирования правовой доктрины России, обусловленном комплексом исторических, социально-политических и культурных факторов, и ее возрастающем значении в условиях правовых реформ и глобализации.

Ключевые слова: правовая доктрина, правовая система России, источники права, правовая культура, правовая политика, методология правоведения, история права, теория государства и права.

Цитирование. Чагин В. С., Юшкина Т. В., Шанин А. А. История формирования правовой доктрины России: теоретический аспект // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 45–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.5>

Введение

Исследование процесса формирования правовой доктрины России является актуальным в силу ряда причин. Первая из них – фундаментальная роль доктрины выступает интеллектуальной основой правовой системы, оказывая существенное влияние на правотворчество, правоприменение и толкование права [9, с. 45]. Понимание ее генезиса необходимо для осмыслиения текущего состояния и перспектив развития российского права. Вторая – это историческая преемственность и разрывы, где российская правовая традиция пережила радикальные трансформации (дореволюционный период, советская эпоха, постсоветские реформы), что делает изучение эволюции ее доктринальных основ ключевым для понимания современной правовой идентичности [5, с. 12–18]. К третьей можно отнести вызовы XXI в., ведь глобализация, циф-

ровизация, новые geopolитические реалии ставят перед российской правовой системой сложные задачи. Формирование адекватной ответа на эти вызовы правовой доктрины требует глубокого теоретического осмысления [6, с. 7–10]. К четвертой относится проблема систематизации знаний, где существует потребность в структурировании и анализе огромного массива научных идей, концепций и школ, составляющих содержание российской правовой доктрины на разных этапах ее развития [2, с. 3].

Основное содержание

Е.М. Терехов отмечает, что «действующая система российского права представляет собой взаимозависимый tandem норм права и интерпретационных норм, которые, взаимодействуя между собой, позволяют оптимальным образом достигать целей правового регулирования» [15, с. 77]. Правовая докт-

рина в теории российского права понимается как система господствующих в профессиональном юридическом сообществе (прежде всего в науке) в определенный период времени взглядов, идей, концепций, принципов и интерпретаций права, которые обладают авторитетом и оказывают существенное влияние на правовое регулирование, несмотря на свою неформализованность как источника позитивного права [8].

К ключевым функциям правовой доктрины относятся:

1) гносеологическая (познавательная): формирует понятийно-категориальный аппарат, объясняет сущность права и правовых явлений;

2) легитимирующая: обосновывает существующий правопорядок, придает ему интеллектуальную убедительность;

3) интерпретационная: предоставляет методы и принципы толкования правовых норм;

4) прогностическая и преобразовательная: определяет тенденции развития права, формулирует цели и принципы правовых реформ [1; 9; 12].

В России, принадлежащей к романо-германской правовой семье, доктрина традиционно играет важную, хотя и опосредованную роль, проявляющуюся через:

– влияние на законодателя при подготовке законопроектов;

– обоснование решений Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ;

– содержание постановлений пленумов высших судов;

– комментарии к законодательству, используемые практиками [3; 4].

Исторические этапы развития правовой доктрины России представляются как процесс формирования российской правовой доктрины, который можно условно разделить следующим образом:

1. Дореволюционный период (IX – начало XX в.). Формирование под влиянием византийского права, затем западноевропейских идей (естественно-правовая школа, юридический позитивизм). Становление университетской юридической науки (М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин, С.А. Муромцев, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев) [5; 14; 16]. Доктрина носила преимущественно либерально-правовой характер, ориентировалась на пост-

роение правового государства. В то же время правовая доктрина зародилась в практике судов и приказов, где акцент делался на сочетании нравственных и религиозных начал. Правовые обычаи и нормы Русской Правды отражали идею соборности – единства народа, власти и религии. Правопонимание связывалось с православной верой, где закон трактовался как инструмент защиты правды.

2. Советский период (1917-й – конец 1980-х гг.). Радикальный разрыв с прежней доктриной. Утверждение марксистско-ленинской теории права как единствено верной (П.И. Стучка, Е.Б. Пашуканис, позднее С.А. Голунский, М.С. Строгович, С.Н. Братусь). Доминировали классовый подход, примат государства над правом, отрицание естественных прав. Доктрина была глубоко идеологизирована и подчинена партийной директиве [5; 8].

3. Переходный период (конец 1980-х – 1990-е гг.). Кризис и отказ от марксистско-ленинской доктрины. Возрождение идей естественного права, правового государства, примата международного права, прав человека (С.С. Алексеев, В.С. Нерсесянц, В.Н. Кудрявцев). Имело место активное заимствование западных концепций при отсутствии новой консолидированной национальной доктрины [5, с. 221–250; 10].

4. Современный период (с 2000-е гг. по настоящее время). Наблюдается активный поиск и формирование новой российской правовой доктрины, стремящейся к синтезу национальных традиций, советского опыта (в части социальных гарантий) и современных мировых тенденций, а кроме того, усиление роли государства, акцент на суверенитет, традиционные ценности, социальную справедливость, развитие конституционализма, однако с тенденцией к усилению исполнительной власти, активное обсуждение концепции «суверенной демократии» (в политико-правовом дискурсе), поиск «цивилизационной» идентичности российского права [6; 8; 11]. Авторы отмечают также значительное влияние на доктрину решений Конституционного Суда РФ [4].

В науке выделяют комплекс факторов, оказывающих воздействие на процесс формирования доктрины: политico-идеологический, социально-экономический, правовой, культурно-исторический, международный и научно-

интеллектуальный. Рассмотрим содержание указанных факторов. Политико-идеологический заключается в государственной политике, при которой официально провозглашаются национальные идеи, ценности и внешнеполитический курс. Фактор социально-экономического развития проецируется на характере социальной структуры, запросы общества на справедливость и защиту. Правовой фактор (юридический) определяет действующее законодательство и практику его применения, особенно решения высших судов. Культурно-исторический отражает правовые традиции, менталитет, религиозные воззрения (прежде всего роль православия в контексте традиционных ценностей). Международный фактор проявляется в определенной глобализации, необходимости гармонизации с международным правом, влиянии иностранных правовых моделей и доктрин. Научно-интеллектуальный основывается на развитии отечественной юридической науки, в этой связи активизируется деятельность научных школ, появляются новые теоретические концепции [2; 7; 10].

На основании вышеизложенного факторы, влияющие на формирование правовой доктрины России, можно разделить на внутренние и внешние. Внутренние факторы включают изменения в общественно-политической среде, развитие национальной юридической науки, а также активность правительства и парламента. Внешние факторы связаны с воздействием международных норм и стандартов, транснациональным обменом правовыми практиками и идеями, а также с необходимостью соответствия международным обязательствам.

Следует отметить, что современный этап характеризуется методологическим плюрализмом, хотя и с определенными доминантами. Возрождение естественно-правовых идей рассматривается в контексте защиты прав человека и конституционализма [13]. Что касается интегративного подхода, то предпринимаются попытки синтезировать позитивизм, естественно-правовые идеи, социологический подход (С.С. Алексеев, В.Д. Зорькин) [1; 4]. Либертарно-юридическая теория (В.С. Нерсесянц) акцентирует формальное равенство как сущность права [10]. Коммуникативные теории рассматривают право как системы коммуникаций (А.В. Поляков) [11].

Критический анализ советского наследия формируется вокруг переосмыслиния догм марксистско-ленинской теории. Формирование «цивилизационной» специфики основывается на дискуссии об особом пути российского права, его ценностных основаниях.

Таким образом, российская система юридических идей эволюционирует сквозь историю, представляя собой подвижный комплекс концепций и фундаментальных принципов. На ее формирование воздействует множество обстоятельств – от культурного контекста до международной обстановки, включая политические и социальные аспекты. В свою очередь, эта доктринальная конструкция существенно определяет характер и развитие всей правовой институциональной структуры государства.

Смена политических режимов неизменно влекла за собой переосмысливание правового наследия, что создавало уникальный феномен российской правовой культуры – способность интегрировать элементы прошлых правовых систем в новые юридические конструкции. В конечном счете актуальная российская правовая доктрина представляет собой сложный синтез различных правовых традиций, ставший результатом длительной исторической эволюции с ярко выраженным периодами как преемственности, так и радикальных разрывов с предшествующим опытом.

Начиная с 2000-х гг. формируется инновационная концептуальная модель, которая пытается гармонично объединить как фундаментальные международные стандарты прав человека и конституционализма, так и элементы национальной самобытности, включающие государственную независимость, мощь центральной власти и приверженность исконным ценностям. Указанный период характеризуется динамичным развитием такой комплексной доктрины. Современная доктрина трансформируется под влиянием нескольких фундаментальных процессов: интеграции различных методологических концепций, укрепления государственного суверенитета, повышения внимания к традиционным ценностям и социальной справедливости, а также растущего авторитета решений Конституционного Суда РФ, которые все чаще выступают в качестве источников доктринального характера.

В отличие от ангlosаксонской системы российское право формально не признает доктрину источником права. Тем не менее ее реальное воздействие остается исключительно важным: она существенно влияет не только на создание правовых норм, но и на их интерпретацию, практическое применение, а также играет ключевую роль в формировании юридического мировоззрения.

Для активного участия в реализации правовых норм, предвидения изменений законодательства и корректного осмыслиения эволюции отечественной юриспруденции критически важно разбираться в механизмах становления юридических концепций.

Вывод

Формирование правовой доктрины России – это сложный, многогранный и непрерывный процесс, глубоко укорененный в истории и культуре страны. От дореволюционных идей правового государства через идеологизированную советскую доктрину к современным поискам баланса между суверенитетом, традиционными ценностями и общечеловеческими правовыми стандартами российская правовая мысль демонстрирует как способность к трансформации, так и стремление к сохранению своей идентичности. Нынешняя российская правовая доктрина находится в стадии активного становления, испытывая влияние разнонаправленных факторов. Ее дальнейшее развитие будет определять не только внутренний облик правовой системы, но и место России в глобальном правовом пространстве. Теоретическое осмыслиение этого процесса остается актуальной задачей юридической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев, С. С. Теория права : учебник / С. С. Алексеев. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
2. Батурина, С. В. Традиции российской правовой доктрины : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Батурина Светлана Владимировна. – Краснодар, 2008. – 26 с.
3. Бошно, С. В. Доктрина как форма и источник права / С. В. Бошно // Журнал российского права. – 2003. – № 12 (84). – С. 70–79.

4. Зорькин, В. Д. Прецедентный характер решений Конституционного Суда Российской Федерации / В. Д. Зорькин // Журнал конституционного правосудия. – 2007. – № 1. – С. 1–8.

5. Исаев, И. А. История политических и правовых учений России : учебник / И. А. Исаев, Н. М. Золотухина. – М. : Юристъ, 2003. – 415 с.

6. История политических и правовых учений : учебник / Р. Б. Гандолоев, И. А. Гончаров, М. О. Долгий [и др.]. – 5-е изд., перераб. и доп. – М. : Юнити-Дана, 2022. – 384 с.

7. Кулапов, В. Л. Теоретические основы государства и права : метод. рекомендации для повторения курса / В. Л. Кулапов. – Саратов : Саратов. гос. акад. права, 2003. – 192 с.

8. Лившиц, Р. З. Теория права : учебник. – М. : БЕК, 1994. – 224 с.

9. Марченко, М. Н. Правоведение в вопросах и ответах : учеб. пособие / М. Н. Марченко, Е. М. Дерябина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2018. – 432 с.

10. Нерсесянц, В. С. Философия права : учебник / В. С. Нерсесянц. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2006. – 835 с.

11. Поляков, А. В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода : учебник / А. В. Поляков. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2004. – 863 с.

12. Раинов, Ф. М. Проблемы теории государства и права (юриспруденции) : учеб. курс для юрид. вузов / Ф. М. Раинов. – М. : Право и государство, 2003. – 303 с.

13. Сайдов, А. Х. Сравнительное правоведение (основные правовые системы современности) : учебник / А. Х. Сайдов. – М. : Юристъ, 2005. – 441 с.

14. Теория государства и права : учебник / С. С. Алексеев, В. М. Корельский, Г. В. Игнатенко [и др.]. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2004. – 496 с.

15. Терехов, Е. М. Интерпретационные нормы: понятие и правовая природа / Е. М. Терехов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 1. – С. 73–78. – DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.11

16. Томсинов, В. А. Развитие русской юриспруденции во второй трети XIX века. Статья седьмая / В. А. Томсинов // Законодательство. – 2009. – № 3. – С. 90–95.

REFERENCES

1. Alekseev S.S. *Teorija prava: uchebnik* [Theory of Law. Textbook]. Moscow, BEK Publ., 1995. 320 p.

2. Baturina S.V. *Tradicii rossijskoj pravovoj doktriny: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Traditions of the Russian Legal Doctrine]. Krasnodar, 2008. 26 p.
3. Boshno S.V. Doktrina kak forma i istochnik prava [Doctrine as a Form and Source of Law]. *Zhurnal rossijskogo prava*, 2003, no. 12 (84), pp. 70-79.
4. Zorkin V.D. Precedentnyj harakter reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii [The Precedent Nature of the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Zhurnal konstitucionnogo pravosudija*, 2007, no. 1, pp. 1-8.
5. Isaev I.A., Zolotuhina N.M. *Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij Rossii: uchebnik* [The History of Political and Legal Doctrines of Russia. Textbook]. Moscow, Jurist Publ., 2003. 415 p.
6. Gandoloev R.B., Goncharov I.A., Dolgij M.O. et al. *Istorija politicheskikh i pravovyh uchenij: uchebnik* [History of Political and Legal Doctrines. Textbook]. Moscow, Juniti-Dana Publ., 2022. 384 p.
7. Kulapov V.L. *Teoreticheskie osnovy gosudarstva i prava: metodicheskie rekomendacii dlja povtorenija kursa* [Theoretical Foundations of the State and Law]. Saratov, Sarat. gos. akad. prava, 2003. 192 p.
8. Livshic R.Z. *Teoriya prava: uchebnik* [Theory of Law. Textbook]. Moscow, BEK Publ., 1994. 224 p.
9. Marchenko M.N., Derjabina E.M. *Pravovedenie v voprosah i otvetah: ucheb. posobie* [Legal Studies in Questions and Answers. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2018. 432 p.
10. Nersesjanc V.S. *Filosofija prava: uchebnik* [Philosophy of Law. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2006. 835 p.
11. Poljakov A.V. *Obshchaja teorija prava: problemy interpretacii v kontekste kommunikativnogo podhoda: uchebnik* [General Theory of Law. Textbook]. Saint Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta, 2004. 863 p.
12. Rajanov F.M. *Problemy teorii gosudarstva i prava (jurisprudencii): ucheb. kurs dlya yurid. vuzov* [Problems of the Theory of State and Law (Jurisprudence). Textbook]. Moscow, Pravo i gosudarstvo Publ., 2003. 303 p.
13. Saidov A.H. *Sravnitelnoe pravovedenie (osnovnye pravovye sistemy sovremennosti: uchebnik)* [Problems of the Theory of State and Law (Jurisprudence). Textbook]. Moscow, Jurist Publ., 2005. 441 p.
14. Alekseev S.S., Korelskij V.M., Ignatenko G.V. et al. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of State and Law. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2004. 496 p.
15. Terehov E.M. *Interpretacionnye normy: ponjatie i pravovaja priroda* [Interpretative Norms: The Concept and Legal Nature]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 1, pp. 73-78. DOI: 10.15688/lc.jvolsu.2021.1.11
16. Tomsinov V.A. Razvitie russkoj jurisprudencii vo vtoroj treti XIX veka. Statja sedmaja [The Development of Russian Jurisprudence in the Second Third of the 19th Century. Article Seven]. *Zakonodatelstvo*, 2009, no. 3, pp. 90-95.

Information About the Authors

Vladimir S. Chagin, Lecturer, Department of Jurisprudence, Krasnodar Cooperative Institute (Branch of Russian University of Cooperation), im. Mitrofana Sedina St, 168/1, 350015 Krasnodar, Russian Federation, chagin-vs@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8000-6874>

Tatiana V. Yushkina, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Kuban State University, Stavropolskaya St, 149, 350040 Krasnodar, Russian Federation, 3838888@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5657-9950>

Andrey A. Shanin, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, shanin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4952-4238>

Информация об авторах

Владимир Сергеевич Чагин, преподаватель кафедры юриспруденции, Краснодарский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации, ул. им. Митрофана Седина, 168/1, 350015 г. Краснодар, Российская Федерация, chagin-vs@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-8000-6874>

Татьяна Викторовна Юшкина, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, 350040 г. Краснодар, Российская Федерация, 3838888@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5657-9950>

Андрей Александрович Шанин, кандидат юридических наук, доцент кафедры философии и теории права, Волгоградский государственный университет, Университетский просп., 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, shanin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4952-4238>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.6>

UDC 340.12

LBC 67.0

Submitted: 22.04.2025

Accepted: 10.11.2025

ON THE MODELS OF OFFICIAL LEGAL INTERPRETATION

Evgeny M. Terekhov

Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Balakovo, Russian Federation

Introduction: the official interpretation of legal norms is one of the elements that support the functioning of the mechanism of the legal regulation of public relations. In the vast majority of cases, it is associated with a tool for revealing the meaning of legal norms, which is used to understand them. However, having great functional potential, the official legal interpretation can be used to solve a much wider range of tasks that allow identifying independent schemes in its use. **Purpose:** to find the truth in the issue of establishing specific models of official legal interpretation, an attempt to identify and characterize them. **Methods:** the methodological framework for the research is a set of methods of scientific knowledge, including consistency, analysis, comparative law, formal law. **Results:** the author's position, justified in the work, on the choice and analysis of specific models of official legal interpretation, is based on the work of scientists, the provisions of the current legislation, and legal acts of the judicial authorities of the Russian Federation. **Conclusions:** a historical analysis of the development of the legal interpretation demonstrates how the view of specific models of its use has changed from a banal means of revealing the meaning of legal norms to a tool that allows adapting the meaning of existing legal norms to rapidly changing social relations without adjusting the legislation. All this opens up a confident prospect of further development for the official interpretation, including the modernization of its main elements – the identification of new groups and types of interpretative acts; the expansion of relationships between its subjects and other persons; the publication of anticipatory explanations, etc. Guided by the targeted use of official interpretation in the mechanism of the legal regulation of public relations, today we can talk about the possibility of identifying classical (traditional); balanced; orienting; adaptive; complementary models. The list of specific models of official legal interpretation is not exhaustive. Further work on the study of models of official legal interpretation should be continued.

Key words: legal activity, legal interpretation activity, legal interpretation, clarification, interpretative act, interpretative practice.

Citation. Terekhov E.M. On the Models of Official Legal Interpretation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 51-59. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.6>

УДК 340.12

ББК 67.0

Дата поступления статьи: 22.04.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

К ВОПРОСУ О МОДЕЛЯХ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА

Евгений Михайлович ТереховБалаковский филиал Саратовской государственной юридической академии,
г. Балаково, Российская Федерация

Введение: официальное толкование норм права выступает одним из элементов, поддерживающих работоспособность механизма правового регулирования общественных отношений. В абсолютном большинстве случаев оно ассоциируется с инструментом раскрытия смысла норм права, который применяется для их понимания. Однако, обладая большим функциональным потенциалом, официальное толкование права может быть использовано для решения гораздо большего спектра задач, которые позволяют выделить самостоятельные схемы в его использовании. **Цель:** поиск истины в вопросе установления конкретных моделей официального толкования права, попытка их выделения и характеристики. **Методы:** методологическую основу данного исследования составляет совокупность методов научного познания, среди которых системность, анализ, сравнительно-правовой, формально-юридический. **Результаты:** обоснованная в работе авторская позиция о выборе и анализе конкретных моделей официального толкования права опирается на

работы ученых, положения действующего законодательства, правовые акты органов судебной власти РФ. **Выводы:** исторический анализ развития толкования права демонстрирует, как менялся взгляд на конкретные модели его использования: от банального средства раскрытия смысла норм права до инструмента, позволяющего адаптировать смысл действующих норм права под стремительно меняющиеся общественные отношения без корректировки законодательства. Все это открывает перед официальным толкованием уверенную перспективу последующего развития, в том числе с модернизацией основных его элементов – выделение новых групп и видов интерпретационных актов; расширение взаимосвязей между его субъектами и иными лицами; издание опережающих разъяснений и т. д. Руководствуясь целевым использованием официального толкования в механизме правового регулирования общественных отношений, сегодня можно говорить о возможности выделения классической (традиционной); балансной; ориентирующей; адаптационной; дополняющей моделей. Перечень конкретных моделей официального толкования права не является исчерпывающим. Последующую работу по изучению моделей официального толкования права стоит продолжить.

Ключевые слова: юридическая деятельность, правоинтерпретационная деятельность, толкование права, разъяснение, интерпретационный акт, интерпретационная практика.

Цитирование. Терехов Е. М. К вопросу о моделях официального толкования права // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 51–59. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.6>

Введение

Официальное толкование права выступает самостоятельным элементом механизма правового регулирования. Оно прошло довольно длительный путь своего исторического развития, в котором целесообразно выделять дореволюционный, советский и современный этапы. В эти времена отношение к нему было различным – от банального средства раскрытия смысла норм права до инструмента, позволяющего адаптировать смысл действующих норм права под стремительно меняющиеся общественные отношения без корректировки законодательства.

В дореволюционном периоде господствовало мнение об использовании толкования в контексте инструмента раскрытия смысла нормы права. Н.А. Гредескул отмечал, что толкование закона используется для исключения его объективной неясности или субъективной непонятности [4, с. 153]. Усиливая эту мысль, Е.В. Васьковский подчеркивал, что применение толкования позволяет открыть нам понимание права, в котором раскрытый смысл нормы права соотносится с конкретным отношением, регулируемым этой нормой [1, с. 80–81]. Е.Н. Трубецкой говорил о том, что толкование используется для постижения языка законодателя, ввиду чего создаются условия для уяснения смысла норм права [18, с. 138]. На данной стадии толкование права учеными рассматривалось скорее как элемент правоприменительного процесса, потенциал которого

ограничивался рамками неоднозначности норм права.

В советском периоде возможности использования толкования расширяются. Это объясняется тем, что на дореволюционном этапе произошло накопление знаний об официальном толковании права, его способах, методах и т. д., что дает возможность дальнейшего применения последнего в большем диапазоне, нежели классический инструмент раскрытия смысла норм права. Здесь начинают возникать первые предпосылки использования толкования в процессах поддержания жизнедеятельности права, предпринимаются уверенные попытки раскрытия его потенциала в механизме правового регулирования, выходящие за рамки правоприменительного процесса. Так, Н.Н. Вопленко указывает на то, что при помощи интерпретационных актов осуществляются такие важные государственные функции, как контроль и надзор [2, с. 57]. В этом случае оно могло применяться уже как средство укрепления социалистической законности. Оригинальный подход к вопросу о моделях толкования права предлагает А.С. Пиголкин. Он прямо обращает внимание на тесную связь интерпретации права с политикой и правосознанием политических элит, что, в свою очередь, допускает возможность государства в лице отдельных органов толковать законы с позиции интересов обособленной группы лиц, например, капиталистов [8, с. 23]. Фактически речь идет о том, что толкование права служит компонентом проведения политики Коммунистической партии. В данном суждении

просматривается критика советских юристов, которые исследовали толкование через призму правоприменительного процесса. К слову, А.С. Шляпochников, говоря о толковании уголовного закона, указывает на то, что оно представляет собой деятельность, обладающую специфическими чертами, которая выходит за рамки стандартного уголовного процесса [20, с. 83–84].

В современном периоде возможности использования официального толкования права все более усовершенствуются: в дополнение к советским возникают новые. Е.Н. Тонков предлагает на основе интенционального критерия выделять легальные (практико-ориентированную; буквальную; новаторскую) и экстрапланетные (иерархическую; коррупционную; волонтерскую) модели [16, с. 302]. Активная работа Конституционного Суда РФ также вносит свою роль в формирование моделей толкования права, обозначая новые их направления. Например, если в советский период толкование закона было строго ограничено законодательной волей, которая содержалась в нормах в момент их принятия, не учитывая изменений в общественных отношениях [20, с. 86], то в современный период Конституционным Судом РФ допускается иное толкование, позволяющее развивать смысловые границы данной законодательной воли [3].

Учитывая исторический опыт, а также допуская различные возможности использования официального толкования в правовой сфере общества, важно заметить, что в его системе целесообразно выделять самостоятельные модели, в соответствии с которыми оно может быть реализовано его субъектами.

Модель официального толкования права – схема, согласно которой оно может быть задействовано для поддержания работоспособности механизма правового регулирования общественных отношений. Важным моментом здесь выступает ориентация на реализацию поставленных целей, которые не стоит отождествлять с его целями, поскольку они могут как совпадать, так и не совпадать. Например, основополагающей целью официального толкования выступает раскрытие смысла норм права, в то время как оно может быть использовано его субъектом как для ее выполнения, так и для адаптации смыслового

содержания норм под изменившиеся общественные отношения.

Модель толкования – собирательная категория, которая включает в себя соответствующую методику интерпретации (виды, способы и методы толкования). Однако главным аспектом в ней выступает целевая составляющая. Абсолютно прав в этой связи Е.Н. Тонков, который указывает, что самостоятельное значение модели толкования выражено целями и условиями ее применения [17, с. 449]. Если говорить о модели, то она соотносится с иными компонентами, такими как виды, способы, методы толкования, как целое и часть. Иными словами, модель – это стратегическая составляющая толкования, а виды, способы, методы – это тактическая составляющая толкования. Применение отдельных видов, способов, методов будет входить в конкретную модель толкования права [19, с. 100–101]. Например, если потребности механизма правового регулирования требуют толкования нормы права под изменившиеся условия жизни, без изменения действующих норм права, то субъектом толкования будет задействована адаптационная модель, в основе которой лежит системное толкование с расширенным уклоном.

Характеристика моделей официального толкования права

Анализ исторического интерпретационного опыта и деятельности органов высшей судебной власти РФ, а также функционального потенциала толкования права, обеспечивающего потребности механизма правового регулирования общественных отношений, позволяет выделить и раскрыть следующие модели: классическую (традиционную); балансную; ориентирующую; адаптационную; дополняющую. Подобное обозначение необходимо не только для выявления места официального толкования в механизме правового регулирования, но и дальнейшего открытия новых возможностей его использования в правовой сфере общества. В частности, раскрытие очевидного признака нормы права и поддержание баланса правовых интересов государства и личности посредством издания соответствующих разъяснений – вещи абсолютно не тож-

дественные, предполагающие применение различных подходов. Так, для раскрытия оценочного признака необходимо простое осознание, что под ним понимать, а когда от нас требуется поддержать (определить) баланс правовых интересов между государством и личностью, здесь стандартного понимания смысла норм права уже будет недостаточно, – подлежит оценивать возникающие в этой связи текущие и перспективные риски (чтобы не было излишних смещений интересов в пользу исключительно государства либо исключительно личности), а также другие факторы.

Раскроем подробнее обозначенные выше модели официального толкования права, в основу которых положено его целевое использование в механизме правового регулирования общественных отношений.

Классическая (традиционная) модель официального толкования позволяет раскрывать смысл норм права без привязки к каким-либо признакам и без акцента на них. В ее рамках норма права получает смысловое раскрытие без учета окружающих факторов (политических, социальных, экономических и т. д.). Указанная модель подразумевает применение официального толкования исключительно в контексте инструмента установления значения содержания законодательства и хорошо зарекомендовала себя во всех периодах развития правоинтерпретационной деятельности – дореволюционном, советском и современном.

Еще дореволюционные ученые отмечали, что важнейшим свойством нормы права служит ясность изображения, которое передает мысль от законодателя правопримениителю, установить которую бывает крайне сложно [4, с. 125].

Возникновение, развитие, функционирование самого понятия «толкование права» автоматически накладывает на него способность раскрывать смысл неоднозначных норм права и использовать его результат для устранения возникшей правовой неопределенности как в простых ситуациях, так и в трудных.

Например, постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 разъяснено, что «осужденный считается уклоняющимся от воспитания ребенка, если он,

официально не отказалвшись от ребенка, оставил его в родильном доме или передал в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставил ребенка родственникам или иным лицам, либо скрылся, либо совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка» [14].

Балансная модель официального толкования позволяет раскрывать смысл норм права с учетом поддержания действующего правового баланса между разными участниками правовых отношений. Толкование может рассматриваться как средство поиска компромисса при наличии противоположных интересов. Обеспечение баланса представляется одной из приоритетных задач правовой науки на всем пути ее исторического развития и может достигаться не только принятием новых нормативных актов, но и ведением правоинтерпретационной деятельности.

Н.М. Коркунов справедливо отмечал, что сама природа права «предполагает противоположение нескольких самостоятельных интересов, друг другу противопоставляемых и друг друга ограничивающих» [6, с. 40]. Развивая эту мысль, А.Ф. Пьянкова подчеркивает, что «разграничение интересов членов общества является одной из важнейших и сложнейших задач права» [15, с. 15].

Анализ некоторых интерпретационных актов позволяет сделать вывод о том, что содержащиеся в них разъяснения сформулированы в контексте уравновешивания частных и публичных интересов. Так, по общему правилу самовольная постройка подлежит сносу, поскольку нарушает требования безопасности строительных норм, что свидетельствует о наличии публичного интереса. Однако в противовес ему вступает частный интерес, который позволяет в отдельных случаях узаконить самовольно возведенную постройку через процедуру судебного разбирательства.

Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что иск о признании права собственности на самовольную постройку подлежит удовлетворению, если единственным признаком самовольной постройки является отсутствие необходимых в силу закона согласований, разрешений, к получению которых лицо, создавшее самовольную постройку, принимало над-

лежащие меры [12]. Исходя из этого, можно наблюдать не доминирование публичного запрета на легализацию самовольно возведенной постройки, а дозволение реализации частного интереса в отдельных случаях ее легализации, тем самым обеспечивается компромисс публичного и частного.

Ориентирующая модель официального толкования позволяет обращать внимание заинтересованных лиц на необходимость осуществления работы с учетом изданного акта толкования. В первую очередь речь здесь идет об интерпретационных актах Конституционного Суда РФ, которые обращены как к законодателю, так и к правоприменителю. Его акты толкования имеют особое значение в системе разъясняющих документов, выделяясь из общего большинства, поскольку, во-первых, издание вышеуказанным судебным органом соответствующего акта является общеобязательным, исключающим любое иное истолкование в правоприменительной деятельности, а во-вторых, они обязывают законодателя вносить изменения в действующее правовое регулирование.

Конституционный Суд РФ нацеливает законодателя и правоприменителя на обязательное использование в своей работе соответствующих актов толкования, которые не только разъясняют положения действующего законодательства, но и выявляют в нем смысловые коллизии и пробелы, наличие которых препятствует эффективной работе механизма правового регулирования, а также констатирует наличие смыслового противоречия, которое нужно учитывать в юридической деятельности, тем самым ведет их субъектов к достижению заданных целей в границах истинного смыслового понимания норм права.

В постановлении от 14.12.2023 № 57-П высший орган судебной власти РФ указал, что федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, вытекающие из настоящего постановления, поскольку было установлено противоречие смыслов между Конституцией РФ и Гражданским кодексом РФ [11]. Анализируемая модель предполагает совершение активных действий субъектами права посредством их незамедлительной реакции на выход в свет соответствующего акта толкования.

Адаптационная модель позволяет приспособить смысл нормы права к развившимся с момента принятия нормативного акта общественным отношениям. Это та ситуация, когда нецелесообразно принимать новый нормативный акт, однако потребность в расширении области его использования возникает. Важным условием действия указанной модели нужно признать то обстоятельство, что смысл интересующих норм права подразумевает их проецирование на конкретные общественные отношения, а также что это допускается посредством отсутствия злоупотребления смыслом со стороны субъектов толкования. В ином случае возникает опасность перехода рассматриваемой модели в категорию интерпретационного правотворчества – опасного явления, не только стирающего разумные рамки между правовыми актами, но и снижающего значение принципа разделения властей.

Стоит согласиться с мнением исследователей, согласно которому даже самый совершенный закон неизбежно отстает от жизни: раз изданный, он остается неподвижным, меж тем как жизнь идет непрерывно вперед, творя новые потребности и новые отношения [9, с. 94]. Это вызывает анализ поиска возможности «приспособления» ранее принятого нормативного акта под изменившиеся общественные отношения. В случае ее установления посредством официального толкования происходит адаптация действующих норм под измененные общественные отношения.

Если раньше такая работа подразумевалась, но, как правило, открыто не афишировалась, то в последнее время наблюдается тенденция официального закрепления такой возможности, в том числе на уровне основного закона государства, и выстраивание аналогичной работы в отношении других источников права. Все это ведет к формированию концепции «живого» толкования права.

На встрече Президента РФ и Председателя Конституционного Суда РФ по случаю 30-летнего юбилея российской Конституции последний заявил о стремлении к тому, чтобы основной закон не превращался в мертвый документ и действовал на постоянной основе, для чего стоит приспособливать его к меняющемуся времени [5]. По мнению В.Д. Зорь-

кина, «заложенный в конституционном тексте глубокий правовой смысл позволяет Конституционному Суду интерпретировать Конституцию применительно к потребностям развития России, то есть осуществлять творческое толкование Конституции с позиций принятой в общемировой практике доктрины “живой Конституции”» [5].

Примерами адаптивного толкования норм права служат судебные акты Конституционного Суда РФ: определение от 15.01.2015 № 7-О [7] и постановление от 25.02.2014 № 4-П [10].

Дополняющая модель позволяет вносить необходимые уточнения в тексты интерпретационных актов, а также поддерживает их систему в постоянном рабочем состоянии. К сожалению, несмотря на всю ее значимость, в правовой науке и практической юриспруденции ей уделяется не так много внимания. Это как минимум странно, поскольку своевременное внесение нужных дополнений в акты толкования является такой же насущной потребностью, как и внесение дополнений в тексты нормативных актов. Интерпретационный акт, утративший свою актуальность хотя бы на треть, уже не сможет в полном объеме выполнять поставленные перед ним задачи, а это представляет собой серьезную угрозу стабильности реализации правовых отношений. Исходя из этого, целесообразно не просто выделять анализируемую модель в качестве самостоятельной, но и должным образом исследовать ее.

Основаниями, вызывающими потребность во внесении дополнений, могут выступать как изменение действующего законодательства, так и появление вопросов в юридической практике. Именно по этой причине было издано постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 45 [13].

Выводы

Модель официального толкования права – схема, согласно которой оно может быть использовано для поддержания работоспособности механизма правового регулирования общественных отношений. Модель толкования – собирательная категория, которая включает в себя соответствующую методику интерпретации (виды, способы и методы толкования).

Исторический анализ развития толкования права демонстрирует, как менялся взгляд на конкретные модели его использования: от банального средства раскрытия смысла норм права до инструмента, позволяющего адаптировать смысл действующих норм права под стремительно меняющиеся общественные отношения без корректировки законодательства. Все это открывает перед официальным толкованием уверенную перспективу последующего развития, в том числе с модернизацией основных его элементов – выделение новых групп и видов интерпретационных актов; расширение взаимосвязей между его субъектами и иными лицами; издание опережающих разъяснений и т. д.

Руководствуясь целевым использованием официального толкования в механизме правового регулирования общественных отношений, сегодня можно говорить о возможности выделения классической (традиционной); балансной; ориентирующей; адаптационной; дополняющей моделей.

Перечень конкретных моделей официального толкования права не является исчерпывающим, поскольку его использование во всех отраслях права позволяет говорить о возможности выделения новых моделей. Последующую работу по изучению моделей официального толкования права стоит продолжить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васьковский, Е. В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов / Е. В. Васьковский. – М. : Центр Юринфор, 2002. – 507 с.
2. Вопленко, Н. Н. Официальное толкование норм права / Н. Н. Вопленко. – М. : Юрид. лит., 1976. – 118 с.
3. Герейханова, Г. Зорькин пожелал Путину, чтобы еще долго Конституция действовала под ее успешным гарантом / Г. Герейханова // Российская газета. – 2023. – 12 дек.
4. Гредескул, Н. А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права / Н. А. Гредескул. – Харьков : Тип. А. Дарре, 1900. – 235 с.
5. Зорькин, В. Под знаком Основного закона. Конституционный Суд на рубеже четвертого десятилетия / В. Зорькин // Российская газета. – 2021. – 28 окт.
6. Коркунов, Н. М. Лекции по общей теории права / Н. М. Коркунов. – СПб. : Пресс, 2003. – 428 с.

7. Определение Конституционного Суда РФ от 15.01.2015 № 7-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Паршина Александра Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru>
8. Пиголкин, А. С. Толкование нормативных актов с СССР / А. С. Пиголкин. – М. : Госюризdat, 1961. – 165 с.
9. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – Пг. : Право, 1917. – 328 с.
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью “Барышский мясокомбинат” и “ВОЛМЕТ”, открытых акционерных обществ “Завод Реконд”, “Эксплуатационно-технический узел связи” и “Электронкомплекс”, закрытых акционерных обществ “ГЕОТЕХНИКА П” и “РАНГ” и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики “Детская городская больница № 3 ‘Нейрон’ Министерства здравоохранения Удмуртской Республики”» // Российская газета. – 2014. – 5 марта.
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.12.2023 № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» // Российская газета. – 2023. – 22 дек.
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке» // Российская газета. – 2023. – 22 дек.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.12.2023 № 45 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 июня 2018 года № 17 “О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве”» // Российская газета. – 2023. – 20 дек.
14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // Российская газета. – 2023. – 27 дек.
15. Пьянкова, А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах / А. Ф. Пьянкова. – Пермь : Перм. нац. гос. ун-т, 2014. – 244 с.
16. Тонков, Е. Н. Анализ и синтез теоретических моделей толкования права / Е. Н. Тонков // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 300–303.
17. Тонков, Е. Н. Значение индивидуальной нормативной системы личности при выборе модели толкования права / Е. Н. Тонков // Нравственные императивы российской государственности: достоинство личности, суверенитет, солидарность : сб. науч. тр. I Белгород. Междунар. юрид. форума. – Белгород, 2024. – С. 445–451.
18. Трубецкой, Е. Н. Энциклопедия права / Е. Н. Трубецкой. – М. : Рус. труд, 1907. – 223 с.
19. Федосеев, П. С. О некоторых вопросах правового регулирования кондикционных обязательств / П. С. Федосеев // Правовая парадигма. – 2024. – № 4. – С. 98–103. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2024.4.13>
20. Шляпочников, А. С. Толкование уголовного закона / А. С. Шляпочников. – М. : Госюризdat, 1960. – 240 с.

REFERENCES

- Vaskovskiy E.V. *Tsivilisticheskaya metodologiya. Uchenie o tolkovaniyu i primenenii grazhdanskikh zakonov* [Civilistic Methodology. The Doctrine of the Interpretation and Application of Civil Laws]. Moscow, Center Yurinfor Publ., 2002. 507 p.
- Voplenko N.N. *Oficialnoe tolkovanie norm prava* [Official Interpretation of the Law]. Moscow, Jurid lit. Publ., 1976. 118 p.
- Gerejhanova G. Zorkin pozhelal Putinu, chtoby eshche dolgo Konstitucija dejstvovala pod ee uspeshnym garantom [Zorkin Wished Putin That for a Long Time to Come the Constitution Will Operate Under Its Successful Guarantor]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, Dec. 12.
- Gredeskul N.A. *K ucheniyu ob osushchestvlenii prava. Intellektualnyj process, trebuyushchijsya dlya osushchestvleniya prava* [To the Doctrine of the Exercise of Law. The Intellectual Process Required for the Exercise of the Right]. Kharkov, Tip. A. Darre, 1900. 235 p.
- Zorkin V. Pod znakom Osnovnogo zakona. Konstitucionnyj Sud na rubezhe chetvertogo desyatiletija [Under the Sign of the Basic Law. Constitutional Court at the Turn of the Fourth Decade]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2021, Oct. 28.
- Korkunov N.M. *Lekcii po obshhej teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Saint Petersburg, Press Publ., 2003. 428 p.
- Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 15.01.2015 № 7-О «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhalyby grazhdanina Parshina Aleksandra Vasilyevicha na narushenie ego konstitucionnyh prav chastyu pervoy statyi 333

Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.01.2015 № 7-O “On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of the Citizen Parshin Aleksandr Vasilyevich for Violation of His Constitutional Rights, Part 1 of Art. 333 of the Civil Code of the Russian Federation”]. *Oifitsialnyy internet-portal pravovoy informatsii* [Official Internet-Portal of Legal Information]. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

8. Pigolkin A.S. *Tolkovanie normativnyh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR]. Moscow, Gosyurizdat, 1961. 165 p.

9. Pokrovskij I.A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [Basic Problems of Civil Law]. Petrograd, Pravo Publ., 1917. 328 p.

10. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 25.02.2014 № 4-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij statej 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 i 19.7.3 Kodeksa Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah v svyazi s zaprosom Arbitrazhnogo suda Nizhegorodskoj oblasti i zhalobami obshchestv s ogranicennoj otvetstvennostyu “Baryshskij myasokombinat” i “VOLMET”, otkrytyh akcionernyh obshchestv “Zavod Rekond”, “Ekspluatacionno-tehnicheskij uzel svyazi” i “Elektronkompleks”, zakrytyh akcionernyh obshchestv “GEOTEKHNika P” i “RANG” i byudzhetnogo uchrezhdeniya zdravooхранeniya Udmurtskoj Respubliki “Detskaya gorodskaya bolnica № 3 ‘Neuron’ Ministerstva zdravooхранeniya Udmurtskoj Respubliki”» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 25, 2014 № 4-P “In the Case of Checking the Constitutionality of a Number of Provisions of Articles 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 and 19.7.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in Connection With the Request of the Arbitration Court of the Nizhny Novgorod Region and Complaints From the Baryshsky Meat Processing Plant and VOLMET Limited Liability Companies, Zavod Rekond Open Joint Stock Companies, Operational and Technical Communication Center and Elektronkomplex, GEOTEKHNika P and RANG Closed Joint Stock Companies and the Budgetary Health Care Institutions of the Udmurt Republic “Children’s City Hospital № 3 Neuron” of the Ministry of Health of the Udmurt Republic”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2014, Mar. 5.

11. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 14.12.2023 № 57-P «Po delu o proverke konstitucionnosti punkta 3 statyi 1252 I podpunkta 2 punkta 4 statyi 1515 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zaprosom Suda po intellektualnym pravam» [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.12.2023 № 57-P “On the Case of Verifying the Constitutionality of Paragraph 3 of Article 1252 and

Subparagraph 2 of Paragraph 4 of Article 1515 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection With the Request of the Court of Intellectual Rights”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, Dec. 22.

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 12.12.2023 № 44 «O nekotoryh voprosah, voznikajushhih v sudebnoj praktike pri primenenii norm o samovolnoj postrojke» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation from 12.12.2023 № 44 “On Some Issues Arising in Judicial Practice in the Application of Norms on Unauthorized Construction”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, Dec. 22.

13. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 12.12.2023 № 45 «O vnesenii izmenenij v postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 14 iyunja 2018 goda № 17 “O nekotoryh voprosah, sviazannyh s primeneniem konfiskacii imushchestva v ugolovnom sudoproizvodstve”» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 12.12.2023 № 45 “On Amendments to the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 14, 2018 № 17 ‘On Some Issues Related to the Application of Confiscation of Property in Criminal Proceedings’”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, Dec. 20.

14. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 19.12.2023 № 47 «O praktike primenenija sudami zakonodatelstva ob otsrochke otbyvanija nakazaniya» [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2023 № 47 “On the Practice of Application by the Courts of the Legislation on Postponement of Serving a Sentence”]. *Rossijskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2023, Dec. 27.

15. Pjankova A.F. *Obespechenie balansa interesov v grazhdansko-pravovyh dogovorah* [Ensuring the Balance of Interests in Civil Law Contracts]. Perm, Perm. nats. gos. un-t, 2014. 244 p.

16. Tonkov E.N. Analiz i sintez teoretičeskikh modelej tolkovaniya prava [Analysis and Synthesis of Theoretical Models of Interpretation of Law]. *Juridicheskaja tehnika* [Legal Techniques], 2024, no. 18, pp. 300-303.

17. Tonkov E.N. Znachenie individualnoj normativnoj sistemy lichnosti pri vybore modeli tolkovaniya prava [The Importance of the Individual Normative System of Personality When Choosing a Model for Interpreting Law]. *Nravstvennye imperativy rossiskoj gosudarstvennosti: dostoinstvo lichnosti, suverenitet, solidarnost: sb. nauch. tr. I Belgorod. mezdunar. jurid. foruma* [Moral Imperatives of Russian Statehood: Individual Dignity, Sovereignty, Solidarity: Collection of Scientific Papers of the 1st Belgorod International Legal Forum]. Belgorod, 2024, pp. 445-451.

18. Trubeckoj E.N. *Enciklopedija prava* [Encyclopedia of Law]. Moscow, Rus. trud Publ., 1907. 223 p.
19. Fedoseev P.S. O nekotoryh voprosah pravovogo regulirovaniya kondikcionnyh objazatelstv [On Some Issues of Legal Regulation of Contractual Obligations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, no. 4, pp. 98-103. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.13>
20. Shlyapochnikov A.S. *Tolkovanie ugolovnogo zakona* [Interpretation of Criminal Law]. Moscow, Gosurizdat, 1960. 240 p.

Information About the Author

Evgeny M. Terekhov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Public Law Disciplines, Saratov State Law Academy (Balakovo Branch), Krasnaya Zvezda St, 8/1, 413865 Balakovo, Russian Federation, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

Информация об авторе

Евгений Михайлович Терехов, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Балаковский филиал Саратовской государственной юридической академии, ул. Красная Звезда, 8/1, 413865 г. Балаково, Российская Федерация, terehov1989@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3510-1077>

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7>

UDC 347.73
LBC 67.402

Submitted: 14.07.2025
Accepted: 10.11.2025

PROTECTION OF DIGITAL CURRENCY RIGHTS BY COURTS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Kseniya V. Shubenkova

Volgograd State University (Volzhsky Branch), Volzhsky, Russian Federation

Vadim Yu. Parfenov

Volgograd Interdistrict Bar Association, branch No. 45, Volzhsky, Russian Federation

Introduction: one of the current legislative trends in recent years is the purposeful and gradual improvement of the legal regime of digital currency, with its turnover steadily increasing in the Russian and global economies. An integral and necessary element of this legal regime is the procedure and methods for protecting the rights of digital currency owners, the need for which stems from the need to ensure information security, protect property rights, and other purposes. Against the background of recent changes in the legislation involving digital currency, there is a tendency that the government intends to further ease restrictions on the circulation of digital currency, since public relations have already been established, whose object is and will be digital currency. The government has to take into account new trends in digitalization, in particular, the prospect of further development of digital currency as an economic and legal category. The representatives of Russian businesses have begun to settle accounts with their partners abroad in cryptocurrency, since it has become impossible to pay using other methods previously used. Judicial practice in cases related to digital currency has significantly expanded. These circumstances significantly increase the relevance of scientific research in the field of digital currency rights protection, including real scientific research, and also require the Russian legislator to make appropriate changes due to the urgent need for statutory regulation. The main **purpose** of the scientific research is based on the current legislation of the Russian Federation, scientific papers and judicial practice to reveal the main way to protect the rights to digital currencies – judicial. The methodological framework for the scientific research is the complex application of the general scientific and specific scientific **methods**. The following general scientific research methods were used: dialectical, logical, system-structural. Among the specific scientific methods, the following were applied: comparative law, formal law. In addition, an analysis of judicial practice was actively used, which made it possible to identify the ways and means of protecting the rights of owners of digital currencies. As a **result** of the research, an attempt has been made to analyze and systematize the ways to protect digital currency rights in Russian legislation, taking into account civil law protection measures and criminal law protection. **Conclusions:** the only possible and, at the same time, quite effective way to protect the rights to digital currencies in the Russian Federation at present is judicial. This is confirmed by the peculiarity of the established judicial practice analyzed in this scientific study.

Key words: digital currency, judicial protection of rights, cryptocurrency, digital economy, law.

Citation. Shubenkova K.V., Parfenov V.Yu. Protection of Digital Currency Rights by Courts in the Russian Federation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 60-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7>

УДК 347.73
ББК 67.402

Дата поступления статьи: 14.07.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ЗАЩИТА СУДАМИ ПРАВ НА ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ксения Владимировна Шубенкова

Волжский филиал Волгоградского государственного университета, г. Волжский, Российская Федерация

Вадим Юрьевич Парфенов

Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, филиал № 45, г. Волжский, Российская Федерация

Введение: один из законодательных актуальных трендов последних лет – целенаправленное и постепенное совершенствование правового режима цифровой валюты, оборот которой продолжает увеличиваться в российской и мировой экономике. Составной и необходимый элемент указанного правового режима – порядок и способы защиты прав владельцев цифровой валюты, потребность в которых проистекает из необходимости обеспечения информационной безопасности, защиты права собственности, а также иных целей. На фоне последних изменений в законодательстве, где фигурирует цифровая валюта, наблюдается тенденция относительно того, что государство намерено и дальше смягчать ограничения на оборот цифровой валюты, поскольку уже фактически сложились общественные отношения, объектом которых выступает и будет выступать цифровая валюта. Государство вынуждено считаться с новыми веяниями цифровизации, в частности с перспективой дальнейшего развития цифровой валюты как экономической и правовой категории. Представители российского бизнеса стали рассчитываться со своими партнерами за рубежом криптовалютой, поскольку платить иными способами, используемыми ранее, стало невозможно. Существенным образом расширилась судебная практика по делам, связанным с цифровой валютой. Эти обстоятельства значительно повышают актуальность научных изысканий в области защиты прав на цифровые валюты, в том числе и настоящего научного исследования, а также требуют от российского законодателя соответствующих изменений ввиду острой необходимости в нормативном регулировании. Основная цель настоящего научного исследования состоит в том, чтобы основываясь на действующем законодательстве Российской Федерации, научных трудах и судебной практики, раскрыть основной способ защиты прав на цифровые валюты – судебный. **Методологическую основу** настоящего научного исследования составляет комплексное применение общенаучных и частно-научных методов. Были использованы следующие общенаучные методы исследования: диалектический, логический, системно-структурный. Среди частно-научных методов были применены: сравнительно-правовой, формально юридический. Помимо этого, активно использовался анализ судебной практики, позволивший определить способы и средства защиты прав владельцев цифровых валют. В результате исследования предпринята попытка проанализировать и систематизировать способы защиты прав на цифровую валюту в российском законодательстве с учетом гражданско-правовых мер защиты и уголовно-правовой охраны. **Выводы:** единственно возможный и одновременно достаточно эффективный способ защиты прав на цифровые валюты в настоящее время в Российской Федерации – судебный. Это подтверждается особенностью сложившейся судебной практики, проанализированной в настоящем научном исследовании.

Ключевые слова: цифровая валюта, судебная защита прав, криптовалюта, цифровая экономика, закон.

Цитирование. Шубенкова К. В., Парфенов В. Ю. Защита судами прав на цифровые валюты в Российской Федерации // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 60–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.7>

Стремительно протекающие процессы цифровизации всех сфер жизни захватили экономику и правовую реальность, порождая появление новых дефиниций, требующих юридического осмысления [6].

В свою очередь, нарастающий интерес к правовому режиму цифровой валюты породил множество проблем, связанных прежде всего

с порядком и способом защиты прав ее владельцев.

Связь декларирования цифровой валюты и права на судебную защиту

Универсальная и надежная форма защиты прав – судебна. Однако она постав-

лена законодателем в зависимость от соблюдения лицом, владеющим цифровой валютой, нормативного требования: оно должно задекларировать имеющуюся цифровую валюту, сообщив о ее наличии и осуществляемых с ней операциях, сделках (ч. 6 ст. 14 Закона о цифровых финансовых активах) [8].

Из этого положения вытекает запрет на судебную защиту со стороны уголовно-правового законодательства (привлечение к уголовной ответственности за нарушение имущественных прав владельцев цифровой валюты, которая не задекларирована), а также со стороны гражданского законодательства (не могут быть удовлетворены заявленные гражданами иски, включая гражданский иск в уголовном процессе, если их цифровая валюта не задекларирована) [5]. Следуя ему, российские суды зачастую отказывают в удовлетворении требований истца на том основании, что цифровая валюта не была продекларирована. Так поступил, например, Девятый кассационный суд общей юрисдикции, который отказал во взыскании долга по договору займа, указав, что «истец не информировал налоговые органы о фактах обладания цифровой валютой и совершения гражданско-правовых сделок или операций с ней в установленном законом порядке» [12].

Эту позицию судов ученые воспринимают по-разному.

Например, Р.М. Янковский напоминает о конституционном характере права на защиту судом (ст. 46 Конституции РФ), а тот факт, что оно опосредуется уплатой или неуплатой налогов, умаляет этот высокий статус возможности защититься в суде [27].

Иной взгляд на ситуацию у А.П. Алексенко, подчеркивающего, что судебную защиту участникам правоотношений, в которых предметом выступает цифровая валюта, следует обеспечивать лишь в той ситуации, когда такие участники действуют открыто, есть возможность проконтролировать их сделки с цифровой валютой, проверить факт законности владения ею. Только при таких условиях, по утверждению автора, возможно применение средств уголовно-правовой охраны отношений, связанных с оборотом цифровой валюты [2].

Можно согласиться с высоким значением легализации операций с цифровой валютой, но если в этой области возникают уголовно-правовые отношения, сохранение условия об обязательном декларировании цифровой валюты приведет к уходу от ответственности виновных лиц, способствуя росту преступности в этой сфере [10].

Правовая и судебно-практическая неопределенность способов защиты прав на цифровую валюту

Вопрос о способах защиты прав на цифровую валюту напрямую зависит от того, как нормативно урегулирован правовой режим данного объекта. Однако в этом вопросе до настоящего момента сохраняется правовая неопределенность [7], в основе которой факт отсутствия указания на цифровую валюту как на объект гражданских прав в нормах Гражданского кодекса РФ. Одновременно в некоторых иных нормативных актах оговаривается признание цифровой валюты имуществом. Речь идет о нормах анткоррупционного, налогового законодательства, законодательства о банкротстве, об исполнительном производстве и др.

Не дожидаясь законодательных новаций, суды стали самостоятельно трактовать цифровую валюту в качестве имущества при рассмотрении споров, связанных с ней. Положив в основу базовые нормы Гражданского Кодекса (далее – ГК) РФ, суды, руководствуясь диспозитивностью норм гражданского права, считают открытым перечень объектов гражданских прав, предусмотренных в ст. 128 ГК РФ, допуская возможность существования объектов, которые в нем прямо не названы [11].

Так, по одному из дел, в котором истец пытался доказать факт неосновательного обогащения, суд отказался встать на сторону истца. Он обосновал свою позицию тем, что не было представлено доказательств, свидетельствующих о неисполнении третьим лицом своего обязательства в рамках сделки обмена цифровой валюты. Одновременно судебная инстанция позволила себе следующие разъяснения: «С учетом вступившего в законную силу ФЗ-259, криптовалюта признана цифровой валютой и приравнена к имуществу. Крип-

товалюта, подпадает под содержащееся в ФЗ № 259, определение цифровой валюты, а значит, обмен криптовалюты не запрещен законом. По смыслу приведенных правовых норм, цифровая валюта имеет экономическую ценность, она может являться предметом гражданско-правовых отношений, и, следовательно, с ней допускается совершение операций по покупке, продаже и обмену лицами, имеющими материальный интерес в таких операциях» [7].

Итак, включение цифровой валюты в перечень видов имущества, признанных ГК РФ, будет способствовать защите прав ее владельцев и, как следствие, позволит повысить степень открытости рынка криптовалюты. Такой сценарий предпочтителен по сравнению с установлением запретов для оборота цифровой валюты и акцентированием внимания на ответственности за их несоблюдение. Установление определенного и ясного статуса цифровой валюты даст ее владельцам реальный стимул к легализации своей деятельности. Конечно, недостаточно одних лишь законодательных корректировок, нацеленных на признание цифровой валюты специфическим видом имущества. Нужно нормативно определить и закрепить конкретный перечень возможных способов защиты прав на такое имущество [3].

Если мы будем исходить из вещно-правовой трактовки цифровой валюты, то логично допустить, что для защиты прав на этот объект в случае их нарушения, должны быть использованы традиционные вещно-правовые способы, регламентированные нормами ГК РФ: виндиция, а также подача негаторного иска. Можно предположить, например, что при помощи обращения в суд с виндиционным иском владелец способен вернуть себе цифровую валюту, которая оказалась в чужом незаконном владении.

Однако, как известно, цифровая валюта – необычный объект гражданских прав [26]. Право на нее никакими документами не оформляется, оно гарантируется наличием закрытого ключа. Технология блокчейна не позволяет разделить фактическое владение криптовалютой и права на нее. Технические возможности правовых ограничений не позволяют владельцу цифровой валюты представить ин-

формацию, которая дает возможность однозначно установить, что данная валюта принадлежит именно ему. Соответственно, идентификация такого специфичного объекта практически невозможна, и, следовательно, владельцы цифровой валюты, а также лица, которые пытаются незаконно завладеть ею или уже завладели, не могут быть установлены. Кроме того, нужно учитывать, что осуществляемые транзакции цифровой валюты необратимы, так что вернуть утраченное невозможно. Констатация этого факта часто встречается в судебных решениях [16]. В такой ситуации практика движется по пути применения в отношении цифровой валюты такого эффективного способа защиты прав, как кондикция, которая позволяет в том числе субсидиарное применение деликтного иска [14; 13].

Именно поэтому для защиты цифровой валюты невозможно применить виндиционный иск. Судебной практике также неизвестны такие ситуации [9].

Обязательственно-правовые способы защиты прав на цифровые валюты

В связи с тем, что защитить права на цифровые валюты невозможно вещно-правовыми способами, следует обратиться к иным способам. Таковыми могут быть способы защиты, применяемые в обязательственных правоотношениях. Основания для этого имеются, поскольку конструкции большинства гражданских договоров, позволяют использовать цифровую валюту при совершении многих видов сделок. Речь идет о купле-продаже цифровых валют, майнинге, получении и выдаче займов, использовании цифровой валюты в качестве обеспечения по кредитам, дарении и др. Самы суды констатируют этот факт таким образом: «Сделки с криптовалютой, за исключением оплаты за товары, услуги, законодательством не запрещены, криптовалюту можно продать, обменять или дарить» [15].

Судебная практика демонстрирует активное применение судами обязательственно-правовых способов для защиты прав на цифровую валюту, среди которых – традиционные для обязательственных правоотношений способы: подача исков о возмещении вреда (ст. 1064 ГК РФ) и о взыскании неоснователь-

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

нного обогащения (ст. 1104 ГК РФ). В отношении последнего ученые часто пользуются термином «кондикция». Такой иск основан на нормах главы 60 ГК РФ, посвященной обязательствам из неосновательного обогащения.

Рассмотрим один из примеров судебной практики. По одному из дел И. требовал взыскать неосновательное обогащение в размере 600 000 рублей, ссылаясь на то, что 19 мая 2023 г. ошибочно перечислил ответчику указанную сумму, но ответчик деньги не возвращает. Суд в своем решении сослался на положения ст. 1102 ГК РФ, где предусмотрена ситуация, когда лицо вопреки закону, положениям других нормативных актов или договору (безосновательно) получает имущество за счет другого лица. Закон требует от этого лица возвратить полученное без оснований имущество, именуемое неосновательным обогащением.

Истец сможет добиться удовлетворения его требований, только если докажет, что имела место вся совокупность упомянутых выше фактов. В качестве доказательств в суде использовались скриншоты переписки между никнеймом продавца и никнеймом покупателя, из которых следует, что между сторонами была заключена сделка купли-продажи криптовалютных активов за рубли на бирже Garantex. В переписке прозвучали ФИО истца и ответчика, возраст, реквизиты для оплаты, номер телефона. Выписка по счету подтвердила факт перевода денег. Никаких признаков недобросовестности ответчика суд не усмотрел, поэтому было принято решение об отказе в удовлетворении требований истца на том основании, что факт возникновения неосновательного обогащения ответчика не был доказан [22].

Положительно стоит оценить и решение, принятое Московским городским судом по делу о купле-продаже криптовалюты [23]. Истица перевела денежные средства ответчику на банковский счет. Ответчик должен был в ответ на это купить на ее имя криптовалюту, но обязательство не выполнил. Истица потребовала в суде взыскать неосновательное обогащение. Ей удалось доказать в суде, что перечисленные ею деньги предназначались именно для покупки криптовалюты, суд встал на ее сторону. Такого рода решения судов создают прецеденты для защиты физических

лиц при покупке криптоактивов через недобросовестных контрагентов.

Судебная практика знает и случаи применения в споре ст. 1082 ГК РФ. Здесь установлена возможность защитить имущественные права путем требования возместить вред в натуре. Этот способ предполагает последующий возврат цифровой валюты, а в дополнение к этому идет возмещение убытков. Основная масса такого рода исков рассматривалась по правилам уголовно-процессуального судопроизводства.

Принимая в качестве допустимых для защиты прав на цифровую валюту обязательственные способы, следует учесть, что принятые в пользу истца судебное решение, не может гарантировать ее возврат, поскольку такой результат возможен, только если ответчик сделает это добровольно. Принудительное исполнение исключается все по той же причине – идентифицировать этот объект невозможно, так как его индивидуальные признаки неизвестны.

Следует признать весомыми и уголовно-правовые средства защиты прав на цифровую валюту. Судебная практика демонстрирует, что цифровая валюта может выступать объектом посягательства, например, при хищении имущества. Так, по одному из дел, суд включил криптовалюту в состав материального ущерба, последовавшего от хищения. Сторона защиты всячески пыталась избежать включения цифровой валюты (в данном случае – криптовалюты) из числа похищенного имущества, однако в решении звучит констатация факта признания криптовалюты объектом посягательства [21; 24].

Проблема принадлежности цифровой валюты субъекту гражданских правоотношений

Определив круг способов защиты прав на цифровую валюту, отметим, что наиболее остро на практике стоит вопрос о доказательствах принадлежности цифровой валюты конкретному лицу. Суды скорее отказывают в защите прав, чем идут на учет неординарных способов доказательства принадлежности цифровой валюты тому или иному лицу. К примеру, возможно попросить держателя кошель-

ка произвести транзакцию на определенную сложную сумму прямо в зале заседания. В итоге будет сделан запрос на цифру, которая вряд ли будет случайной, при этом она обозначит владельца крипто кошелька. Российские и зарубежные суды в отдельных случаях используют достаточно широкий спектр доказательств владения криптовалютой [25]. Обычно производится комплексная оценка обстоятельств (предоставление выписки баланса криптовалютного кошелька, скриншота с сайта интернет-сервиса и др.) [21]. В то же время до настоящего момента судебные споры зачастую заканчиваются тем, что суд отказывается удовлетворить исковые требования. Это наглядно иллюстрирует существенные затруднения в реализации права владельцев цифровой валюты на защиту в суде, поскольку они не могут доказать факт принадлежности им цифровой валюты, а также наличие правовых оснований для ее приобретения [1].

Считаем, что наработанная судами практика по делам о защите прав на цифровую валюту должна быть обобщена, представлена в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где могли бы быть изложены обстоятельства и факты, используемые в качестве указанных доказательств. Здесь же следует разъяснить, что при желании обезопасить себя от потери такого имущества как криптовалюта в процессе совершения операций с ней на территории нашей страны, предпочтительно сопровождать сделки с криптовалютой посредством оформления договоров. В них могут быть обозначены номера электронных кошельков, способы осуществления транзакций. Как вариант, допустимо обмениваться документами, при помощи которых можно удостоверить осуществление оплаты, а также факт получения платежа второй стороной сделки.

Выводы

Проведенное исследование позволяет констатировать, что на сегодняшний день отечественная судебная практика демонстрирует значительный прогресс в области разработки механизмов, направленных на защиту прав, возникающих в связи с оборотом цифровых

валют. В настоящее время можно наблюдать формирование устойчивой тенденции, при которой судебные инстанции в своем абсолютном большинстве занимают четкую позицию, заключающуюся в признании цифровой валюты особым видом имущества. Данный правовой подход последовательно применяется судами как в рамках разрешения гражданско-правовых споров, так и в процессе рассмотрения дел уголовно-правового характера. Для обеспечения защиты интересов владельцев таких активов правоприменители задействуют инструментарий, предоставленный обязательственным правом. В числе наиболее распространенных и эффективных способов защиты фигурируют традиционные исковые требования, укоренившиеся в системе обязательственных правоотношений: иски, направленные на возмещение причиненного вреда, а также на взыскание неосновательно приобретенного или сбереженного имущества (неосновательного обогащения). Важно отметить, что указанные гражданско-правовые механизмы успешно используются и в тех сложных ситуациях, которые требуют дополнительного привлечения мер уголовно-правовой защиты для полного и всестороннего восстановления нарушенных прав.

В контексте стремительного развития цифровой экономики дальнейшее успешное развитие и повышение эффективности механизмов судебной защиты прав субъектов, оперирующих цифровыми валютами, в настоящий момент объективно требует глубокого и всестороннего совершенствования отдельных правовых норм в данной новой исследуемой области [4]. В качестве одного из наиболее актуальных и первоочередных шагов в рамках данного направления правотворческой деятельности видится реализация того предложения, которое уже неоднократно и обоснованно звучало в рамках научно-правового дискурса: о целесообразности внесения конкретного и четкого дополнения в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, которая содержит исчерпывающий перечень основных объектов гражданских прав. Суть дополнения заключается в том, чтобы прямо упомянуть в данной норме цифровую валюту, отнести ее к категории так называемого «иного имущества». Подобная законодательная инициати-

ва, будучи реализованной, несомненно создаст фундаментальную и недвусмысленную правовую предпосылку, которая будет служить надежной основой для дальнейшей последовательной и единообразной защиты судами общей юрисдикции прав на данный специфический объект, устранив существующие на сегодняшний день процессуальные сложности и разнотечения.

В целях формирования единообразного правоприменительного подхода и обеспечения максимальной правовой определенности для всех участников оборота существует необходимость законодательного определения гражданско-правового режима цифровых валют, в частности определения исчерпывающего и четко сформулированного перечня видов гражданско-правовых сделок, совершение которых с цифровой валютой будет считаться правомерным и допустимым в рамках действующего правового поля. Параллельно с этим для достижения корректной степени унификации судебных решений по данной категории дел крайне важным представляется процесс систематизации и последующего анализа уже накопленной массивной судебной практики по делам, непосредственно связанным с защитой нарушенных прав владельцев цифровых валют. Результаты такого глубокого анализа могли бы найти свое отражение в специальном разъясняющем документе высшей судебной инстанции, в рамках которого получили бы свое детальное освещение и развернутое толкование те гражданско-правовые инструменты и механизмы, что в настоящий момент применяются для защиты прав на цифровые активы. В нем также могли бы быть сформулированы ориентиры относительно установления круга обстоятельств и конкретных фактических данных, которые суды вправе принимать в качестве допустимых и надлежащих доказательств, подтверждающих факт принадлежности конкретного объема цифровой валюты определенному лицу, что разрешило бы множество процессуальных сложностей на практике.

Уголовно-правовая охрана общественных отношений по обороту цифровой валюты должна обеспечиваться вне зависимости от соблюдения или нарушения правил ее обо-

рота потерпевшим. В рамках совершенствования правоприменительной деятельности и для достижения максимальной единообразности судебных решений по уголовным делам, связанным с посягательствами на цифровые активы, актуальным видится развитие и детализация существующих руководящих разъяснений. В частности, речь идет о том, что в тексты соответствующих действующих постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации, которые регулируют вопросы квалификации различных видов преступлений против собственности и иных правонарушений, могло бы быть включено специальное положение [17–20]. Оно имело бы возможность прямо указывать на то, что в качестве непосредственного предмета преступного посягательства при совершении целого ряда деяний, таких как кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение и растрата, взяточничество, иные коррупционные преступления, а также вымогательство, может рассматриваться так называемое «иное имущество» в виде цифровой валюты, включая ее наиболее распространенную разновидность – криптовалюту. Такая конкретизация будет способствовать устраниению правовых неопределенностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адельшин, Р. Н. LegalTech в сфере предпринимательской деятельности: монография / Р. Н. Адельшин [и др.]. – М. : Проспект, 2023. – 200 с.
2. Алексенко, А. П. Недостатки и преимущества российской Концепции законодательного регламентирования механизмов организации оборота цифровых валют / А. П. Алексенко // Финансовое право. – 2022. – № 9 – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Амелин, Р. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий / Р. В. Амелин, С. Е. Чаннов. – М. : НОРМА, 2023. – 280 с.
4. Амирханов, А. М. Теоретико-правовые аспекты судебной защиты нарушенных прав на цифровую валюту // Экономика и Право. – 2023. – № 11. – С. 112–115.
5. Герцен, П. О. Судебная защита прав на криптовалюту: современный нарратив, проблемы и перспективы / П. О. Герцен, А. Ю. Чурилов // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – 2023. – № 4. – С. 16–27.

6. Гончаров, А. И. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации / А. И. Гончаров, В. А. Садков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82–90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>
7. Зайнутдинова, Е. В. Цифровые права и цифровая валюта в российском праве: вопросы правовой природы и соотношения / Е. В. Зайнутдинова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 4. – С. 159–167. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22>
8. Крылова, Н. Е. Криптовалюта: уголовно-правовые аспекты регулирования и охраны / Н. Е. Крылова // Коммерческое право. Научно-практический журнал. – 2021. – Т. 42, № 3. – С. 64–81.
9. Малютина, О. А. Правовое регулирование способов защиты прав владельцев цифровой валюты на современном этапе / О. А. Малютина // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Д.Л. Проказина. – Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2022. – С. 331–333.
10. Немова, М. И. Криптовалюта как предмет имущественных преступлений / М. И. Немова // Закон. – 2020. – № 8. – С. 145–154. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
11. Новоселова, Л. А. Стейблкоины в системе действующего российского законодательства / Л. А. Новоселова // Цифровое право. – 2024. – № 5 (1). – С. 8–22. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.06.2024 № 88-5092/2024. – URL: <https://sudact.ru/>
13. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 20 мая 2021 г. № 88-7571/2021 по делу № 2-783/2020. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 02.02.2021 № 44-КГ20-17-К7, 2-2886/2019. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
15. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 N 88-9876/2023. – URL: <https://sudact.ru/>
16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 04.02.2020 по делу № А40-164942/2019. – URL: <https://sudact.ru/>
17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – № 9. – URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1835>
18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве» (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 2. – URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/4654>
19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже, разбое» (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 2. – URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1636>
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (в актуальной редакции) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 2. – URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/5277>
21. Решение городского суда Санкт-Петербурга по делу № 22-2616/2022. – URL: <https://sudact.ru/>
22. Решение Ленинского районного суда города Уфы Республики Башкортостан от 27 августа 2024 г. по делу № 2-2226/2024. – URL: <https://sudact.ru/>
23. Решение Московского городского суда по делу № 33-14530/2022. – URL: <https://sudact.ru/>
24. Решение Туймазинского районного суда Республики Башкортостан № 2-1834/2024 2-1834/2024-М-1176/2024 М-1176/2024 от 26 июля 2024 г. по делу № 2-1834/2024. – URL: <https://sudact.ru/>
25. Сидоренко, Э. Л. Доказательство владения криптовалютой: обзор российской и зарубежной судебной практики / Э. Л. Сидоренко // Мировой судья. – 2023. – № 6. – С. 12–17.
26. Шубенкова, К. В. Особенности правового регулирования цифровых финансовых активов в РФ / К. В. Шубенкова, Е. П. Малахова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 4. – С. 92–97. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12>
27. Янковский, Р. М. Криптовалюты в российском праве: суррогаты, «иное имущество» и цифровые деньги / Р. М. Янковский // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 4. – С. 69–70.

REFERENCES

1. Adelshin R.N. et al. *LegalTech v sfere predprinimatelskoj dejatelnosti: monografija* [LegalTech in the Field of Entrepreneurial Activity: a Monograph] Moscow, Prospekt Publ., 2023. 200 p.
2. Alekseenko A.P. Nedostatki i preimushhestva rossijskoj Konsepcii zakonodatel'nogo reglamentirovaniya mehanizmov organizacii oborota cifrovyh valyut [Disadvantages and Advantages of the

ВОПРОСЫ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Russian Concept of Legislative Regulation of Mechanisms for Organizing the Turnover of Digital Currencies]. *Finansovoe pravo* [Financial Law], 2022, no. 9. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

3. Amelin R.V., Channov S.E. *Evoljucija prava pod vozdejstviem cifrovych tehnologij* [The Evolution of Law Under the Impact of Digital Technologies]. Moscow, NORMA Publ., 2023. 280 p.

4. Amirhanov A.M. Teoretiko-pravovye aspekty sudebnoj zashchity narushennyh prav na cifrovuju valjutu [Theoretical and Legal Aspects of Judicial Protection of Violated Rights to Digital Currency]. *Ekonomika i Pravo* [Economics and Law], 2023, no. 11, pp. 112-115.

5. Gercen P.O., Churilov A.Ju. Sudebnaja zashchita prav na kriptovaljutu: sovremennyj narrativ, problemy i perspektivy [Judicial Protection of Rights to Cryptocurrencies: A Modern Narrative, Problems and Prospects]. *Sibirskie ugolovno-processualnye i kriminalisticheskie chtenija* [Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings], 2023, no. 4, pp. 16-27.

6. Goncharov A.I., Sadkov V.A. Pravovaja priroda cifrovych finansovyh aktivov po zakonodatelstvu Rossijskoj Federacii [The Legal Nature of Digital Financial Assets According to the Legislation of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>

7. Zajnudinova E.V. Cifrovye prava i cifrovaja valjuta v rossijskom prave: voprosy pravovojoj prirody i sootnoshenija [Digital Rights and Digital Currency in Russian Law: The Issues of Legal Nature and Relations]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 4, pp. 159-167. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.4.22>

8. Krylova N.E. Kriptovaljuta: ugolovno-pravovye aspekty regulirovaniya i ohrany [Cryptocurrency: Criminal Law Aspects of Regulation and Protection]. *Kommercheskoe pravo. Nauchno-prakticheskij zhurnal* [Scientific and Practical Journal], 2021, vol. 42, no. 3, pp. 64-81.

9. Maljutina O.A. Pravovoe regulirovanie sposobov zashchity prav vladelcev cifrovoj valjuty na sovremennom etape [Legal Regulation of Ways to Protect the Rights of Digital Currency Owners at the Present Stage]. Prokazin D.L., ed. *Gosudarstvo i pravo v epohu globalnyh peremen: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [State and Law in the Era of Global Change. Materials of the International Scientific and Practical Conference]. Barnaul, 2022, pp. 331-333.

10. Nemova M.I. Kriptovaljuta kak predmet imushhestvennyh prestuplenij [Cryptocurrency as a Subject of Property Crimes]. *Zakon* [The Law], 2020,

no. 8, pp. 145-154. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

11. Novoselova L.A. Stejblkoiny v sisteme dejstvujushhego rossijskogo zakonodatelstva [Stablecoins in the System of Current Russian Legislation]. *Cifrovoe pravo* [Digital Law], 2024, no. 5 (1), pp. 8-22.

12. *Opredelenie Devyatogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 04.06.2024 № 88-5092/2024* [Ruling of the Ninth Court of Cassation of General Jurisdiction Dated June 4, 2024 No. 88-5092/2024]. URL: <https://sudact.ru/>

13. *Opredelenie Pervogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 20 maja 2021 g. № 88-7571/2021 po delu № 2-783/2020* [Ruling of the First Court of Cassation of General Jurisdiction Dated May 20, 2021, No. 88-7571/2021 in Case No. 2-783/2020]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

14. *Opredelenie Sudebnoj kollegii po grazhdanskim delam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 02.02.2021 № 44-KG20-17-K7, 2-2886/2019* [Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation Dated 02.02.2021 No. 44-KG20-17-K7, 2-2886/2019]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

15. *Opredelenie Chetvertogo kassacionnogo suda obshhej jurisdikcii ot 01.03.2023 № 88-9876/2023* [Ruling of the Fourth Cassation Court of General Jurisdiction Dated Mar. 1, 2023 No. 88-9876/2023]. URL: <https://sudact.ru/>

16. *Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellacionnogo suda ot 04.02.2020 po delu № A40-164942/2019* [Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal Dated 02/04/2020 in Case No. A40-164942/2019]. URL: <https://sudact.ru/>

17. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O sudebnoj praktike po delam o vzjatochnichestve i ob inyh korrupcionnyh prestuplenijah» от 09.07.2013 № 24 (v aktualnoj redakcii) [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Judicial Practice in Cases of Bribery and Other Corruption Crimes” Dated 09.07.2013 No. 24 (As Amended)]. *Bulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2013, no. 9. URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1835/>

18. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O sudebnoj praktike po delam o vymogatelstve» от 17.12.2015 № 56 (v aktualnoj redakcii) [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Judicial Practice in Cases of Extortion” Dated Dec. 17, 2015 No. 56 (As Amended)]. *Bulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2016, no. 2. URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/4654/>

19. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe, razboe» ot 27.12.2002 № 29 (v aktualnoj redakcii) [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Judicial Practice in Cases of Theft, Robbery, and Robbery” Dated Dec. 27, 2002, No. 29 (As Amended)]. *Bulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 2. URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/1636/>

20. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii «O sudebnoj praktike po delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrete» ot 30.11.2017 № 48 (v aktualnoj redakcii) [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation “On Judicial Practice in Cases of Fraud, Embezzlement, and Embezzlement” dated 30.11.2017 No. 48 (As Amended)]. *Bulleten Verhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2018, no. 2. URL: <https://vsrf.ru/documents/newsletters/5277/>

21. *Reshenie gorodskogo suda Sankt-Peterburga po delu № 22-2616/2022* [The Decision of the St. Petersburg City Court in Case No. 22-2616/2022]. URL: <https://sudact.ru/>

22. *Reshenie Leninskogo rajonnogo suda goroda Ufy Respubliki Bashkortostan ot 27 avgusta 2024 goda po delu № 2-2226/2024* [The Decision of the Leninsky District Court of Ufa of the Republic of Bashkortostan Dated August 27, 2024 in Case No. 2-2226/2024]. URL: <https://sudact.ru/>

23. *Reshenie Moskovskogo gorodskogo suda po delu № 33-14530/2022* [Decision of the Moscow City Court in Case No. 33-14530/2022]. URL: <https://sudact.ru/>

24. *Reshenie Tujmazinskogo rajonnogo suda Respubliki Bashkortostan № 2-1834/2024 2-1834/2024~M-1176/2024 M-1176/2024 ot 26 iulja 2024 g. po delu № 2-1834/2024* [Decision of the Tuimazinsky District Court of the Republic of Bashkortostan No. 2-1834/2024 2-1834/2024~M-1176/2024 M-1176/2024 Dated July 26, 2024 in Case No. 2-1834/2024]. URL: <https://sudact.ru/>

25. Sidorenko E.L. Dokazatelstvo vladeniya kriptovaljutoj: obzor rossijskoj i zarubezhnoj sudebnoj praktiki [Proof of Ownership of Cryptocurrency: A Review of Russian and Foreign Judicial Practice]. *Mirovoj sudja* [Justice of the Peace], 2023, no. 6, pp. 12-17.

26. Shubenkova K.V., Malahova E.P. Osobennosti pravovogo regulirovaniya cifrovych finansovyh aktivov v RF [Features of the Legal Regulation of Digital Financial Assets in the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23. no 4, pp. 92-97. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.4.12>

27. Jankovskij R.M. Kriptovaljuty v rossijskom prave: surrogaty, «inoe imushhestvo» i cifrovye dengi [Cryptocurrencies in Russian Law: Surrogates, “Other Property” and Digital Money]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Right. Journal of the Higher School of Economics], 2020, no. 4, pp. 69-70.

Information About the Authors

Kseniya V. Shubenkova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Jurisprudence and Psychology, Volgograd State University (Volzhsky Branch), 40 let Pobedy St, 11, 404133 Volzhsky, Russian Federation, kvshubenkova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Vadim Yu. Parfenov, Master of Sciences (Law), Assistant Attorney, Volgograd Interdistrict Bar Association, branch No. 45, Lenina St, 52, 404110 Volzhsky, Russian Federation, parfenov.vadyusha@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4231-9175>

Информация об авторах

Ксения Владимировна Шубенкова, кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции и психологии, Волжский филиал Волгоградского государственного университета, ул. 40 лет Победы, 11, 404133 г. Волжский, Российская Федерация, kvshubenkova@vgi.volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2985-298X>

Вадим Юрьевич Парфенов, магистр права, помощник адвоката, Волгоградская межрайонная коллегия адвокатов, филиал № 45, ул. Ленина, 52, 404110 г. Волжский, Российская Федерация, parfenov.vadyusha@inbox.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4231-9175>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.8>UDC 342.951
LBC 67.401.111Submitted: 08.09.2025
Accepted: 10.11.2025

NATIONAL TREATMENT IN PROCUREMENT FOR THE STATE DEFENSE ORDER BY DEFENSE INDUSTRY ENTERPRISES

Mikhail S. Kozlovtshev

Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Academy of National Economy
and Public Administration (under the President of the Russian Federation), Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper analyzes the reform of the national treatment in procurement for the state defense order (hereinafter, referred to as the SDO), introduced by Decree of the Government of the Russian Federation No. 1875 of December 23, 2024. The relevance of the study is due to the identified systemic problems of the new regulation that hinder the effective execution of the defense order and create legal conflicts. The **purpose** of the study is to assess the legal and practical consequences of the introduction of this Government Decree for defense industry (DI) enterprises and control bodies. The research methodology is based on legal interpretation and the historical and legal method; the analysis of the norms of the decree and its comparison with the legislation on procurement (Federal Laws No. 44-FZ and No. 223-FZ) and the law on the state defense order is carried out. The law enforcement practice, explanations of the Ministry of Finance of the Russian Federation, scientific doctrines and practice of business entities are studied. **Results:** the scientific analysis shows that the formal definition of regulated entities has created an opportunity to establish holding structures that circumvent the provisions of Decree No. 1875, thereby avoiding government control. The exceptions for procurement not related to the state defense order are de facto not valid for organizations from the defense industry registry. The permissive procedure for the procurement of foreign goods in the absence of analogues is inapplicable in the context of the urgency of fulfilling the defense order. The requirement to apply for each position increases the time and leads to fragmentation of demand. The technical requirements for the "Russian" status (and the letter "O1") block procurement at the R&D/testing stage. Decree No. 1875, combining disparate acts, has expanded the scope of the national treatment in procurement under 223-FZ without proper synchronization with the legislation on the state defense order and the policy of import substitution. The lack of responsibility for violations under 223-FZ reduces the effectiveness of control. The result has been an increase in administrative barriers, an increase in the cost of products, the risk of deadlines for fulfilling a defense order, legal uncertainty and a blurring of supervisory powers between the FAS of Russia, the Ministry of Industry and Trade of Russia and the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. **Conclusions:** for science, the work is significant as the first comprehensive study of the conflicts of the new national treatment in the field of state defense order at the intersection of procurement law and specialized regulation of the defense industry. For practice, the critical risks in the execution of the state defense order are identified and measures are proposed to adjust Decree No. 1875: a clear separation of the application of the national treatment in defense procurement and outside it for the defense industry registry organizations. The introduction of accelerated import approval procedures by law enforcement agencies (the Russian Ministry of Defense, the Military-Industrial Commission Board, the FSB of Russia) for the urgent needs of the State Security Committee. It is necessary for the Ministry of Finance of Russia and the Federal Antimonopoly Service of Russia to develop a unified procurement methodology for the purposes of SDO with an explanation of the controversial provisions of Decree No. 1875.

Key words: State Defense Order, national treatment in procurement, execution of the state defense order, defense industry enterprises, administrative barriers, administrative regulation of procurement.

Citation. Kozlovtshev M.S. National Treatment in Procurement for the State Defense Order by Defense Industry Enterprises. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 70-75. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.8>

УДК 342.951
ББК 67.401.111

Дата поступления статьи: 08.09.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

НАЦИОНАЛЬНЫЙ РЕЖИМ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ЗАКУПОК В ЦЕЛЯХ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА ПРЕДПРИЯТИЯМИ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА

Михаил Сергеевич Козловцев

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: статья анализирует реформу национального режима в закупках для государственного оборонного заказа, введенную Постановлением Правительства РФ № 1875 от 23 декабря 2024 года. Актуальность исследования обусловлена выявленными системными проблемами нового регулирования, препятствующими эффективному исполнению оборонного заказа и создающими правовые коллизии. **Цель исследования:** оценка правовых и практических последствий введения указанного Постановления Правительства для предприятий оборонно-промышленного комплекса и органов контроля. **Методология исследования** опирается на юридическое толкование и историко-правовой метод; проведен анализ норм постановления и его сопоставление с законодательством о закупках (федеральные законы № 44-ФЗ и № 223-ФЗ) и законом о государственном оборонном заказе (ГОЗ). Изучена правоприменительная практика, разъяснения Министерства финансов РФ, научная доктрина и практика хозяйствующих субъектов. **Результаты:** научный анализ показал, что формальное определение субъектов регулирования привело к возможности создания таких холдинговых структур, которые позволяют уйти от действия Постановления Правительства РФ № 1875 от 23 декабря 2024 г., исключая таким образом государственный контроль. Исключения для закупок, не связанных с государственным оборонным заказом, де-факто не действуют для организаций из реестра оборонно-промышленного комплекса. Разрешительный порядок закупки иностранных товаров при отсутствии аналогов неприменим в условиях срочности исполнения оборонного заказа. Требование оформления заявок на каждую позицию увеличивает сроки и приводит к дроблению потребности. Технические требования к «российскому» статусу (и литера «О1») блокируют закупки на стадии научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ / испытаний. Постановление № 1875, объединив разрозненные акты, расширило сферу действия национального режима на закупки по 223-ФЗ без должной синхронизации с законодательством о государственном оборонном заказе и политикой импортозамещения. Отсутствие ответственности за нарушения по 223-ФЗ снижает действенность контроля. Следствием стали рост административных барьеров, удорожание продукции, риск срыва сроков выполнения оборонного заказа, правовая неопределенность и размытие надзорных полномочий между Федеральной антимонопольной службой России, Минпромторгом России и Генеральной прокуратурой РФ. **Вывод:** для науки работа значима как первое комплексное исследование коллизий нового национального режима в сфере государственного оборонного заказа на стыке закупочного законодательства и спецрегулирования ОПК. Для практики выявлены критические риски исполнения оборонного заказа и предложены меры по корректировке Постановления № 1875: Четкое разделение применения национального режима для закупок по оборонному заказу и вне его для организаций реестра ОПК. Введение ускоренных процедур согласования импорта силовыми ведомствами (Минобороны России, Коллегия военно-промышленной комиссии, Федеральная служба безопасности РФ) для срочных нужд государственного оборонного заказа. Необходимо разработка Минфином и Федеральной антимонопольной службой России единой методики закупок для целей ГОЗ с разъяснением спорных положений Постановления № 1875.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, национальный режим в закупках, исполнение государственного оборонного заказа, предприятия ОПК, административные барьеры, административное регулирование закупок.

Цитирование. Козловцев М. С. Национальный режим при осуществлении закупок в целях исполнения государственного оборонного заказа предприятиями оборонно-промышленного комплекса // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 70–75. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.8>

В сфере государственного оборонного заказа (далее – ГОЗ) с 1 января 2025 г. вступили в силу изменения правового регулирования. Постановление Правительства РФ № 1875 от 23 декабря 2024 г. (далее – ПП 1875) устанавливает новые правила осуществления закупок товаров, работ и услуг для государственных и муниципальных нужд [8]. Основные положения документа предусматривают особый порядок регулирования для товаров иностранного производства. Теперь к продукции, которая произведена за пределами России и не входит в зону Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС), будут применяться специальные меры регулирования.

Система регулирования включает три основных элемента: прямые запреты на закупку, количественные ограничения и предоставление преимуществ товарам отечественного производства. Данные меры направлены на поддержку отечественных производителей и укрепление обороноспособности государства в рамках системы государственного оборонного заказа.

Национальный режим – это термин, который пришел из международного торгового права и изначально обозначал обязанность договаривающихся государств устанавливать равные условия для обращения товаров иностранных и отечественных производителей. В российской юридической практике под национальным режимом понимают исключения из указанного выше правила, которые в связи с важностью отдельного вида закупок требуют мер государственного регулирования [1, с. 42]. Закупки для нужд безопасности считаются такой важной сферой, в которой государство стремится обеспечить максимальную реализацию собственных интересов.

В связи с этим ПП 1875 является актом, который уточняет правовое регулирование и расширяет контрольные полномочия государства в сфере ГОЗ. ПП 1875 является собирательным актом, вобравшим в себя более 10 отмененных постановлений Правительства РФ, регулирующих закупки в разных отраслях экономики. Ключевой особенностью нового национального режима стала отмена диспозитивных норм, позволявших заказчикам самостоятельно устанавливать запреты.

В рамках ГОЗ введены самые строгие меры регулирования: для всех иностранных товаров – установлен запрет для закупки. Запрет означает не только отсутствие возможности закупить иностранные товары в рамках конкурентных процедур, но также исключает возможность заключить договор на поставку с единственным поставщиком.

Важно отметить разницу старого и нового подхода. Предприятия оборонно-промышленного комплекса (далее – ОПК) условно классифицируются: государственные предприятия и учреждения, работающие по 44-ФЗ; государственные корпорации и их дочерние организации, действующие как отдельные виды юридических лиц по 223-ФЗ. Реформа национального режима расширяет регулирование и частично уравнивает закупки для нужд этих групп. Большинство предприятий ОПК входят в госкорпорации (вторая группа), и национальный режим применяется к ним впервые.

Первая проблема измененного национального режима – формальное и неточное определение субъектов правового регулирования. Пункт 4 ПП 1875 установил исключения для госкорпораций и их дочерних организаций – возможность не применять нормы постановления к закупкам вне ГОЗ. Однако стремясь полностью исключить приобретение иностранной продукции для ГОЗ, Правительство РФ установило, что это исключение не действует для организаций, включенных в сводный реестр ОПК. Разъяснения Минфина РФ и решение Верховного суда от 29.05.2025 по делу № АКПИ25-158 подтвердили полный запрет на закупку иностранных товаров для выполнения ГОЗ реестровыми организациями.

Как следует из пояснительной записки к проекту постановления, исключение должно разрешать не применять национальный режим к закупкам, не связанным с ГОЗ, но статус оборонного предприятия этому препятствует. На практике госкорпорации создают холдинговые структуры с «номинальными» юрлицами, выводя их из-под регулирования 223-ФЗ. Иногда реструктуризация затрагивает долю государственного участия. Это ведет к потере возможности контрольными органами выполнять надзорные полномочия. Установление одновременного

контроля в сфере ГОЗ и закупок парализует оба вида контроля.

Ситуация обусловлена не до конца сформированным правовым регулированием закупок в сфере ГОЗ, не синхронизированным с политикой импортозамещения. Закон о ГОЗ не содержит прямых положений о необходимости импортозамещения. Исследователь М.В. Мякинькова справедливо отмечает, что незавершенность импортозамещения, недостаток качества продукции и квалификации кадров ведет к экономически необоснованному приоритету российских товаров, тормозящему развитие [6, с. 53]. В ГОЗ такие меры особенно критичны.

Неопределенность в субъектном составе проистекает из различий в законодательстве о закупках и законе о ГОЗ. Пояснительная записка к ПП 1875 указывает, что разработчик не проводил дополнительного анализа правоприменительной практики. Регулирование правового режима ГОЗ в акте основано на Постановлении № 616, которое распространялось только на заказчиков по 44-ФЗ и не устанавливало полного запрета на закупку импорта для ГОЗ. Резкое расширение сферы регулирования через слияние постановлений и перенос норм с 44-ФЗ на 223-ФЗ без должного исследования привело к трудностям в осуществлении закупок для ГОЗ без нарушений.

Вторая проблема – неэффективность механизма подтверждения страны происхождения и обоснования закупки импорта. ПП 1875 устанавливает разрешительный порядок закупки при отсутствии российских аналогов. Для получения разрешения необходимо подать заявку через государственную информационную систему промышленности (ГИСП). Срок рассмотрения – от 15 до 27 рабочих дней, что не учитывает возможной критической срочности оборонных закупок [2, с. 140]. Разрешение предоставляется отдельно на каждую позицию в рамках закупки, что дробит потребность и увеличивает сроки.

Проблемы возникают и с российской продукцией: отсутствие в реестрах ведет к признанию ее иностранной. В рамках ГОЗ это дополняется техническим регулированием. Так, для признания продукции «российской» по конструкторской документации ей должна быть присвоена литера не ниже «О1». Воз-

никает вопрос о возможности конструкторских работ в рамках ГОЗ, если закупка товара на стадии испытаний будет считаться закупкой импорта. Примечательно, что требование установлено ПП 1875, а не актами техрегулирования.

Для заказчиков по 223-ФЗ отсутствует уголовная или административная ответственность за нарушение ПП 1875, но Федеральная антимонопольная служба (далее – ФАС) может аннулировать закупку. Регулирующее воздействие определяется не стимулированием промышленности, а активностью контролирующих органов.

Ю.Н. Белова отмечает унификацию норм для корпоративных и государственных заказчиков [3, с. 18]. Однако организации корпоративного сектора выводят предприятия из под национального режима через холдинговые структуры. ПП 1875 не действует, если организация не подпадает под законодательство о закупках; далее исчезает и госконтроль. Распространение 275-ФЗ на закупки таких «независимых» юрлиц не налагает ограничений [5, с. 72]. Необходимо рассмотреть обоснованность создания холдингов госкорпорациями и применение ПП 1875 к лицам вне регулирования закупок.

Дополнительно не распределены надзорные полномочия между прокуратурой, министерствами и ФАС. Органам прокуратуры придется реагировать и на жалобы заказчиков на Минпромторг, и на нарушения исполнителей ГОЗ. Нормативно-правовой акт не разграничивает их полномочия, размывая границы режима.

Подтверждается тенденция увеличения административных барьеров [4, с. 62] малоэффективными методами. Расширяется перечень правонарушений в сфере ГОЗ с излишней детализацией.

Ключевые угрозы для предприятий ОПК:

1) необходимость научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сжатые сроки с заменой импорта;

2) длительные сроки выдачи разрешений Минпромторгом;

3) рост стоимости изделий из-за повсеместной замены импортных комплектующих;

4) правовая неясность статуса организаций в реестре ОПК.

Выводы

Реформа централизует контроль над ГОЗ у Минпромторга. Необходимы научно обоснованные исключения для ОПК, обеспечивающие выполнение ГОЗ. Президент РФ поручил обобщить практику применения режима [7], в том числе для заказчиков вне законов о закупках, использующих бюджетные средства. Уже отмечаются случаи пренебрежения мерами ПП 1875 при недостаточном контроле.

Рекомендации: пересмотреть изъятие в подпункте «м» пункта 4 ПП 1875, разрешив не применять национальный режим при закупках вне ГОЗ, даже для организаций реестра ОПК; ввести ускоренные механизмы согласования закупок импорта через профильные ведомства (Минобороны, Коллегия Военно-промышленной комиссии Российской Федерации, Федеральная служба безопасности) для срочных нужд ГОЗ; Минфину и ФАС разработать методику закупок для ГОЗ с учетом ПП 1875, включая разъяснения спорных положений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтутите, И. В. Применение национального режима в государственных и муниципальных закупках / И. В. Балтутите // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 41–50. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.5>

2. Байрашев, В. Р. Каталогизация объектов закупки как основное условие успешного перехода к цифровым государственным контрактам / В. Р. Байрашев // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2024. – № 3. – С. 137–161.

3. Белова, Ю. Н. Специфика применения национального режима при осуществлении закупок отдельными видами юридических лиц / Ю. Н. Белова // Конкурентное право. – 2025. – № 1. – С. 18–21.

4. Беляева, О. А. Правовое регулирование государственного оборонного заказа: цивилистический и административно-правовой аспекты / О. А. Беляева, П. П. Кабытов, В. И. Кузнецов // Журнал российского права. – 2019. – № 9. – С. 60–72.

5. Землин, А. И. Актуальные вопросы обеспечения эффективности государственных закупок для нужд обороны / А. И. Землин, А. А. Шибанова // Военное право. – 2021. – № 1 (65). – С. 70–77.

6. Мякинькова, М. В. Национальный режим при осуществлении закупок: проблематика и пер-

спективы новаций / М. В. Мякинькова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2024. – № 3. – С. 53–57.

7. Перечень поручений по итогам встречи с представителями деловых кругов Президентом Российской Федерации 16.07.2025 № Пр-1608. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77460>

8. Постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412250018>

REFERENCES

1. Baltutite I.V. Primenenie natsionalnogo rezhima v gosudarstvennykh i munitsipalnykh zakupkakh [Application of the National Regime in State and Municipal Procurement]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2020, vol. 19, no. 1, pp. 41-50. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2020.1.5>
2. Bajrashev V.R. Katalogizatsiya obyektorov zakupki kak osnovnoe uslovie uspeshnogo perekhoda k tsifrovym gosudarstvennym kontraktam [Catalogization of Procurement Objects as a Key Condition for the Successful Transition to Digital Government Contracts]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipalnogo upravleniya* [Public and Municipal Administration Issues], 2024, no. 3, pp. 137-161.
3. Belova Ju.N. Spetsifika primeneniya natsionalnogo rezhima pri osushchestvlenii zakupok otdelnymi vidami yuridicheskikh lits [Specifics of Applying the National Regime in Procurement by Separate Types of Legal Entities]. *Konkurentnoe pravo* [Competition Law], 2025, no. 1, pp. 18-21.
4. Belyaeva O.A., Kabytov P.P., Kuznecov V.I. Pravovoe regulirovanie gosudarstvennogo oboronnogo zakaza: tsivilisticheskij i administrativno-pravovoij aspekty [Legal Regulation of the State Defense Order: Civil Law and Administrative Law Aspects]. *Zhurnal rossiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 9, pp. 60-72.
5. Zemlin A.I., Shibanova A.A. Aktualnye voprosy obespecheniya effektivnosti gosudarstvennyh zakupok dlya nuzhd oborony [Current Issues in Ensuring the Effectiveness of State Procurement for Defense Needs]. *Voennoe pravo* [Military Law], 2021, no. 1 (65), pp. 70-77.
6. Myakinkova M.V. Natsionalnyj rezhim pri osushchestvlenii zakupok: problematika i perspektivy novatsij [The National Regime in Procurement: Issues and Prospects for Novelties]. *Obrazovanie. Nauka.*

Nauchnye kadry [Education. Science. Research Personnel], 2024, no. 3, pp. 53-57.

7. *Perechen poruchenij po itogam vstrechi s predstaviteleyami delovykh krugov Prezidentom Rossiskoj Federatsii 16 iyulya 2025 g. № Pr-1608 [List of Instructions Following the Meeting with Representatives of the Business Community Held by the President of the Russian Federation on July 16, 2025]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/77460>*

8. *Postanovlenie Pravitelstva RF ot 23.12.2024 № 1875 «O merah po predostavleniyu*

nacionalnogo rezhima pri osushchestvlenii zakupok tovarov, rabot, uslug dlya obespecheniya gosudarstvennyh i municipalnyh nuzhd, zakupok tovarov, rabot, uslug otdelnymi vidami yuridicheskikh lic» [Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1875 Dated December 23, 2024, On Measures for Granting the National Regime in the Procurement of Goods, Works, Services for State and Municipal Needs, and in the Procurement of Goods, Works, Services by Separate Types of Legal Entities]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202412250018>

Information About the Author

Mikhail S. Kozlovsev, Postgraduate Student, Department of Theory of Law and Public Law Disciplines, Volgograd Institute of Management, Branch of Russian Academy of National Ecoeconomy and Public Administration (under the President of the Russian Federation), im. Gertseva St, 10, 400078 Volgograd, Russian Federation, mikhailkozlovsev@outlook.com, <https://orcid.org/0009-0004-7585-450X>

Информация об авторе

Михаил Сергеевич Козловцев, аспирант кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин, Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, ул. им. Герцена, 10, 400078 г. Волгоград, Российская Федерация, mikhailkozlovsev@outlook.com, <https://orcid.org/0009-0004-7585-450X>

www.volsu.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.9>

UDC 349.4
LBC 67.407.1

Submitted: 28.10.2025
Accepted: 10.11.2025

NON-CONFORMING LAND USE IN POPULATED AREAS: THE LIMITS OF LAW AND PARADOXES OF LEGAL REGULATION

Oksana I. Sharno

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the relevance of the issue of non-conforming land use in settlements is difficult to overestimate. From the point of view of legal effectiveness, this is definitely a negative phenomenon reflecting the realities of sustainable development issues. The latter are manifested in several interrelated aspects: social, economic, environmental, legal, urban planning. In this regard, it is important to analyze and compare the limits of law in the context of the targeted use of land plots and the paradoxes that arise in the practice of land use, demonstrating the facts of non-conforming land use that cannot be eliminated (untimely eliminated). **Methods:** the dialectical research method was applied for the objective, multidimensional consideration of the land use in populated areas, the establishment of their inherent connections; through the analysis, the main features of the targeted and non-conforming use of land plots were identified, their comparison is carried out using synthesis in the context of the limits and paradoxes of the legal regulation and practical implementation; during the study, the method of analogies was used, which made it possible to substantiate theoretical and practical aspects with examples from law enforcement practice; the formal legal method made it possible to identify the features and specifics of the statutory regulation and the implementation of limits for the targeted use of land plots as indicators of the risk of violations of mandatory requirements of the land legislation. **Results:** the limits of law reflect the requirements, restrictions, and mechanism of targeted land use within the boundaries of the lands of populated areas, and therefore are: the indicators of the legitimate use of land plots; the indicators of the risk of violations of mandatory requirements that entail legal liability under Russian law. The limits of law serve as a measure of freedom and a safeguard against excessive government interference in land use issues, provide a balance necessary for order and justice, at the same time they generate some paradoxes – situations where the logic of the law conflicts with its practical application. **Conclusions:** non-conforming land use as a multidimensional problem reflects systemic shortcomings and challenges, and therefore, it is important to improve the limits of law and minimize the negative manifestations of the paradoxes of the legal regulation in the field of targeted land use in populated areas most susceptible to anthropogenic negative impacts. The resolution of this problem requires the coordination of public authorities and society at all levels in order to ensure environmental justice and the implementation of a sustainable development strategy.

Key words: land plot, lands of populated areas, land use, targeted and non-conforming land use, type of permitted use, limits of law, paradoxes of legal regulation, sustainable development.

Citation. Sharno O.I. Non-Conforming Land Use in Populated Areas: The Limits of Law and Paradoxes of Legal Regulation. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 76-86. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.9>

УДК 349.4

ББК 67.407.1

Дата поступления статьи: 28.10.2025

Дата принятия статьи: 10.11.2025

НЕЦЕЛЕВОЕ ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЕ В НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТАХ: ПРЕДЕЛЫ ПРАВА И ПАРАДОКСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Оксана Игоревна Шарно

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: актуальность вопроса нецелевого землепользования в населенных пунктах сложно переоценить. С позиции правовой эффективности это однозначно негативное явление, отражающее реалии проблем устойчивого развития. Последние проявляются в нескольких взаимосвязанных аспектах: социальном, экономическом, экологическом, правовом, градостроительном. В этой связи важно проанализировать и сопоставить пределы права в разрезе целевого использования земельных участков и возникающие в практике землепользования парадоксы, демонстрирующие неустранимые (несвоевременно устранимые) факты нецелевого использования земель. **Методология:** диалектический метод исследования применен в целях объективного, многоаспектного рассмотрения использования земель населенных пунктов, установления присущих им связей; посредством анализа выявлены основные черты целевого и нецелевого использования земельных участков, с помощью синтеза проведено их сопоставление в разрезе пределов и парадоксов правового регулирования, практической реализации; в ходе исследования применялся и метод аналогий, позволивший обосновать теоретико-практические аспекты примерами из правоприменительной практики; формально – юридический метод позволил выявить особенности и специфику нормативной регламентации и реализации пределов целевого использования земельных участков в качестве индикаторов риска нарушений обязательных требований земельного законодательства. **Результаты:** пределы права отражают требования, ограничения, механизм целевого землепользования в границах земель населенных пунктов, а потому являются: индикаторами правомерного использования земельных участков; индикаторами риска нарушений обязательных требований, за которые российским законодательством предусмотрена юридическая ответственность. Пределы права служат мерой свободы и рычагом защиты от чрезмерного вмешательства государства в вопросы землепользования, обеспечивают баланс, необходимый для порядка и справедливости, в то же время они порождают некоторые парадоксы – ситуации, когда логика закона вступает в противоречие с его практическим применением. **Выводы:** нецелевое землепользование как многоаспектная проблема отражает системные недостатки и вызовы, в связи с чем важно совершенствовать пределы права и минимизировать негативные проявления парадоксов правового регулирования в области целевого использования земель населенных пунктов, наиболее подверженных антропогенному негативному воздействию. Разрешение обозначенной проблемы требует координации публичной власти и общества на всех уровнях в целях обеспечения экологической справедливости и реализации стратегии устойчивого развития.

Ключевые слова: земельный участок, земли населенных пунктов, землепользование, целевое и нецелевое землепользование, вид разрешенного использования, пределы права, парадоксы правового регулирования, устойчивое развитие.

Цитирование. Шарно О. И. Нецелевое землепользование в населенных пунктах: пределы права и парадоксы правового регулирования // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 76–86. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.9>

Введение

Нецелевое землепользование¹ в населенных пунктах – это системная проблема. С экономической точки зрения нецелевое использование земельных участков (далее – ЗУ) влияет на собираемость налогов, де-факто «искажая» суммы, подлежащих к уплате налоговых платежей, нецелевое использование ЗУ приводит к несоответствию их кадастровой

стоимости ввиду разрешенного использования (далее – ВРИ). Хаотичное и нецелевое использование земли снижает инвестиционную привлекательность территории, в границах которой юридическое и фактическое землепользование различается (когда многоквартирные жилые дома граничат с малоэтажной частной застройкой и промышленной зоной. – *O. III.*). В итоге нецелевое землепользование ведет к обесцениванию соответствую-

ющих объектов недвижимости. Прямые и косвенные убытки в виде недополученных налогов и прибыли препятствуют реализации государственных и частных интересов, повышают инвестиционные риски. С социальной точки зрения нецелевое использование земли стоит в прямой причинно-следственной связи с нарушением прав землепользователей, которые сталкиваются с препятствиями в пользовании своими ЗУ. Это приводит к снижению качества жизни, инфраструктурных ожиданий. Также наблюдаются проблемы в сфере градостроительства (нарушение режима землепользования, территориальная деградация) и экологии (ухудшение обстановки, загрязнение окружающей среды, уничтожение зеленых и природоохранных зон). Так, Генеральный план населенного пункта, принимаемые органами местного самоуправления, правила землепользования и застройки (далее – ПЗЗ) направлены на обеспечение баланса структуры землепользования. Нецелевое использование земли нарушает ее (гостиничный комплекс в санитарно-защитной зоне промышленного предприятия, приют для животных в жилой зоне и т. д. – *O. Ш.*). Это влечет ухудшение экологической обстановки и возрастание нагрузки на инфраструктуру. С юридической точки зрения нарушается правопорядок, повышаются коррупционные риски, снижается эффективность планирования и развития муниципальных образований, наблюдается создание препятствий в пользовании ЗУ, местами общего пользования, выявляются нарушение экологических прав граждан, деэкологизация норм права, регламентирующих антропогенную деятельность, неэффективность управления, земельного контроля (надзора). Поэтому нецелевое использование ЗУ в населенных пунктах является «симптомом» декларативности закона и проявлением правового нигилизма, низкой правовой культуры, что является, в совокупности и взаимосвязи, следствием игнорирования ПЗЗ, требований земельного, экологического и градостроительного законодательства.

Следовательно, нецелевое использование ЗУ населенных пунктов – это вызов правовой системе, он демонстрирует:

1) неспособность законодательства регулировать общественные отношения по поводу земель по их целевому назначению и ВРИ;

2) недостатки государственно-правового механизма обеспечения исполнения законодательства, регламентирующего рациональное использование земель;

3) наличие пробелов и коллизий действующего законодательства, парадоксов правового регулирования, снижающих роль норм права как регуляторов общественных отношений по поводу использования и охраны природных ресурсов и объектов, приводящих к декларативности правовых режимов целевого разграничения землепользования;

4) противоречия и неверную расстановку приоритетов, составляющих структуру эффективности устойчивого развития (крен в сторону экономической эффективности и недостаточный учет экологических факторов).

В этой связи борьба с нецелевым использованием ЗУ направлена на обеспечение правопорядка в земельной сфере, восстановление экологического приоритета в экономико-социальном развитии населенных пунктов, эффективность государственного и муниципального управления, земельного контроля (надзора), приведение в соответствие норм права, правовых пределов и правил их применения по поводу землепользования через устранение парадоксов правового регулирования.

Целевое землепользование в границах населенных пунктов: пределы права

Все земли России по целевому назначению подразделяются на категории, к одной из которых отнесены земли населенных пунктов (далее – ЗНП). В соответствии со статьей 83 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ), ЗНП предназначены для их застройки, устойчивого развития, обеспечения благоприятной окружающей среды в границах населенного пункта, что отражают ВРИ – основные, вспомогательные, условно разрешенные. ВРИ, в свою очередь, конкретизируют использование земель под: жилую застройку, территории общественно-делового назначения, рекреационные, производственные зоны, садоводство и огородничество, природные комплексы, леса и водные объекты, общее пользование и др. [14]. Фактическое соответствие ЗУ их ВРИ в гра-

ницах ЗНП обеспечивает рациональное использование и охрану земель. Статьи 7 ЗК РФ и 37 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ), регламентирующие режим целевого использования ЗУ, являются правовыми индикаторами правомерного использования ЗУ в соответствии с его принадлежностью к той или иной категории земель либо с установленным для него ВРИ.

Нецелевое использование ЗНП нормативно запрещается, что демонстрирует действие пределов права – границ, в рамках которых: а) действует право целевого использования и запретов нецелевого использования, б) регулируются общественные отношения по поводу рационального использования и охраны земли; в) обеспечивается баланс между свободой (диспозитивность) и ответственностью (императивность) субъектов землепользования.

В разрезе целевого использования ЗУ право устанавливает определенные пределы (границы), которые выражены требованиями и ограничениями. Последние закреплены в Конституции РФ (статья 9), ЗК РФ (статья 42), ГрК РФ (статья 37), ПЗЗ конкретных муниципальных образований, строительных нормах и правилах, имеющих императивное значение в части регламентации требований безопасности (экологической, санитарно-эпидемиологической, пожарной и др.), проектах планировки территорий, генеральных, градостроительных и мастер-планах. Отсюда пределы права в разрезе целевого использования ЗУ разграничим на формальные (А) и содержательно-функциональные (Б).

К первым (А) отнесем пределы, обеспечивающие баланс территорий и рациональное использование земли в границах населенного пункта в пределах двух групп:

А1) селитебной (жилые, рекреационные и общественные зоны, не создающие угрозы санитарно-экологического негативного воздействия);

А2) внеселитебной (зоны промышленности, транспорта, линейных объектов, санитарно-технических сооружений, городских подсобных хозяйств, санитарно-защитных зон, кладбищ и др.).

Ко вторым (Б) отнесем пределы, регламентирующие создание благоприятной окру-

жающей среды (экологический фактор эффективности) и условий жизни населения в городах в соответствии со стратегией устойчивого развития (социально-экономический фактор эффективности) путем применения новейших технологий и техник (наилучших доступных, НБИОС, природоподобных) с учетом природоохранных требований, санитарно-эпидемиологических и гигиенических норм, конкретизирующих разграничение территории населенного пункта по требованиям организации жизни населения, например на отдельные районы, связанные между собой озелененными разрывами, участками леса, водных объектов, склонов, оврагов и искусственных преград (железнодорожные линии, линии высоковольтных электропередач).

Пределы права в разрезе целевого землепользования в границах ЗНП выражаются также: в установлении запрета на объединение районов в единый массив застройки; в защите прибрежной полосы (в населенных пунктах, расположенных на берегах морей, рек и других водоемов); в обеспечении обустройства рекреационных территорий (набережных, парков, садов, пляжей, мест развития спорта и туризма, охраны объектов природного и культурного наследия); в поддержании солнечного освещения, инсоляции; в гарантитах рационального использования земельных участков и охраны, природоохранного содержания зеленых насаждений; в санитарной охране воздушного бассейна от выбросов промышленных и коммунальных предприятий, а источников водоснабжения – от сбросов сточных вод и жидких бытовых отходов; в охране почв – от загрязнений; в создании санитарно-защитных зон между территориальными зонами; в ликвидации очагов, распространения эпидемических заболеваний; в регламентации свободной планировки и застройки ЗНП в целях рационализации пространств, а также минимизации земляных работ и др.

При этом пределы использования ЗУ по назначению отражают:

а) императивные требования (установление разрывов между населенными пунктами с их разбивкой на крупные, большие, средние, малые и территориальные зоны в границах населенного пункта; группировка схожих по назначению и ВРИ (основных и вспомога-

тельных видов) ЗУ; четкое распределение ЗНП по видам использования – для жилищного и общественного строительства, промышленного производства, коммунальных и линейных сооружений и устройств);

б) диспозитивные требования (зеленые насаждения (парки, леса, лесопарки, питомники, поля орошения, сельскохозяйственные угодья) могут входить в состав всех зон, обеспечивая благоприятную окружающую среду, при этом особенности их размещения (площадь, объем, виды) по ВРИ не конкретизируются).

Пределы права выражены не только в установлении требований, но и в регламентации границ ответственности (способности претерпевать юридические последствия), а также механизме целевого землепользования. Отсюда пределы права являются индикаторами риска нарушений обязательных требований, установленных ст. 42 ЗК РФ и за которые российским законодательством (ст. 74 и 75 ЗК РФ) предусмотрена уголовная (ст. 254 УК РФ «Порча земель»), дисциплинарная (применяемая к работникам и должностным лицам), административная ответственность в соответствии со ст. 8.8. КоАП РФ. Пределы права в значении индикаторов риска нарушений обязательных требований демонстрируют соотношение с другими регуляторами, например, обычаями (за коренными малочисленными народами Российской Федерации, проживающими на территориях, являющихся их исконной средой, закреплено право приоритетного безвозмездного пользования землями различных категорий, необходимыми для осуществления их традиционного хозяйствования и занятия традиционными промыслами [18]).

В случаях целевого использования ЗУ указанные пределы обеспечивают эффективность права, общественные ожидания, предотвращают негативное землепользование, выраженное: а) в использовании ЗУ не в соответствии с его целевым назначением с учетом принадлежности к той или иной категории, и как в нецелевом использовании только части, не всего ЗУ, и также в нецелевом использовании ЗУ в его границах целиком [11]; б) в использовании ЗУ с нарушением ВРИ.

В то же время пределы права служат мерой свободы и рычагом защиты от чрезмерного вмешательства государства в воп-

росы землепользования, например, когда правообладатель может самостоятельно выбирать, без уведомления органов власти, вид установленного территориальной зоной ВРИ. Подобное проявляется и в реализации запрета приходить правообладателя вносить данные в Единый государственный реестр недвижимости в случае, когда земля используется в соответствии с дополнительным ВРИ наряду с основным [6].

Отсюда пределы права использования ЗНП, выраженные как термином «целевое использование земельного участка», так и установленным для него ВРИ [2; 3], обеспечивают баланс, необходимый для порядка и справедливости в области землепользования, искореняя правовой нигилизм (отрицание необходимости соблюдения целевого назначения) и минимизируя гиперрегуляцию.

Парадоксы правового регулирования землепользования в границах населенных пунктов

Пределы права в разрезе целевого использования ЗУ, несмотря на стремление к ясности и справедливости, порождают ряд парадоксов – ситуаций, когда логика закона вступает в противоречие с его практическим применением. Рассмотрим некоторые из них.

1. Парадокс законности и справедливости. Строгое следование закону иногда приводит к несправедливым результатам, формализму. В случае признания самовольных построек не подлежащими сносу и установлении прав на них, при определении их статуса (многоквартирный дом, дом блокированной застройки) экспертным путем правоприменитель (суд, администрация муниципального органа власти) отказывает в требуемом изменении территориальной зоны по формальным основаниям. Например, в случаях, когда за период легализации такой постройки вносились изменения в ПЗЗ, которые для требуемых территориальных зон соответствующего «набора» ВРИ (основных, условно-разрешенных, вспомогательных) помимо ВРИ для конкретной застройки не содержат. В данном случае заинтересованным лицам требуется проходить дополнительные процедуры утверждений проектов внесения изменения в ПЗЗ,

что, по сути, фактического землепользования не меняет, а создает необходимость формального прохождения бюрократических процедур. На наш взгляд, такой парадокс возникает потому, что правоприменитель попадает в ситуацию необходимости сопоставить частные и публичные интересы, выраженные и в защите прав на строения и в соблюдении ПЗЗ, которые не всегда одномоментно совпадают. В то же время в вопросах землепользования публичный интерес чаще всего преобладает. Исходим из того, что нецелевое использование ЗУ приводит к причинению вреда участку как природному объекту [12]. Нормативно закреплено, что требование о приведении ЗУ в исходное состояние (до нарушения режима землепользования) сопряжено с обязанностью его освобождения от незаконно размещенных объектов (например, самовольных построек). Пункт 2 ст. 62 и п. 3 ст. 76 ЗК РФ возлагает на нарушителей обязанность по приведению ЗУ в пригодное для использования состояние с проведением рекультивации, обеспечивающей восстановление почвенного слоя, нарушенного в результате нецелевого землепользования. Однако обязанность по рекультивации ЗУ, направленного на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, может быть возложена только при наличии утвержденного проекта рекультивации, в пределах действия договора аренды (при его наличии) либо в случае завершения полного комплекса работ по лесовосстановлению, лесоразведению (относительно рекультивации лесных участков) [1]. При этом лицо, уже осуществившее рекультивацию поврежденного ЗУ, не освобождается от необходимости возместить вред (имущественная ответственность). Подобная практика применима при установлении факта частичного восстановления состояния ЗУ, в том числе в силу наличия невосполнимых экологических потерь [4; 10; 17].

2. Парадокс «чем больше требований и ограничений, тем меньше порядка». Действительно, вопросам целевого использования ЗНП «посвящено» достаточное количество норм права, однако при этом нецелевое использование таких земель приобрело массовый характер. Данный парадокс не всегда возникает вследствие явных нарушений и пре-

небрежения пределами права целевого землепользования. В некоторых случаях подобные ситуации проявляются при пересечении частных и публичных межотраслевых интересов. С одной стороны, примером может служить случай, когда супруги при расторжении брака юридически и фактически делят совместно нажитое имущество, жилой дом, расположенный на земельном участке ЗНП с разрешенным ВРИ «под индивидуальное жилищное строительство». Такой раздел, по сути, меняет статус строения с «индивидуального жилого дома» на «блокированный», что влечет нецелевое использование соответствующего ЗУ, предназначенного по ВРИ для индивидуальной жилой застройки, и требует приведения в соответствие ЗУ и расположенного на нем строения пределам права, регламентирующим целевое использование ЗНП. С другой стороны, критерии использования ЗУ в соответствии с целевым назначением [16], а также требования к правообладателям ЗУ (ст. 42 ЗК РФ) возможность пресекать нецелевое использование ЗУ контрольно-надзорными органами не обеспечивают. Например, выявление факта нецелевого использования ЗУ органами Росреестра влечет за собой выдачу его правообладателю предписания об устранении недостатков путем его приведения в соответствие с действующими ВРИ, однако запрета на нецелевое использование Росреестр установить не может. Возложение соответствующих обязанностей возможно лишь в судебном порядке. При этом органы контроля и надзора (прокуратуры, местные администрации) соответствующие требования фактически не заявляют, а смежные с нарушителями правообладатели ЗУ в рамках негаторных исков этого сделать не могут, так как нецелевое использование ЗУ нарушений их прав пользования принадлежащими им ЗУ не доказывают. В итоге при выявленном факте нецелевого использования ЗУ такие территории длительный период времени продолжают использоваться не по целевому назначению (сегодня участились случаи размещения в жилых зонах приютов для животных, моек и автомастерских и т. д.). Противоречия между нормами права, их недостатки либо чрезмерная гиперрегуляция создают «ловушки» или, напротив, «лазейки» для граждан и

бизнеса, а правоприменение и контрольно-надзорные функции в подобных ситуациях устранить нарушения своевременно не могут.

3. Парадокс «запрет, который нельзя нарушить, но можно обойти», иначе – запреты могут порождать возможности их обхода. Например, порядок изменения ВРИ или целевого назначения может занять годы, при этом в этот «переходный» период ЗУ могут использоваться не по назначению длительный период времени, то есть длящиеся земельные правонарушения, выразившиеся в нецелевом землепользовании, не пресекаются, а пролонгируются. Завершится ли процедура перевода целевого назначения или ВРИ на этапе инициации нецелевого использования ЗУ неизвестно, но она, по факту, позволяет «легализовать» нецелевое использование ЗУ до разрешения соответствующего статуса земли (например, когда суд предоставляет отсрочку исполнения решения суда о прекращении прав на земельный участок в связи с его нецелевым использованием до того момента, когда планируется получить соответствующее согласование). Подобные ситуации возникают потому, что пределы права негибки, способствуют поиску «путей обхода» действующих правил. Приведем некоторые примеры. Несмотря на принцип единства судьбы земли и прочно связанных с ней объектов (ст. 1 ЗК РФ), нецелевое использование здания (его части), расположенного на ЗУ, не становится признаком нецелевого использования ЗУ, например, когда эксплуатация на ЗУ объектов нежилого здания, не соответствующих цели использования земли, не свидетельствует о нецелевом использовании такого участка [5]. Однако фактически хозяйственная деятельность лица на земельном участке определяется именно тем, как используются размещенные на нем объекты, а нецелевое использование объектов недвижимости напрямую связано с нецелевым использованием ЗУ [8; 9]. Можно говорить и о том, что содержание ВРИ допускает, без самостоятельного указания в Классификаторе ВРИ [14], размещение и эксплуатацию, например, линейного объекта [13; 15] на ЗУ, в ВРИ которых специально не оговорено размещение линейных объектов без дополнительного кадастрового учета изменений в части разрешенного использования ЗУ. Данный парадокс

с пределами права целевого использования земли не соотносится и является, по сути, исключением. Например, правообладатели ЗУ, соблюдающие и нарушающие режим землепользования, в объеме прав не ограничиваются. По крайней мере до того момента, пока у «нарушителя» не будет изъят ЗУ или соответствующее право не будет признано отсутствующим или прекращено. Однако эта «правоприменимая процедура», как было указано выше, занимает на практике достаточно большой промежуток времени. В этой связи оба правообладателя вне зависимости от наличия или отсутствия нарушений используют свои участки в равном объеме прав. В то же время длительное нецелевое использование ЗУ ЗНП влечет тяжелые последствия – порчу и деградацию земель, нарушение благоприятной окружающей среды, создание угроз распространения инфекций и экологического вреда, что, по сути, при нецелевом землепользовании не устраняется.

4. Парадокс «правовые пределы защищают того, кто использует землю не по назначению». Согласно ст. 285 Гражданского кодекса РФ, ЗУ может быть изъят у собственника, если его использование осуществляется с нарушением требований законодательства, в частности не в соответствии с целевым назначением. Основаниями для принудительного прекращения ограниченных прав на землю (права постоянного (бессрочного) пользования), безвозмездного пользования участком, аренды) являются использование ЗУ не по целевому назначению, а также использование ЗУ, приводящее к порче земель, невыполнение правообладателем обязанности по рекультивации и восстановлению состояния участка. Однако, исходя из буквального толкования ст. 45–47 ЗК РФ, использование участка не в соответствии с ВРИ в число таких оснований не входит. При этом изъятие ЗУ, прекращение прав на них или признание прав на ЗУ отсутствующими являются, скорее, исключением. Приоритет в применении таких «санкций» отдается преимущественно землям особо охраняемых природных территорий (дело «садоводов») [7] или землям сельскохозяйственного назначения (ст. 6) [18], для остальных категорий земель, в особенности ЗНП, подобная практика остается декларативной.

Таким образом, юридические гарантии в области земельных правоотношений (презумпция невиновности, право на защиту, предоставление отсрочек, предписаний об устранении нарушений в долгосрочной перспективе) не направлены на защиту частных и публичных интересов, напротив, указанные исключения и «лояльность» обесценивают пределы права в разрезе целевого землепользования.

Заключение

Анализ пределов права и парадоксов правового регулирования в вопросах целевого землепользования ЗНП демонстрирует, что парадоксы распространены (причем не только в области землепользования, но и в части прав на землю [19]), а применение правовых пределов в области целевого использования ЗНП и иных категорий принципам земельного права (приоритет охраны земли как основы жизни, рациональное использование земель и др.) не соответствует. Нормативные пробелы, коллизии, проявления коррупции, бюрократичность процедур, человеческий фактор все чаще образуют конфликт интересов в области землепользования. В то же время правовые пределы в разрезе целевого использования ЗУ призваны «навести порядок», уравновесить свободу землепользования и природоохраный порядок. В этой связи представляется, что гибкость права применима лишь в случаях отсутствия угроз экологической безопасности, нарушений прав граждан и публичных интересов. Требуется также устранять дуализм контрольно-надзорных мероприятий: Росреестр РФ и муниципальные органы земельного контроля, имея схожие по сути полномочия (контроль в области целевого использования земли) в правоприменительной практике должны «работать» на результат, а не устраиваться от проведения контрольно-надзорных мероприятий по причине «пересечения» (подмены) федеральных и муниципальных функций. Важно минимизировать негативные проявления парадоксов правового регулирования в области целевого использования ЗУ, в особенности ЗНП, как земель, наиболее подверженных антропогенному негативному воздействию. Учитывая тот факт, что целе-

вое назначение является одним из условий землепользования в целях предотвращения вреда всем компонентам окружающей среды, минимизации негативных проявлений парадоксов правового регулирования, полагаем возможным согласиться, что «нечелевое использование» целесообразно закрепить в более широкую формулировку – «несоблюдение условий отвода и иных условий использования земельного участка» [20]. В таком значении будет возможно установить: недостатки правовых регуляторов общественных отношений по поводу использования земель; неспособность контрольно-надзорных органов обеспечить исполнение земельного и природоохранного законодательства; превышение экономических приоритетов над экологическими и правовыми в вопросах землепользования. Важно понимать, что борьба с нецелевым землепользованием, это не просто «наведение порядка в сфере земельных отношений», это обеспечение экологической справедливости и стратегии устойчивого развития населенных пунктов, которые не могут быть поставлены в зависимость от «желаний» земельных правообладателей.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Под землепользованием в целях настоящего исследования мы понимаем реализацию правомочий правообладателей земельных участков (землепользователей, землевладельцев, собственников, арендаторов, обладателей сервитутов).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Обзор судебной практики по вопросам применения законодательства об охране окружающей среды, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2022 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420075/
2. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.12.2022 (дело № 5-КГ22-108-К2). – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2192774
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.08.2016 (дело № 35-КГПР16-12). – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1461914

4. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17.07.2017 (дело № А34-5469/2014). – URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A34-5469%2F2014>

5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.07.2017 (дело № А40-151922/2016). – URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/962ab59b-a2e2-470c-8297-762351777c42>

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.10.2020 № 42-П. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365726/

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации № 3-П от 28.01.2025 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/

8. Постановление Верховного Суда Российской Федерации от 20.02.2015 (дело № А41-20594/14). – URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A41-20594%2F2014>

9. Постановление Верховного Суда Российской Федерации № 31-АД16 от 24.03.2016. – URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11-28106612>

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.2017 № 49. – URL: <https://www.vsrf.ru/files/26109/>

11. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18.06.2013 № 71/13. – URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=347241#AqWnK4Va880kAly4>

12. Приказ Министерства природы России от 08.07.2010 № 238 (ред. от 18.11.2021) «Об утверждении Методики исчисления размера вреда, причиненного почвам как объекту охраны окружающей среды». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104774/c77282ceb7cf6eaf15b5541da789167bae337f6/

13. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 01.09.2014 № 540 «Об утверждении классификатора видов использования земельных участков» (документ утратил силу). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168733/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafdad518/

14. Приказ Росреестра Российской Федерации от 10.11.2020 № П/0412 (ред. от 24.12.2024) «Об утверждении классификатора видов разрешенного использования земельных участков» (Зарегистрировано в Минюсте России 15.12.2020 № 61482). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371246/

15. Разъяснения Министерства экономического развития РФ от 18.03.2016 № Д23и-1239. – URL: <https://base.garant.ru/71882478/>

16. Федеральный закон от 08.08.2024 № 307-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Рос-

сийской Федерации и статью 23 Федерального закона “О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482549/

17. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/

18. Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/

19. Филиппов, П. М. Парадоксы закона и судебной практики, связанные с арендой земельных участков / П. М. Филиппов // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2021. – Т. 20, № 4. – С. 184–188. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2021.4.25>

20. Шахрай, И. С. К вопросу о разграничении правонарушений «нечеловеческое использование» и «неиспользование» земельных участков / И. С. Шахрай // Современная государственность и право: теоретические и практические проблемы формирования и успешного функционирования : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию со дня рождения заслуженного юриста Республики Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. М. Абрамовича, Минск, 24, 25 мая 2019 года. – Минск : Белорус. гос. ун-т, 2019. – С. 162–165.

REFERENCES

1. *Obzor sudebnoi praktiki po voprosam primeneniya zakonodatelstva ob okhrane okruzhayushchey sredi, utverzhdenii Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 24.06.2022 goda* [Review of Jurisprudence on the Application of Environmental Legislation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420075/

2. *Opredelenie Sudebnoi kollegii po grazhdanskim delam Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 06.12.2022 (delo № 5-KG22-108-K2)* [Determination of the Judicial College for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2192774

3. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 02.08.2016 (delo № 35-KGPR16-12)* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1461914

4. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 17.07.2017 (delo № A34-5469/2014)* [Determination of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A34-5469%2F2014>

5. *Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 11.07.2017 (delo № A40-151922/2016)* [Ruling of the Arbitration Court of the Moscow District]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/962ab59b-a2e2-470c-8297-762351777c42>

6. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 16.10.2020 № 42-P* [Ruling of the Constitutional Court]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_365726/

7. *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 3-P ot 28.01.2025* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_497120/

8. *Postanovlenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii ot 20.02.2015 (delo № A41-20594/14)* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Kad/Card?number=A41-20594%2F2014>

9. *Postanovlenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 31-AD16 от 24.03.2016* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/11-28106612>

10. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii от 30.11.2017 № 49* [Decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <https://www.vsrf.ru/files/26109/>

11. *Postanovlenie Prezidiuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossiyskoy Federatsii от 18.06.2013 № 71/13* [Ruling of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=347241#AqWnK4Va880kAly4>

12. *Prikaz Ministerstva prirody Rossii от 08.07.2010 № 238 (red. от 18.11.2021) «Ob utverzhdenii Metodiki ischisleniya razmera vreda, prichinennogo pochvam kak obyektu ohrany okruzhayushchey sredy»* [Order of the Ministry of Nature of Russia “On the Approval of a Methodology for Calculating the Amount of Damage Caused to Soils as an Object of Environmental Protection”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_104774/c77282ceb7cf6eaf15b5541da789167bae337f6/

13. *Prikaz Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii от 01.09.2014 № 540 «Ob utverzhdenii klassifikatora vidov ispolzovaniya zemelnikh uchastkov» (dokument utratil silu)* [Order of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation. On the Approval of a Land-Use Classification]. URL: <https://>

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_168733/2ff7a8c72de3994f30496a0ccb1ddafaddf518/

14. *Prikaz Rosreestra от 10.11.2020 № P/0412 (red. от 24.12.2024) «Ob utverzhdenii klassifikatora vidov razreshennogo ispolzovaniya zemelnikh uchastkov» (Zaregistrovano v Minyste Rossii 15.12.2020 № 61482)* [Order of the Federal Registration Service of the Russian Federation. On the Approval of a Land-Use Classification]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_371246/

15. *Razyasneniya Ministerstva ekonomicheskogo razvitiya RF от 18.03.2016 № D23i-1239* [Clarification by the Ministry of Economic Development of the Russian Federation]. URL: <https://base.garant.ru/71882478/>

16. *Federalny zakon от 08.08.2024 № 307-FZ «O vnesenii izmeneniy v Zemelny kodeks Rossiyskoy Federatsii i statyu 23 Federalnogo zakona “O vedenii grazhdanami sadovodstva i ogorodnichestva dlya sobstvennikh nuzhd i o vnesenii izmenenii v otdelnie zakonodatelnie akti Rossiiskoi Federatsii”»* [Federal Law Dated Aug. 8, 2024, No. 307-FZ “On Amendments to the Land Code of the Russian Federation and Article 23 of the Federal Law ‘On the Conduct of Gardening by Citizens for Their Own Needs and on the Amendment of Individual Legislative Acts of the Russian Federation’”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482549/

17. *Federalny zakon от 24.07.2002 № 101-FZ «Ob oborote zemel selskohozyaystvennogo naznacheniya»* [Federal Law “On Agricultural Land Turnover”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37816/

18. *Federalny zakon от 07.05.2001 № 49-FZ «O territoriyah traditsionnogo prirodopolzovaniya korennyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dalnego Vostoka Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law “On the Territories of Traditional Natural Use of Indigenous Small Peoples of the North, Siberia and the Far East of the Russian Federation”]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31497/

19. Filippov P.M. Paradoksy zakona i sudebnoy praktiki, svyazannye s arendoy zemelnih uchastkov [Legal and Judicial Practice Paradoxes Related to Land Lease]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2021, vol. 20, no. 4, pp. 184-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2021.4.25>

20. Shakhrai I.S. K voprosu o razgranichenii pravonarusheniyy «netselevoe ispolzovaniye» i «neispolzovaniye» zemelnih uchastkov [On the Question of the Distinction Between the Offences of “Misuse” and “Non-Use” of Land Plots]. *Sovremennaya gosudarstvennost i pravo: teoreticheskie i prakticheskie problemy formirovaniya i uspeshnogo*

funktsionirovaniya: materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 75-letiyu so dnya rozhdeniya zasluzhennogo yurista Respubliki Belarus d-a yurid. nauk, prof. A.M. Abramovicha, Minsk, 24–25 maya 2019 goda [Modern State and Law: Theoretical and Practical Problems of Formation and Successful

Functioning: Materials of an International Scientific-Practical Conference Devoted to the 75th Anniversary of the Birth of a Distinguished Lawyer of the Republic of Belarus, Doctor of Legal Sciences, Professor A.M. Abramovich]. Minsk, Belorus. gos. un-t, 2019, pp. 162-165.

Information About the Author

Oksana I. Sharno, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Prospekt Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

Информация об авторе

Оксана Игоревна Шарно, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, sharno@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8892-1848>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.10>UDC 341.1/8
LBC 67.404Submitted: 13.10.2025
Accepted: 10.11.2025

PRINCIPLE OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT IN INTERNATIONAL ENVIRONMENTAL LAW: TRENDS AND PROSPECTS

Anatoly Ja. Ryzhenkov

Kalmuk State University, Elista, Russian Federation

Introduction: the principle of sustainable development occupies a central place in international environmental law today, reflecting the desire of the world community to balance economic needs with environmental protection, as well as social objectives. The concept of "sustainable development" was formulated in the mid-1980s in a report by the United Nations International Commission on Environment and Development, chaired by G.H. Brundtland. After the official appearance of this concept in 1987, its integration into international treaties and declarations began. However, despite its widespread acceptance, a number of questions remain open, including whether sustainable development can be considered an independent principle of international environmental law. **Methods:** the methodological framework for the research consists of both the general scientific and special methods of scientific cognition. The general scientific methods include dialectical, formal-logical, the method of analysis, synthesis, induction, deduction, the structural-functional method. The special methods include historical-legal, comparative law, formal-legal, and the method of legal modeling. **Results:** the content of the principle of sustainable development means the obligation to pursue a policy that would meet human needs and improve the quality of life, without destroying the natural foundation that people's lives depend on, and ensuring the rights and interests of both current and future generations. This is an extremely broad formula, so the principle is specified through narrower rules (on harm prevention, on EIA, on access to information, on emission quotas, etc.). However, since this principle is dynamic, its content evolves as new challenges arise. **Conclusions:** in the system of IEL principles, the principle under study occupies a special position. It provides a link between the fundamental goals of development, nature conservation and human well-being. The content of the principle of sustainable development is revealed through the specific responsibilities of the state: to integrate environmental requirements into development, to take into account the interests of future generations, and to use resources efficiently. Sustainable development is a process that requires everyone's participation – Governments, business, and civil society – in order to achieve synergy between the economy, society, and the environment.

Key words: principle, international environmental law, declaration, UN, sustainable development, future generations, environment.

Citation. Ryzhenkov A.Ja. Principle of Sustainable Development in International Environmental Law: Trends and Prospects. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 87-95. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.10>

УДК 341.1/8
ББК 67.404Дата поступления статьи: 13.10.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПРИНЦИП УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРАВЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Анатолий Яковлевич Рыженков

Калмыцкий государственный университет, г. Элиста, Российская Федерация

сти с охраной окружающей среды, а также с социальными задачами. Понятие «устойчивое развитие» было сформулировано в середине 1980-х гг. в докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под председательством Г.Х. Брундтланд. После официального появления данной концепции в 1987 г. началась ее интеграция в международные договоры и декларации. Однако, несмотря на ее широкое признание, ряд вопросов остаются открытыми, включая вопрос о том, можно ли говорить об устойчивом развитии как о самостоятельном принципе международного экологического права. **Методы:** методологическую основу исследования составляют как общенаучные, так и специальные методы научного познания. К общенаучным методам относятся диалектический, формально-логический, метод анализа, синтеза, индукции, дедукции, структурно-функциональный метод, к специальным методам – историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический, метод правового моделирования. **Результаты:** содержание принципа устойчивого развития означает обязанность проводить такую политику, которая бы удовлетворяла человеческие потребности и повышала качество жизни, не разрушая природную основу, от которой зависит жизнь людей, и обеспечивая права и интересы как нынешнего, так и будущих поколений. Это крайне широкая формула, поэтому конкретизация принципа происходит через более узкие нормы (о предотвращении вреда, об оценке воздействия на окружающую среду, о доступе к информации, о квотах на выбросы и т. д.). При этом, поскольку данный принцип динамический, его содержание эволюционирует по мере появления новых вызовов. **Выводы:** в системе принципов международного экологического права исследуемый принцип занимает особое положение. Он обеспечивает взаимосвязь между фундаментальными целями: развитием, охраной природы и благополучием людей. Содержание принципа устойчивого развития раскрывается через конкретные обязанности государства: интегрировать экологические требования в развитие, учитывать интересы будущих поколений, рационально использовать ресурсы. Устойчивое развитие – это процесс, в котором должны участвовать все: правительства, бизнес и гражданское общество – для достижения синергии между экономикой, обществом и окружающей средой.

Ключевые слова: принцип, международное экологическое право, декларация, ООН, устойчивое развитие, будущие поколения, окружающая среда.

Цитирование. Рыженков А. Я. Принцип устойчивого развития в международном экологическом праве: тенденции и перспективы // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 87–95. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.10>

Введение

Принцип устойчивого развития занимает сегодня центральное место в международном экологическом праве, отражая стремление мирового сообщества сбалансировать экономические потребности с охраной окружающей среды и социальными приоритетами. Понятие «устойчивое развитие» было сформулировано в середине 1980-х гг. в докладе Международной комиссии ООН по окружающей среде и развитию под председательством Г.Х. Брундтланд. В этом докладе устойчивое развитие определялось как развитие, которое удовлетворяет потребности нынешнего поколения, без ущерба для возможности будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Данное определение, широко известное как «формула Брундтланд», стало ключевым ориентиром для формирования концепции устойчивого развития в праве и политике во всем мире.

После официального появления вышеупомянутой концепции в 1987 г. началась ее интеграция в международные договоры и декларации. Особую роль здесь сыграла Конференция ООН по окружающей среде и развитию 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро, где принцип устойчивого развития получил международное признание и был закреплен в ряде ключевых документов. В последующие десятилетия концепция устойчивого развития претерпела эволюцию, расширив сферу своего действия. На Всемирном саммите 2002 г. по устойчивому развитию в Йоханнесбурге мировое сообщество подтвердило приверженность этой стратегии и уточнило ее содержание: было подчеркнуто, что экономическое развитие, социальное развитие и охрана окружающей среды являются взаимосвязанными основами устойчивого развития [9, с. 227]. Далее, в 2015 г., ООН была принята Повестка дня до 2030 года с целями устойчивого развития (далее – ЦУР), охватывающими 17 взаимосвязанных целей, включая ликвидацию нищеты, борьбу с неравенством, защиту экосистем и противодействие изменению климата. ЦУР представляют собой всеобъемлющий план действий по реализации принципа

устойчивого развития на глобальном уровне и отражают смещение акцента на интеграцию всех трех его измерений для всех стран. Несмотря на широкое признание концепции устойчивого развития, остается вопрос: можно ли говорить о ней как о самостоятельном принципе международного экологического права? Если да, то каково его место в современной системе принципов международного экологического права (далее – МЭП), каково содержание этого принципа и каким образом его развитие отражается на национальном законодательстве? Попробуем разобраться в этом вопросе.

Понятие и место принципа устойчивого развития в международном экологическом праве

Начнем с того, считается ли устойчивое развитие юридически признанным принципом МЭП либо это лишь политическая декларация? Однозначного доктринального ответа на этот вопрос пока нет, однако этот принцип прямо упоминается в различных актах «мягкого» права (декларациях ООН) и косвенно во многих международных договорах (в частности, в Конвенции о биологическом разнообразии 1992 г.). Есть упоминания о данном принципе и в международной судебной практике. Например, в деле «Габчиково – Надьмарош» (Венгрия против Словакии) (1997)¹ и в деле «Целлюлозные заводы на реке Уругвай» (Аргентина против Уругвая) (2010)² Международный Суд подтвердил важность этой концепции. Таким образом, на уровне высшей судебной инстанции ООН признано наличие концепции устойчивого развития, являющейся руководством к действию при толковании и выполнении международных обязательств [5, с. 484]. Поэтому сегодня можно утверждать, что принцип устойчивого развития, хотя он и сформировался изначально как политическая и идеологическая концепция, уже трансформировался в общепризнанный принцип международного экологического права.

Он занимает достойное место среди других принципов МЭП. К их числу традиционно относят: принцип постоянного суверенитета государств над своими природными ресурсами; принципы предосторожности; «загрязнитель платит»; общей, но дифференцированной

ответственности и др. Эти принципы сложились в ходе развития международного экологического права во второй половине XX в. и нашли отражение во многих соглашениях (например, принцип предосторожности закреплен в Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г., принцип «загрязнитель платит» – в Декларации Рио 1992 г. и т. д.). Принцип устойчивого развития занимает особое положение среди них, так как носит комплексный и интегративный характер. Если большинство экологических принципов посвящены конкретным вопросам (предотвращение вреда природе, ответственность загрязнителя, оценка воздействия), то устойчивое развитие объединяет в себе различные измерения – экологическое, экономическое и социальное. Его можно назвать «метапринципом» [4, с. 356], задающим общий вектор остальным принципам. Принцип устойчивого развития не отменяет и не подменяет другие принципы, а примиряет потенциальные противоречия между ними и расширяет рамки экологического права, включает вопросы развития и благосостояния.

Особенно ярко роль принципа устойчивого развития проявляется во взаимодействии с принципом постоянного суверенитета государств над своими природными ресурсами. Исторически международное право исходило из суверенного права государств развиваться и эксплуатировать свои ресурсы. Однако экологические ограничения требовали умерить безграничный экономический рост ради сохранения природы. Принцип устойчивого развития помогает найти баланс, поскольку примиряет право государств на экономическое развитие с обязанностью сохранять окружающую среду. Он становится своего рода «мостом» между принципом суверенитета и принципами охраны окружающей среды. Наряду с этим в Рио-де-Жанейрской декларации прямо признается, что все государства несут общую ответственность за охрану экосистем Земли, но в силу различий в их вкладе в деградацию окружающей среды роль и обязанности развитых и развивающихся стран отличаются. Эта концепция общего, но дифференцированного подхода является конкретизацией принципа устойчивого развития: более развитые государства должны больше способ-

ствовать решению глобальных экологических проблем и помогать развивающимся странам идти по пути устойчивого развития.

Принцип устойчивого развития взаимодействует и с другими принципами. Так, принцип предосторожности логически вытекает из цели обеспечить долгосрочную экологическую устойчивость развития; принцип участия общественности (закрепленный в Орхусской конвенции 1998 г.) связан с устойчивым развитием тем, что широкое участие заинтересованных сторон необходимо для принятия сбалансированных решений, учитывающих интересы общества и будущих поколений. Таким образом, принцип устойчивого развития не вытесняет другие принципы, а действует совместно с ними, устанавливая баланс. Именно благодаря принципу устойчивого развития международное экологическое право эволюционировало от узкого природоохранного подхода к активной интеграции экологических, экономических и социальных целей. Устойчивое развитие проникло и в смежные сферы международного права, например в права человека [8, с. 13].

Все чаще в международном праве признается связь между правом на благоприятную окружающую среду и устойчивым развитием. Генеральная Ассамблея ООН (2022 г.) официально признала право каждого человека на здоровую и устойчивую окружающую среду – это отражение понимания, что реализация прав человека невозможна без устойчивого развития. Аналогичным образом в международном экономическом праве разрабатываются концепции зеленой экономики и циркулярной экономики, тесно связанные с идеями устойчивого развития.

Содержание принципа устойчивого развития

Принцип устойчивого развития является многогранным и охватывает ряд конкретных обязанностей государств. Содержание этого принципа следующее.

1. Учет экологических, экономических и социальных факторов при принятии решений. Это центральная идея устойчивого развития: любые планы, проекты и политики развития должны учитывать экологические последствия, а экологическая политика должна учить-

тывать социально-экономические реалии. В МЭП она проявляется, например, в требованиях проводить оценку воздействия на окружающую среду (далее – ОВОС) для крупных, трансграничных или потенциально опасных проектов (Конвенция Эспо 1991 г.) [6, с. 102], стратегическую экологическую оценку планов и программ, в необходимости включать экологические требования в стратегические документы по развитию. Таким образом, этот принцип означает, что экономическая деятельность не должна рассматриваться изолированно от ее влияния на природу и общество. На практике реализация этого принципа проявляется в том, что правительства разрабатывают комплексные стратегии: например, энергетическая политика теперь включает меры по сокращению выбросов загрязняющих веществ и парниковых газов, промышленная политика учитывает вопросы обращения с отходами и ресурсосбережения, градостроительная политика предусматривает зеленые зоны и электротранспорт и т. д.

2. Учет интересов будущих поколений. Одним из оснований устойчивого развития является обязанность современного поколения не исчерпывать ресурсы и не наносить такой ущерб экосистемам, который поставил бы под угрозу жизнь и благосостояние людей в будущем. Эта идея, изначально выраженная в докладе Г.Х. Брунлтланд, нашла отражение в принципах и договорах. Например, в преамбуле Рамочной конвенции ООН об изменении климата 1992 г. говорится об охране климата «в интересах нынешнего и будущих поколений человечества». Аналогичные формулировки содержатся и в других международных актах. Юридически категория «будущие поколения» трудно поддается формализации: они не являются субъектами права в настоящее время. Тем не менее принцип устойчивого развития этически обязывает правительства вести учет долгосрочных последствий. В международном масштабе это выражается в требовании устойчивого (рационального) использования природных ресурсов [3, с. 9] не превышать имеющиеся возможности экосистем, сохранять биологическое разнообразие.

3. Сбалансированное удовлетворение потребностей нынешнего поколения. Это оз-

начает заботу не только о будущих, но и о ныне живущих людях. Социальное измерение принципа сегодня подчеркивает уменьшение бедности, улучшение здоровья, образования и т. д. На национальном уровне это означает, что экономическая политика должна быть ориентирована на удовлетворение базовых потребностей населения, но при этом экономический рост не должен ставить под угрозу качество жизни нынешнего поколения и приводить к деградации экосистем.

4. Рациональное использование и сохранение природных ресурсов. Из принципа устойчивого развития вытекает обязанность эксплуатировать ресурсы таким образом, чтобы сохранить их запасы и качество для будущих поколений. Это применимо как к возобновляемым ресурсам (леса, рыболовство – не превышать уровней естественного воспроизводства), так и к невозобновляемым (полезные ископаемые). Международные соглашения об управлении ресурсами (например, соглашения по рыболовству, сохранению тропических лесов, охране пресной воды и др.) все чаще включают требование «устойчивого использования».

5. Общее, но дифференцированное участие государств в решении глобальных проблем. Развивающимся странам трудно достичь устойчивости без технологий, финансовой помощи. Поэтому исследуемый принцип означает, что развитые страны должны помогать, в частности передавать экологически чистые технологии.

6. Участие международной общественности в процессе достижения целей устойчивого развития. Устойчивое развитие невозможно без участия общества – правительства, бизнеса, НПО, научного сообщества, коренных народов, женщин, молодежи и т. д. Международно-правовые инструменты по доступу к информации и правосудию (Орхусская конвенция 1998 г.) дополняют этот аспект: открытость экологической информации и вовлеченность граждан в принятие решений [11] – неотъемлемые условия устойчивого развития. В более широком плане сюда же относятся требования хорошего управления: прозрачность, подотчетность, отсутствие коррупции. Без них долгосрочные устойчивые цели недостижимы.

Обобщенно можно сказать, что содержание принципа устойчивого развития сводится к обязанности государства и общества вести такую политику, которая бы удовлетворяла человеческие потребности и повышала качество жизни, не разрушая природную основу, от которой зависит жизнь людей, и обеспечивая права и интересы как нынешнего, так и будущих поколений. Это крайне широкая формула, поэтому конкретизация принципа происходит через более узкие нормы (о предотвращении вреда, об ОВОС, о доступе к информации, о квотах на выбросы и т. д.). При этом, исходя из его содержания, данный принцип динамический, его содержание эволюционирует по мере появления новых вызовов (изменение климата, потеря биоразнообразия) и новых подходов (циркулярная экономика). Однако базовые элементы – интеграция, межпоколенная и социальная справедливость, рациональное природопользование – остаются всегда неизменными.

Влияние принципа устойчивого развития на российское экологическое и иное законодательство

Россия, являясь участницей ключевых международных форумов по защите окружающей среды и развитию, восприняла концепцию устойчивого развития достаточно рано. В 1992 г. на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро российская делегация поддержала Декларацию Рио и Повестку дня на XXI век. Впоследствии Россия предприняла шаги по формализации принципа устойчивого развития на национальном уровне. Одним из таких первых и значимых правовых актов стала Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию, утвержденная Указом Президента РФ от 01.04.1996 № 440, которая прямо ссылалась на рекомендации и принципы, установленные на Конференции ООН в Рио-де-Жанейро 1992 г., тем самым признавая преемственность национальной политики международным договоренностям. Концепция 1996 г. предусматривала последовательные шаги по сбалансированию социально-экономических задач и задач охраны окружающей среды.

ды, с тем чтобы удовлетворить потребности нынешнего и будущих поколений россиян. В документе подчеркивалось, что переход к устойчивому развитию – длительный и поэтапный процесс, требующий модернизации экономики, снижения нагрузки на природу и гармоничного сосуществования общества и природы [2]. Поскольку эти положения носят программный характер, Концепция задала вектор развития многим другим нормативным актам.

Наиболее явно принцип устойчивого развития вошел в российское право с принятием Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», который закрепил устойчивое развитие как один из основных принципов охраны окружающей среды. В ст. 3, среди других принципов, прямо упоминается принцип научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды. Этот принцип фактически имплементирует международный подход интеграции трех видов интересов. Тем самым устойчивое развитие из декларативной концепции превратилось в руководящий принцип российского экологического права. Данная формулировка означает, что при осуществлении хозяйственной или иной деятельности должны учитываться и экологические требования, и экономические выгоды, и социальные последствия – с расчетом на длительную перспективу. Аналогичные положения были внесены в законодательные акты природоресурсного блока.

Например, Федеральный закон «О животном мире» (ст. 12) закрепляет принцип устойчивого использования объектов животного мира. Лесной кодекс (ст. 1) называет основным принципом лесного законодательства «устойчивое управление лесами», а Градостроительный кодекс (ст. 2) – «обеспечение комплексного и устойчивого развития территории на основе территориального планирования, градостроительного зонирования и планировки территории». Этот перечень может быть продолжен, однако следует констатировать практическое значение данного принципа: он служит вектором для разработки конкретных нормативных требований. Например,

из него вытекает обязанность проводить государственную экологическую экспертизу проектов (чтобы не допустить проектов, не обеспечивающих экологических критериев устойчивости), устанавливать нормативы предельно допустимых выбросов (сбросов), лимиты использования ресурсов и др. Упомянутое в Федеральном законе от 10.01.2002 № 7-ФЗ сочетание интересов конкретизируется через механизмы ОВОС, территории с особым эколого-правовым режимом (ООПТ), где хозяйственная деятельность ограничивается ради экосистемных функций, и др. В то же время критерии и индикаторы устойчивого развития в России определены только для животного мира и лесов, что требует дальнейшего развития [1].

Таким образом, принцип устойчивого развития пронизывает собой все экологическое регулирование – от нормирования выбросов и сбросов до стратегического планирования природопользования. Стоит отметить, что в 2020 г. были внесены дополнения в Конституцию РФ, которые подтвердили идею устойчивого развития. В новой ст. 75.1 Конституции провозглашено, что в России создаются условия для устойчивого экономического роста страны, повышения благосостояния граждан. И хотя речь идет об «устойчивом экономическом росте», в контексте конституционной нормы ст. 42 о праве на благоприятную окружающую среду можно видеть закрепление основ устойчивого развития на высшем уровне.

В последние годы, в связи с реализацией ЦУР и задач Парижского соглашения по климату, в России приняты акты, реализующие принцип устойчивого развития в различных секторах. Во-первых, в рамках климатической политики принимается Указ Президента РФ от 06.08.2025 № 547 «О сокращении выбросов парниковых газов», а также продолжается реализация Федерального закона от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов», направленного на создание условий для устойчивого и сбалансированного развития экономики Российской Федерации при снижении уровня выбросов парниковых газов. Утверждена Стратегия социально-экономического развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г.

(распоряжение Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р), нацеленная на постепенный переход к низкоуглеродным технологиям при сохранении экономического роста. Реализуются экспериментальные проекты по торговле углеродными единицами (на острове Сахалин).

Во-вторых, происходит интеграция принципов устойчивого развития в социально-экономическую сферу. Распоряжением Правительства РФ от 14.07.2021 № 1912-р были утверждены цели и основные направления устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации. К таким основным направлениям отнесены обращение с отходами, транспорт, энергетика, строительство, промышленность и другие отрасли, в рамках которых будет обеспечена экологизация и социальная эффективность развития. Для практической реализации этого курса постановлением Правительства РФ от 21.09.2021 № 1587 утверждены критерии проектов устойчивого (в том числе зеленого) развития и требования к системе верификации таких проектов. Развивается нормативная база для нефинансовой (устойчивой) отчетности компаний. Концепция развития публичной нефинансовой отчетности (распоряжение Правительства от 05.05.2017 № 876-р) и развитие ESG-принципов [7, с. 119] направлены на то, чтобы бизнес в РФ отчитывался о своем воздействии на окружающую среду и общество, интегрируя устойчивое развитие в корпоративные стратегии [10]. Таким образом, принцип устойчивого развития начинает проявляться и через требования к корпоративному сектору: прозрачность в эколого-социальных вопросах и ответственность бизнеса.

В-третьих, стоит выделить влияние принципа устойчивого развития на иное (неэкологическое) законодательство, включая законы об энергоэффективности, инвестиционной деятельности, поддержке возобновляемых источников энергии и т. д. Некоторые национальные проекты напрямую связаны с ЦУР – проект «Экологическое благополучие», «Семья» и др. Российская Федерация в 2020 г. учредила национальные цели развития до 2030 г. (Указ Президента от 21.07.2020 № 474), многие из которых явно корреспондируют ЦУР.

Заключение

Сегодня принцип устойчивого развития глубоко проник в правовую систему России. Он закреплен на разных уровнях – от Конституции РФ и рамочных федеральных экологических законов до подзаконных актов, национальных проектов и законов субъектов РФ. Законодатель, восприняв международные ориентиры, стал внедрять требования о поиске баланса экономической деятельности и охраны окружающей среды, обеспечивать долгосрочное сохранение природы для будущих поколений и учитывать социальные эффекты. Вместе с тем, как и в других странах, вызовом остается практическая реализация этих нормативных установок. Недостаточно провозгласить принцип – важно, чтобы он применялся при оценке проектов, распределении бюджета, развитии промышленности и т. д. В России существуют проблемы проведения экологической экспертизы, государственного экологического контроля и др., что мешает полному воплощению принципа устойчивого развития. Однако общий вектор развития законодательства очевидно соответствует глобальной парадигме: происходит «экологизация» экономики и законодательства, хотя этот процесс довольно медленный. В числе перспективных направлений дальнейшей реализации принципа устойчивого развития можно выделить: углубление интеграции отраслей международного права; развитие системы международного экологического мониторинга; разработку новых международных и национальных критериев (и индикаторов) ЦУР; развитие зеленого финансирования; продолжение борьбы с изменением климата; разработку стратегий устойчивого развития локального (устойчивое развитие городов) и отраслевого (устойчивое развитие сельского хозяйства) уровней; использование цифровых инструментов для перехода к устойчивому развитию; формирование новых стандартов образования и правовой культуры.

Реализация данных направлений позволит и далее развивать парадигму международного экологического права от реагирования на отдельные проблемы к проактивному формированию политики, направленной на предупреждение экологических кризисов посред-

ством учета социальных и экономических факторов. В системе принципов МЭП исследуемый принцип занимает особое место, выступая интегрирующим началом. Он обеспечивает взаимосвязь между фундаментальными целями: развитием, охраной природы и благополучием людей. Содержание принципа устойчивого развития раскрывается через конкретные обязанности государств: интегрировать экологические требования в развитие, учитывать интересы нынешнего и будущих поколений, рационально использовать ресурсы, бороться с бедностью. Это значит, что устойчивое развитие – *процесс*, в котором должны участвовать все: правительства, международные организации, бизнес, гражданское общество – для достижения синергии между экономикой, обществом и окружающей средой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Краткое изложение решений консультативных заключений и постановлений Международного Суда 1997–2002 гг. Нью-Йорк, 2006. С. 1–16.

² Дело, касающееся целлюлозных заводов на реке Уругвай (Аргентина против Уругвая) : решение Международного Суда от 20 апреля 2010 года. URL: https://cawater-info.net/bk/water_law/pdf/argentina-vs-uruguay-ru.pdf

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимов, А. П. О некоторых особенностях реализации концепции устойчивого развития в российском экологическом законодательстве / А. П. Анисимов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2020. – № 2. – С. 58–63.
2. Бринчук, М. М. Обеспечение экологической безопасности в свете устойчивого развития / М. М. Бринчук // Вестник Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан. – 2019. – № 2. – С. 97–104.
3. Василенко, Е. В. Формирование международного природоресурсного права : дис. ... канд. юрид. наук / Василенко Екатерина Владимировна. – Ростов н/Д, 2016. – 225 с.
4. Высторобец, Е. А. Экологичность конституций (карта) / Е. А. Высторобец // Экологические положения конституций / под ред. Е. А. Высторобца ; авт. коллектив: Е. А. Высторобец [и др.]. – М. ; Уфа, 2012. – 385 с.

5. Должиков, А. В. Соразмерность как общеправовой принцип в конституционном правосудии России (на примере основных социальных прав) : дис. ... д-ра юрид. наук / Должиков Алексей Вячеславович. – СПб., 2022. – 1112 с.

6. Кузьменко, Э. Ю. Институт оценки воздействия на окружающую среду в международном экологическом праве : дис. ... д-ра юрид. наук / Кузьменко Элла Юрьевна. – Казань, 2019. – 411 с.

7. Мажорина, М. В. Право устойчивого развития: сущность, предмет и методология / М. В. Мажорина // Lex russica. – 2022. – Т. 75, № 5. – С. 117–126.

8. Пушкирева, Э. Ф. Международный экологический правопорядок и экологические права человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Пушкирева Эльвира Фаритовна. – М., 2008. – 56 с.

9. Соколова, Н. А. Концепция устойчивого развития и международное право окружающей среды / Н. А. Соколова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 11. – С. 225–232.

10. Шарно, О. И. Экологическая ответственность бизнеса как критерий ESG и устойчивого развития // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 3. – С. 29–37. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.4>

11. Fitzmaurice, M. The Principle of Sustainable Development in International Development Law / M. Fitzmaurice. – URL: <https://www.eolss.net/sample-chapters/c13/E6-67-03-02.pdf>

REFERENCES

1. Anisimov A.P. O nekotoryh osobennostyah realizacii koncepcii ustojchivogo razvitiya v rossijskom ekologicheskem zakonodatelstve [On Some Features of the Implementation of the Concept of Sustainable Development in Russian Environmental Legislation] *Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Kaliningrad Branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 2, pp. 58-63.

2. Brinchuk M.M. Obespechenie ekologicheskoy bezopasnosti v svete ustojchivogo razvitiya [Ensuring Environmental Safety in the Light of Sustainable Development]. *Vestnik Akademii pravoohranitelnyh organov pri Generalnoj prokurature Respubliki Kazahstan* [Bulletin of the Academy of Law Enforcement Agencies at the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan], 2019, no. 2, pp. 97-104.

3. Vasilenko E.V. Formirovanie mezhdunarodnogo prirodoressursnogo prava: dis. ... kand. yurid. nauk [Formation of International Natural Resource Law. Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2016. 225 p.

4. Vystorobets E.A. *Ekologichnost konstitucij (karta)* [Environmental Friendliness of Constitutions (Map)]. *Ekologicheskie polozheniya konstitucij* [Ecological Provisions of the Constitutions], Moscow; Ufa, 2012. 385 p.
5. Dolzhikov A.V. *Sorazmernost kak obshhepravovoj princip v konstitucionnom pravosudii Rossii (na primere osnovnyh socialnyh prav)*: dis. ... d-ra yurid. nauk [Proportionality as a General Legal Principle in Constitutional Justice in Russia (On the Example of Basic Social Rights). Dr. jurid. sci. diss.]. Saint Petersburg, 2022. 1112 p.
6. Kuzmenko E.Yu. *Institut ocenki vozdejstviya na okruzhayushhuyu sredu v mezhdunarodnom ekologicheskem prave*: dis. ... d-ra yurid. nauk [Institute of Environmental Impact Assessment in International Environmental Law. Dr. jurid. sci. diss.]. Kazan, 2019. 411 p.
7. Mazhorina M.V. *Pravo ustoichivogo razvitiya: sushhnost, predmet i metodologiya* [The Law of Sustainable Development: Essence, Subject and Methodology]. *Lex russica*, 2022, vol. 75, no. 5, pp. 117-126.
8. Pushkareva E.F. *Mezhdunarodnye ekologicheskie pravoporyadok i ekologicheskie prava cheloveka: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [International Environmental Law and Order and Ecological Human Rights. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2008. 56 p.
9. Sokolova N.A. *Koncepciya ustoichivogo razvitiya i mezhdunarodnoe pravo okruzhayushhej sredy* [The Concept of Sustainable Development and International Environmental Law]. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)* [Bulletin of the O.E. Kutafin University (MGUA)], 2021, no.11, pp. 225-232.
10. Sharno O.I. *Ekologicheskaya otvetstvennost biznesa kak kriterij ESG i ustoichivogo razvitiya* [Environmental Responsibility of Business as a Criterion of ESG and Sustainable Development]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022, vol. 21, no. 3, pp. 29-37. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2022.3.4>
11. Fitzmaurice M. *The Principle of Sustainable Development in International Development Law*. URL: <https://www.eolss.net/sample-chapters/c13/E6-67-03-02.pdf>

Information About the Author

Anatoly Ja. Ryzhenkov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Kalmyk State University, Pushkina St, 11, 358000 Elista, Russian Federation, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

Информация об авторе

Анатолий Яковлевич Рыженков, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет, ул. Пушкина, 11, 358000 г. Элиста, Российская Федерация, 4077778@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2015-1709>

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

UDC 343.7
LBC 67.408.121

Submitted: 25.06.2025
Accepted: 10.11.2025

OPTIMIZATION OF CRIMINAL LAW MEASURES FOR COMBATING THEFT

Alexey P. Rozhnov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Vyacheslav G. Ponomarev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper discusses the problems of qualifying those forms of socially dangerous offences against property that are not formally prohibited by the Criminal Code of the Russian Federation, but are relatively common. **The goals and objectives** of the study are to analyze the current law enforcement practice of criminal law assessment of such encroachments for its compliance with the principles of domestic criminal law and, above all, the principle of legality. The research **methods** are the general scientific methods of analysis, synthesis, a systematic approach, as well as the logical-legal method and the method of legal interpretation, which are traditional for humanitarian knowledge. As a **result**, the author states that it is impossible to qualify under Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation those situations when the perpetrator seeks a ruling in his favor based on the deception of the court, as well as those situations when the perpetrator receives someone else's property as payment for the "occult and magical services" provided by him. He also justifies the inadmissibility of qualification under Art. 161, 162 of the Criminal Code of the Russian Federation of those situations when, in order to seize the victim's property, potent substances are fraudulently introduced into his body to render him helpless. **Conclusions:** in order to pre-empt new attacks against property in the form of theft that do not fall under the existing prohibitions of these forms in the current Criminal Code, the modeling of the general prohibition of theft is proposed in Chapter 21 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: abuse of the right to judicial protection, variability of crime, fraud, deception, socially dangerous encroachment, encroachments against property, broad interpretation, form of theft.

Citation. Rozhnov A.P., Ponomarev V.G. Optimization of Criminal Law Measures for Combating Theft. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 96-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

УДК 343.7
ББК 67.408.121

Дата поступления статьи: 25.06.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ

Алексей Петрович Рожнов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Вячеслав Геннадиевич Пономарев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в статье рассматриваются проблемы квалификации тех форм общественно опасных посягательств против собственности, которые формально не запрещены Уголовным кодексом РФ, но являются относительно распространенными. **Целями и задачами исследования** выступает анализ сложившейся правоизменительной практики уголовно-правовой оценки такого рода посягательств на предмет ее соответствия принципам отечественного уголовного права, и прежде всего принципу законности. **Методами исследования** являются традиционные для гуманитарного знания общенаучные методы анализа, синтеза, системный подход, а также логико-юридический метод и метод юридической интерпретации. **В результате** констатирована невозможность квалификации по ст. 159 УК РФ тех ситуаций, когда виновный добивается вынесения в его пользу правоустанавливающего решения, основанного на обмане суда, а равно и тех ситуаций, когда виновный получает чужое имущество в качестве платы за предоставляемые им «оккультно-магические услуги». Обосновывается также и недопустимость квалификации по ст. 161, 162 УК РФ тех ситуаций, когда с целью завладения имуществом потерпевшего в его организме обманным путем вводятся сильнодействующие вещества для приведения в беспомощное состояние. **Выводы:** для упреждающего воздействия на новые посягательства против собственности в форме хищения, не подпадающие под существующие запреты этих форм в УК РФ 1996 г., предлагается моделирование в главе 21 УК РФ общего запрета хищения.

Ключевые слова: злоупотребление правом на судебную защиту, изменчивость преступности, мошенничество, обман, общественно опасное посягательство, посягательства против собственности, расширительное толкование, форма хищения.

Цитирование. Рожнов А. П., Пономарев В. Г. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с хищениями // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 96–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.11>

Введение

Криминологами в качестве сущностной черты преступности выделена ее изменчивость, которая проявляется себя в нескольких направлениях [7, с. 301]. Во-первых, претерпевает изменения система тех деяний, которые уже объявлены преступными: так, например, в те или иные периоды развития государства может происходить увеличение количества одних преступлений (например, посягательств против жизни и здоровья граждан) и снижение других (рост краж и иных посягательств на чужую собственность). Во-вторых, изменчивость находит выражение в появлении новых форм общественно опасного поведения, в том числе таких, которые еще не объявлены преступными, но принципиально нуждаются в этом. Наконец, обе указанные черты, характеризующие изменчивость преступности, способны успешно сочетаться и дополнять друг друга. Особенно наглядно это раскрывается при анализе показателей тех преступлений, которые, будучи «традиционными», в системе преступности всегда составляют ее большинство. Нами имеется в виду та группа преступлений, которая согласно п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ объединяется

собирательным термином «хищение» и ее составляют преступления, ответственность за которые установлена ст. 158–162 УК РФ.

Как видно из официальных статистических данных, та часть хищений, которые имеются ненасильственными (кражи, мошенничество, присвоения и растраты – ст. 158 – 160 УК РФ), обнаруживает тенденцию к постепенному снижению: 1 052 626, 1 027 393, 954 303 преступления в 2022–2024 гг., соответственно. Однако внутри ненасильственных хищений такая ее форма, как мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), напротив, обнаруживает тенденцию к неуклонному стабильному росту: 343 085, 433 708 (+26,4 %), 445 690 (+2,76 %) таких преступлений были совершены в 2022–2024 гг., соответственно [16–18].

Параллельно растет, причем резкими темпами, и количество так называемых ИТ-преступлений. «Виртуализация и «цифровизация» жизнедеятельности, – замечает Я.И. Гилинский, – порождает киберпреступность, кибердевиантность и «переструктуризацию» преступности, когда преступления в цифровом мире теснят «обычную», «уличную преступность» (street crime), «замещая» ее» [2, с. 170]. Нагляднее всего беспрецедентный рост «преступлений с использованием информационно-

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации» (именно так они именуются в статистическом учете МВД России) иллюстрируется официальными, сухими данными государственной статистики (см. таблицу) [16–18].

Вряд ли рост мошенничества в структуре хищений можно объяснить только привлекательностью цифровых технологий, которые, конечно, получили значительное распространение, стали частью жизни каждого человека, а для преступников облегчают совершение даже так называемых традиционных преступлений, включая кражи, мошенничества и пр. Анализ практики применения различных норм об уголовной ответственности за хищения (и прежде всего ст. 159 УК РФ) позволяет заключить, что посредством расширительного толкования положений уголовного закона в части установления им преступного и наказуемого практика «приспособляет», «адаптирует» отдельные уголовно-правовые запреты (в первую очередь ст. 159 УК РФ) к тем фактическим ситуациям, которые, во-первых, безусловно обладают достаточным уровнем общественной опасности, но тем не менее, во-вторых, формально, с точки зрения буквы закона запрещенными УК РФ не являются. Такое латентное судебное нормотворчество, однозначно невозможное в силу нормативных требований принципов уголовного права (см., например, ст. 3, 8 УК РФ, раскрывающие различные отраслевые аспекты принципа законности), нередко получает одобрение даже в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, что придает ему (нормотворчеству) дополнительную легитимацию и безусловно повышает его юридическую силу. Подобная «модель уголовно-правового противодействия преступности» является, по мнению Н.А. Лопашенко (и трудно с ученым в этом

не согласиться), недопустимой, «поскольку рамки уголовного закона расширяются не законодателем, а фактически – правоприменителем. Это судебная, но не основанная на уголовном законе, хотя по характеру – уголовно-правовая репрессия» [6, с. 254].

Адаптация законодательных норм об ответственности за хищения к общественно опасным посягательствам против собственности, формально не запрещенным действующим УК РФ (критический анализ)

Остановимся кратко на следующих наиболее очевидных, на наш взгляд, примерах.

1. Значительное распространение в криминальной практике совершения хищений получили случаи изъятия чужого имущества путем злоупотребления правом на судебную защиту, реализуемого подачей искового прошения с последующим возбуждением гражданского дела. Фактические обстоятельства, полагаемые в основу такого иска, обычно обосновываются сфальсифицированными доказательствами, на основании которых и выносится судом решение об удовлетворении требований этого иска. В зависимости от вида иска решением суда могут быть взысканы деньги с ответчика в пользу истца либо же за истцом может быть признано право собственности на какое-либо имущество, которого, соответственно, лишается ответчик, и т. п. Особую «популярность» такого рода злоупотребления правом на судебную защиту получили в сфере рассмотрения обособленных споров в рамках арбитражных дел о несостоятельности (банкротстве), целью которых являет-

Состояние преступности в ИТ-сфере за 2022–2024 годы

Календарный год наблюдения	Абсолютное число совершенных за соответствующий год ИТ-преступлений, в тыс.	Показатель роста (+) / спада (-) ИТ-преступлений по сравнению с предыдущим годом, %	Удельный вес ИТ-преступлений в системе всех преступлений, совершенных в РФ за соответствующий календарный год, %
2022	522,1	+0,8	26,5
2023	677,0	+29,7	34,8
2024	765,4	+13,1	40,0

ся искусственное увеличение требований конкурсных кредиторов для получения контроля за процедурой банкротства, а впоследствии имущества обанкрочивающегося предприятия.

Обман суда, используемый в качестве способа изъятия чужого имущества, квалифицируется на практике по ч. 1 или 3 ст. 303 и соответствующей части ст. 159 УК РФ. Причем практика квалификации таких хищений достаточно единообразна и стабильна. Определенную легитимность придают ей и разъяснения Верховного Суда РФ в постановлении его Пленума от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» [12], которые, во-первых, адресатом обмана при мошенничестве называют наряду с владельцем имущества также и «иное лицо» (п. 1–3) и, во-вторых, одним из вариантов окончания мошенничества указывают день вступления в силу принятого уполномоченным органом «правоустанавливающего решения» (п. 6). Указанная тенденция судебной оценки данной разновидности хищения по ст. 159 УК РФ получила одобрение и у части современных отечественных криминалистов [9; 20, с. 29].

Приведенное понимание адресата обмана при мошенничестве «размывает» границы данного состава, ведет к необоснованному их расширению и делает этот состав по сути «резиновым». Так, вследствие того, что адресатом обмана при мошенничестве и доктрина, и практика всегда признавали только владельца имущества [1, с. 30–31; 4, с. 89], объективная сторона данной формы хищения состоит в передаче имущества преступнику по воле самого владельца, то есть лица, у которого есть указанные в п. 1 ст. 209 Гражданского кодекса РФ правомочия, включая и правомочие распоряжения принадлежащим ему имуществом, определения его юридической судьбы [5, с. 124]. Однако воля владельца на передачу имущества преступнику оказывается псевдодобровольной из-за того, что она сформирована под воздействием обмана.

У юрисдикционного органа (суда) нет полномочий собственника, предусмотренных п. 1 ст. 209 ГК РФ. Его возможности определять юридическую судьбу того или иного имущества производны от особой конституционной функции – разрешать в процессуальной

форме систематически возникающие в обществе ситуации конфликтного характера для защиты установленного правопорядка и утверждения социальной справедливости (правосудия) [13, с. 88–90]. И, наконец, при обмане суда воля владельца имущества, выступающего ответчиком в споре, не искажается – данная воля не формируется у него в принципе, так как он не желает передавать преступнику имущество, активно, как правило, против этого возражает, ввиду чего описанная ситуация скорее укладывается в рамки ненасильственного грабежа (ст. 161 УК РФ), но не мошенничества.

2. На фоне коренных социальных, политических, экономических преобразований российского общества конца XX в., после десятилетий предсказуемости развития государства большинство населения страны за короткое время оказалось за чертой бедности и было вынуждено выживать. И в условиях развалившейся системы соцзащиты, здравоохранения, потерянной идеологии вмог оставшийся наедине со своими проблемами рядовой обыватель стал искать нетрадиционные способы их решения. Поэтому вполне закономерно появление в этот период различного рода гадалок, астрологов, магов, колдунов, экстрасенсов, знахарей, народных целителей, ясновидящих и т. п. субъектов, заместивших собой советское государство с его органами здравоохранения и социальной защиты.

В принципе, отъем денег у населения под видом применения паранормальных способностей всегда оценивался как мошенничество (по ст. 159 действующего УК РФ либо по ст. 147 утратившего силу УК РСФСР 1960 г.), а занимающиеся «шулерством» преступники составляли так называемый традиционный тип личности мошенника [8, с. 20]. Однако является ли применяемый продавцами оккультно-магических услуг обман обманом в правовом смысле этого слова, способом совершения мошенничества, его конструктивным признаком, предусмотренным ч. 1 ст. 159 УК РФ? Детально исследовавший данное явление Р.А. Сабитов утвердительно отвечает на этот вопрос, относя к разновидностям обмана, предусмотренным УК и КоАП РФ, «ложь, клевету, провокацию, манипулирование, симуляцию, использование или представление поддельных документов, сбыт

поддельных денег, ценных бумаг, платежных карт, акцизных марок и другие обманные действия» [14, с. 62].

Приведенная широкая трактовка обмана представляется нам неправильной, ибо она уничтожает его самобытность как психолого-юридического феномена. При таком понимании обман утрачивает свою определенность. Кроме того, отнесение к обману лжи, клеветы, манипулирования и др. противоречит определению обмана, сформулированному тем же автором как «способ воздействия на человеческую психику, который состоит в умышленном введении в заблуждение другого лица или поддержании имеющегося у него заблуждения путем передачи не соответствующей действительности информации и (или) несообщения о различных фактах, вещах, явлениях, событиях, действиях с целью склонить это лицо к определенному поведению» [14, с. 62].

Как нам представляется, информация, составляющая сущность обмана, которую сообщает потерпевшему или скрывает от него преступник, должна быть объективно проверяемой. В связи с этим следует поддержать М.Н. Шипунову, которая пределы преступного обмана увязывает (в числе прочего) с содержанием распространяемой информации, почему, по ее мнению, «невозможен обман в оценочных суждениях и явлениях, в отношении которых отсутствует мерилом достоверности» [19, с. 10]. Таким образом, не может составлять содержание мошеннического обмана информация, ложность, нелепость, странность которой очевидна уже в самый момент ее передачи адресату.

При рекламировании и предложении своих «оккультно-магических услуг» шулер («колдун», «волшебник», «маг», «экстрасенс» и т. п.) эксплуатирует невежество потерпевшего, с одной стороны, а с другой – его особое психологическое состояние (подавленность, разочарование, депрессия, удрученность), порожденное сложившейся с участием потерпевшего тяжелой жизненной ситуацией (тяжелое заболевание, не излеченное средствами традиционной медицины, смерть близких, серия жизненных неудач – потеря работы, распад семьи и т. д.). Данные особенности «потребителя» оккультных услуг пограничны с пороками воли, обусловливаемыми либо не-

совершеннолетним возрастом, либо расстройством душевной деятельности.

3. Следующим примером расширитального толкования уже других уголовно-правовых запретов из группы хищений в главе 21 УК РФ (ст. 161, 162) является указание Пленума Верховного Суда РФ, данное в абзаце пятом п. 23 постановления от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» [11], о необходимости квалификации как разбоя той ситуации, когда в целях хищения имущества в организм потерпевшего для приведения его в беспомощное состояние обманом вводится опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество. Если же используемое для хищения вещество, вводимое обманом в организм потерпевшего, не представляет опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием.

Где же в описанной Пленумом ситуации наблюдаются нападение и насилие, опасное для жизни или здоровья (угроза его применения), являющиеся конструктивными объективными признаками разбоя (ч. 1 ст. 162), либо же только насилие, пусть и не опасное для жизни или здоровья (либо угроза применения такового), свойственное квалифицированному грабежу (п. «г» ч. 2 ст. 161)? Думается, ничего общего ни с насилием, ни с нападением обман, используемый преступником для введения в организм потерпевшего описанных выше веществ, не имеет хотя бы потому, что в других руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ нападение определяется как «действия, направленные на достижение преступного результата путем применения насилия над потерпевшим либо создания реальной угрозы его немедленного применения» (абзац первый п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 [10]). В свою очередь, физическое насилие – это применение преступником своей или чужой физической силы (воздействие на тело потерпевшего или собственной мускульной силы, или же различных предметов (палка, кастет), или же с привлечением животных, мускульной силы других лиц (невменяемых, малолетних и пр.)) [15].

Таким образом, приведенные разъяснения Пленума основываются на таком толковании понятий насилия и нападения, которое расширяет их смысловое поле, включая в него также и обманный способ влияния на потерпевшего для доведения его до беспомощности.

**Оценка
сложившихся стандартов
квалификации
отдельных посягательств
против собственности,
формально не запрещенных
действующим УК РФ**

Оsmелимся предположить, что в будущем прецедентов судебного «приспособления» существующих в УК запретов хищений к новым криминальным реалиям страны будет еще больше. И приведенные выше примеры – далеко не последние и отнюдь не единственные. Это связано с традиционно-высоким удельным весом хищений в структуре существующей преступности в Российской Федерации, с беспрецедентно быстрым развитием научно-технического прогресса, «виртуализацией» и «цифровизацией» всех сторон жизни человека, перемещением самой этой жизни в интернет-пространство. И, думается, не стоит питать иллюзий насчет того, что федеральный законотворец в будущем будет если и не упраждать (что объективно невозможно), то хотя бы оперативно реагировать путем дополнения УК РФ наявление новых общественно опасных форм хищений, формально не запрещенных действующим законом. Закономерен вопрос: а каков же выход из такой ситуации?

Безусловно, не может быть удовлетворительным решением этой проблемы «приспособление» уголовного закона к изменяющимся внешним условиям социальной жизни, когда, по сути, в отсутствие запретов тех или иных форм общественно опасного поведения под видом истолкования имеющихся норм УК РФ (а то и откровенного применения положений Особенной части УК по аналогии) происходит правоприменительная криминализация такого поведения.

Выводы

Как нам представляется, учитывая динамику и распространенность хищений, ответственность за хищения должна быть унифицирована на законодательном уровне. Унификация в праве определяется исследователями как «способ совершенствования содержания и формы права, сведение их к чему-либо единому» [3, с. 54]. Методами же осуществления унификации, в основе которой лежит новый уровень обобщения, типизации, нормативного абстрагирования и т. п., являются «формирование правовых норм, регулирующих однородные общественные отношения», «установление единой регламентации наиболее общих оснований возникновения правоотношений, единых методов и принципов правового регулирования данных общественных отношений» [3, с. 161]. Данная унификация применительно к анализируемой нами проблематике должна быть достигнута путем создания в главе 21 УК РФ общего запрета хищения (без дифференциации его форм). В диспозиции соответствующей статьи должно быть дано общее определение понятия хищения, распространяющееся на все его формы (ст. 158–162 УК РФ), из главы 21, которое должно быть перенесено из п. 1 примечаний к ст. 158. Соответственно, такая общая норма должна применяться для привлечения к уголовной ответственности за те хищения, которые не будут охватываться признаками уже запрещенных уголовным законом форм, но тем не менее будут соответствовать родовому (общему) понятию хищения.

Средствами дифференциации ответственности за хищение вообще в предлагаемой нами общей норме могут выступить уже известные квалифицирующие обстоятельства, использованные законодателем при моделировании в УК РФ норм об ответственности за «традиционные» формы данного посягательства: совершение преступления группой лиц (той или иной ее разновидности); использование служебного положения; значительный, крупный и особо крупный размер. Представляется целесообразным осуществлять дифференциацию предлагаемой ответственности за хищение и с помощью такого сравнительно молодого для отечественного УК РФ квали-

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

фицирующего признака, как использование для совершения преступления информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борзенков, Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации) / Г. Н. Борзенков. – М. : Юрид. лит., 1971. – 168 с.
2. Гилинский, Я. И. Неокриминология. Криминология постмодерна / Я. И. Гилинский. – СПб. : Алетейя, 2025. – 278 с.
3. Кругликов, Л. Л. Унификация в уголовном праве / Л. Л. Кругликов, Л. Е. Спиридовна. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2008. – 312 с.
4. Лесняк, В. И. Объективные признаки мошенничества / В. И. Лесняк // Вестник Челябинского государственного университета. – 2004. – № 1 (7). – С. 85–91.
5. Лопашенко, Н. А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н. А. Лопашенко. – М. : Волтерс Кluвер, 2006. – 720 с.
6. Лопашенко, Н. А. Размыщения об уголовном праве. Уголовное право. Уголовная ответственность. Уголовная политика. Авторский курс : монография / Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 400 с.
7. Лунеев, В. В. Курс мировой и российской криминологии : учеб. для магистров. В 2 т. Т. 1. Общая часть / В. В. Лунеев. – М. : Юрайт, 2012. – 1003 с.
8. Окружко, В. Ю. Современное мошенничество: криминологическая характеристика и предупреждение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Окружко Виктория Юрьевна. – Ростов н/Д, 2009. – 28 с.
9. Петров, С. А. Обман суда как способ мошенничества / С. А. Петров // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 40–43.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» // Российская газета. – 1997. – № 1.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбою» (ред. от 6 февраля 2007 г. № 7, от 23 декабря 2010 г. № 31, от 3 марта 2015 г. № 9, от 24 мая 2016 г. № 23, от 16 мая 2017 г. № 17, от 29 июня 2021 г. № 22, от 15 декабря 2022 г. № 38). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (ред. от 29 июня 2021 г. № 22, от 15 декабря 2022 г. № 38) // Российская газета. – 2017. – № 280; 2021. – № 159; 2022. – № 38.
13. Ржевский, В. А. Судебная власть в Российской Федерации: конституционные основы организации и деятельности / В. А. Ржевский, Н. М. Чепурнова. – М. : Юристъ, 1998. – 216 с.
14. Сабитов, Р. А. Противоправные обманы : монография / Р. А. Сабитов. – М. : Юрлитинформ, 2024. – 520 с.
15. Симонов, В. И. Уголовно-правовая характеристика физического насилия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Симонов Владимир Иванович. – Свердловск, 1972. – 25 с.
16. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2022 года. – URL: <https://mvd.ru/reports/item/35396677>
17. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2023 года. – URL: <https://mvd.ru/reports/item/47055751>
18. Состояние преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2024 года. – URL: <https://mvd.ru/reports/item/60248328>
19. Шипунова, М. Н. Обман как уголовно-правовой феномен : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Шипунова Марина Николаевна. – Краснодар, 2024. – 23 с.
20. Яни, П. С. Вопросы квалификации мошеннического обмана суда / П. С. Яни // Законность. – 2024. – № 2. – С. 26–30.

REFERENCES

1. Borzenkov G.N. *Otvetstvennost za moshennichestvo (voprosy kvalifikacii)* [Responsibility for Fraud (Qualification Issues)]. Moscow, Jurid. lit. Publ., 1971. 168 p.
2. Gilinskij Ja.I. *Neokriminologija. Kriminologija postmoderna* [Neocriminology. Postmodern Criminology]. Saint Petersburg, Aletejja Publ., 2025. 278 p.
3. Kruglikov L.L., Spiridonova L.E. *Unifikacija v ugolovnom prave* [Unification in the Criminal Law]. Saint Petersburg, Jurid. centr Press Publ., 2008. 312 p.
4. Lesnjak V.I. *Objektivnye priznaki moshennichestva* [Objective aspects of fraud]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2004, no. 1 (7), pp. 85–91.
5. Lopashenko N.A. *Prestuplenija v sfere ekonomiki: avtorskij kommentarij k ugolovnomu zakonu (razdel VIII UK RF)* [Economic crimes: a commentary on criminal law (Section 8 of the Criminal Code)]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2006. 720 p.
6. Lopashenko N.A. *Razmyshlenija ob ugolovnom prave. Ugolovnoe pravo. Ugolovnaja otvetstvennost. Ugolovnaja politika. Avtorskij kurs: monografija*

[Thoughts on Criminal Law. Criminal Law. Criminal Responsibility. Criminal Law Policies. Original Course. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2019. 400 p.

7. Luneev V.V. *Kurs mirovoj i rossiskoj kriminologii: ucheb. dlja magistrov. V 2 t. T. 1. Obshchaja chast* [Global and Russian Criminology: a Textbook for Master's Studies. In 2 Vols. Vol. 1. General Part]. Moscow, Jurajt Publ., 2012. 1003 p.

8. Okruzhko V.Ju. *Sovremennoe moshennichestvo: kriminologicheskaja harakteristika i preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Present-Day Fraud: Criminological Aspects and Prevention. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Rostov-on-Don, 2009. 28 p.

9. Petrov S.A. *Obman suda kak sposob moshennichestva* [Deception of Court as a Type of Fraud]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2013, no. 6, pp. 40-43.

10. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 17 janvarja 1997 g. № 1 «O praktike primenenija sudami zakonodatelstva ob otvetstvennosti za banditizm» [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of January 17, 1997 No. 1 “On Court Practice of Applying Legislation on Responsibility for Organized Crime”]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette], 1997, no. 1.

11. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda ot 27 dekabrya 2002 g. № 29 «O sudebnoj praktike po delam o krazhe, grabezhe i razboye» (v redakcii postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 6 fevralja 2007 g. № 7, ot 23 dekabrya 2010 g. № 31, ot 3 marta 2015 g. № 9, ot 24 maja 2016 g. № 23, ot 16 maja 2017 g. № 17, ot 29 iyunja 2021 g. № 22, ot 15 dekabrya 2022 g. № 38) [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of December 27, 2002 No. 29 “On Court Practice on Cases of Theft, Robbery, and Robbery Assault” (As Amended by Rulings of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of February 6, 2007 No. 7, of December 23, 2010 No. 31, of March 3, 2015 No. 9, of May 24, 2016 No. 23, of May 16, 2017 No. 17, of June 29, 2021 No. 22, of December 15, 2022 No. 38)]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

12. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 30 nojabrja 2017 g. № 48 «O sudebnoj praktike po

delam o moshennichestve, prisvoenii i rastrate» (v redakcii postanovlenij Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 29 iyunja 2021 g. № 22, ot 15 dekabrya 2022 g. № 38) [Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of November 30, 2017, No. 48 “On Court Practice on Cases of Fraud, Misappropriation, and Embezzlement” (As Amended by Rulings of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation of June 29, 2021, No. 22, of December 15, 2022, No. 38)]. *Rossijskaja gazeta* [Russian Gazette], 2017, no. 280; 2021, no. 159; 2022, no. 38.

13. Rzhevskij V.A., Chepurnova N.M. *Sudebnaja vlast v Rossijskoj Federacii: konstitucionnye osnovy organizacii i dejatelnosti* [Judicial Power in the Russian Federation: Constitutional Foundations of Its Organization and Activities]. Moscow, Jurist Publ., 1998. 216 p.

14. Sabitov R.A. *Protivopravnye obmany: monografija* [Unlawful Deception. Monograph]. Moscow, Jurlitinform Publ., 2024. 520 p.

15. Simonov V.I. *Ugolovno-pravovaja harakteristika fizicheskogo nasilija: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal Law Characteristics of Physical Violence. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Sverdlovsk, 1972. 25 p.

16. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2022 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2022)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/35396677>

17. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2023 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2023)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751>

18. *Sostojanie prestupnosti v Rossijskoj Federacii za janvar-dekabr 2023 goda* [Crime Statistics of the Russian Federation (January–December 2024)]. URL: <https://мвд.рф/reports/item/60248328>.

19. Shipunova M.N. *Obman kak ugolovno-pravovoj fenomen: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Deception as a Criminal Law Phenomenon. Cand. jurid. sci. abs. diss.]. Krasnodar, 2024. 23 p.

20. Jani P.S. *Voprosy kvalifikacii moshennicheskogo obmana suda* [Qualification Issues of Fraudulent Deception of Court]. *Zakonnost* [Legality], 2024, no. 2, pp. 26-30.

Information About the Authors

Alexey P. Rozhnov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Vyacheslav G. Ponomarev, Senior Lecturer, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>

Информация об авторах

Алексей Петрович Рожнов, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, rozhnov@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5465-6978>

Вячеслав Геннадиевич Пономарев, старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ponomarev@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5929-5478>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.12>UDC 347.4
LBC 67.408.1Submitted: 18.05.2025
Accepted: 10.11.2025

THE SOCIAL DETERMINACY OF ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR SEXUAL CRIMES AGAINST PERSONS UNDER THE AGE OF 16

Nikolay A. Ershov

Pushkin Leningrad State University, Pushkin, Russian Federation

Introduction: modern criminal legislation presupposes criminal prosecution for sexual intercourse between an adult and a minor child between the ages of 12 and 16, even in situations of explicit consent by the injured party. Liability is established by Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation. According to official statistics, over the past 10 years there has been a steady increase in the number of such criminal assaults, which is why there is a need to identify the causes contributing to both the development of the criminal law prohibition itself and the increase in crime in the form of nonviolent sexual acts with children. **Purpose:** to study social determinants in order to identify the main factors influencing the development of criminal liability for adults entering into intimate relationships with adolescents. **Methods:** the general and specific scientific methods of inquiry: (deduction-induction, analysis-synthesis), the statistical analysis method, the systematic approach. **Results:** based on the results of the study, the author **concludes** that the social determinacy of the establishment and development of criminal liability for sexual intercourse between an adult (18 years or older) and a person below the "age of consent" is characterized by both international acts ratified within the territory of the Russian Federation and a number of other reasons, among which is the imperfection of note 1 to Art. 134 of the Russian Federation, radically different perception of homosexual relations, including with teenagers, changes in the relationship between people.

Key words: sexual intercourse with minors, protection of children's rights, sexual integrity, protection of the rights of adolescents, criminal liability of adults, sexual crimes, "age of consent".

Citation. Ershov N.A. The Social Determinacy of Establishing Criminal Liability for Sexual Crimes Against Persons Under the Age of 16. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 105-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.12>

УДК 347.4
ББК 67.408.1Дата поступления статьи: 18.05.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, НЕ ДОСТИГШИХ 16 ЛЕТ

Николай Андреевич Ершов

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, г. Пушкин, Российская Федерация

© Ершов Н.А., 2025

Введение: современное уголовное законодательство предполагает привлечение к уголовному наказанию за половое сношение совершеннолетнего с несовершеннолетним ребенком в возрасте от 12 до 16 лет даже в ситуациях явно выраженного на то согласия потерпевшей стороной. Ответственность установлена ст. 134 Уголовного кодекса РФ. По данным официальной статистики, за последние 10 лет происходит планомерное увеличение числа таких преступных посягательств, ввиду чего имеется необходимость в установлении причин, способствующих как развитию самого уголовно-правового запрета, так и росту преступности в виде ненасильственных половых актов с детьми. **Цель:** изучить социальные детерминанты для определения основных факторов, влияющих на развитие уголовной ответственности за вступление совершеннолетними лицами в интимные отношения с подростками. **Методы:** общие и частнонаучные методы познания (дедукция-индукция, анализ-синтез), метод статистического анализа, системный подход. По **результатам** проведен-

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

ного исследования автор приходит к выводу о том, что социальная обусловленность установления и развития уголовной ответственности за вступление в половой акт лица, достигшего возраста 18 лет, с лицом, не достигшим возраста согласия, характеризуется как международными актами, ратифицированными на территории Российской Федерации, так и рядом других причин, к числу которых относятся неидеальность примечания 1 к ст. 134 УК РФ, кардинально иное восприятие гомосексуальных связей, в том числе с подростками, изменения во взаимоотношениях между людьми.

Ключевые слова: половое сношение с несовершеннолетними, защита прав детей, половая неприкосновенность, охрана прав подростков, уголовная ответственность совершеннолетних, сексуальные преступления, возраст согласия.

Цитирование. Ершов Н. А. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за совершение преступлений сексуального характера в отношении лиц, не достигших 16 лет // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 105–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.12>

Введение

Несовершеннолетние всегда остаются особым объектом охраны от противоправных посягательств, и обеспечение нормального физического, психологического состояния и благополучия ребенка, защиты их прав, в том числе на половую неприкосновенность, является одной из приоритетных задач правоохранительных органов и государства в целом.

За сексуализированные действия между совершеннолетним гражданином и лицом, которое не достигло 16 лет, исключающие применение насилия или угрозу применения такого насилия, а также отсутствие явно выраженного несогласия на вступление в интимные отношения, предусматривается уголовная ответственность вплоть до пожизненного лишения свободы ст. 134 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ).

Регулярные попытки совершенствования уголовного законодательства и разработка различных законопроектов, направленных на ужесточение санкций за половые преступления, объясняются постоянным ростом преступности в данной сфере и отрицательной динамикой в их снижении.

По официальным данным за первое полугодие 2024 г., по главе 18 УК РФ «Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы» осуждено 3 913 человек (по основной статье) и 3 666 человек (при допол-

нительной квалификации), из них 1 776 – по ст. 134 УК РФ. При этом 286 человек на момент совершения преступления имели непогашенную или неснятую судимость, 99 признаны совершившими преступление при рецидиве, 7 – при опасном рецидиве, 1 – при особо опасном рецидиве, а к лишению свободы по всем частям ст. 134 УК РФ привлечены 253 человека [5]. Указанная норма уголовного закона претерпела последние изменения в 2013 г. благодаря введению в действие Федерального закона от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ, после чего с 2016 г. отмечается хоть и незначительный, но стабильный рост числа таких преступных посягательств. В этой связи закономерно и справедливо ставится вопрос о социальной обусловленности установления уголовной ответственности за половое сношение с подростками и перспективах совершенствования уголовного законодательства (см. таблицу) [2].

Методология

Настоящее исследование основано на применении ряда общенаучных и частнонаучных методов познания, характерных при рассмотрении причин установления конкретных уголовно-правовых запретов и их дальнейшего влияния на преступность, общество и государство. Метод статистического анализа через корреляцию и регрессию используется в це-

Количество выявленных преступлений по ст. 134 УК РФ с 2016 по 2023 год

Год	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023
Число преступлений	2 571	2 603	2 622	2 415	2 197	2 595	2 619	2 701

лях определения взаимосвязей между несколькими факторами, влияющими на показатели преступности по всей стране.

Системный подход к проведению исследования обеспечивает возможность четкого формулирования предложений, способных скорректировать норму уголовного закона в условиях современных тенденций развития общества и взаимоотношений между людьми.

Результаты исследования

Необходимость установления уголовно-правового запрета на половые сношения с лицом, не достигшим 16-летнего возраста, определяется высоким ростом количества преступлений по всей России и спецификой объекта преступления. В целом справедливо именовать преступление, предусмотренное ст. 134 УК РФ, многообъектным, поскольку виновное лицо посягает одновременно на несколько связанных друг с другом охраняемых законом интересов: и физическое, психологическое здоровье несовершеннолетних, и их половая неприкосновенность, и общественная нравственность, несмотря на то что норма не входит в раздел 5 УК РФ.

Моральные и нравственные нормы гражданского общества России постоянно меняются и в значительной степени обуславливаются политическим устройством государства, зависимостью его от религии в той или иной степени, качества жизни и позиции по сексуальным отношениям между мужчинами и женщинами или представителями одного пола, а также от продолжительности жизни, здоровья граждан. Так, до 1917 г. уголовно-правовые нормы, направленные на защиту детей от сексуальных посягательств, были тесно связаны с каноническим правом и религией в целом, учитывались сформировавшиеся традиции конкретной территории. Например, в 1871 г. в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных была введена ст. 1525.1, снижающая «возраст согласия» несовершеннолетней исключительно для Закавказского края [12]. А в период зарождения социалистического государства предусматривалась охрана половой неприкосновенности только при традиционной форме вступления в половой акт. Современные же представления об интимных

отношениях нашли свое отражение в ст. 134 УК РФ и в большей степени, чем когда бы то ни было, отвечают запросам общества.

Отношение законодателя к определению общественной опасности в целом можно проследить по изменениям, вносимым в названную норму:

– в 1998 г. произошло снижение возраста согласия с 16 до 14 лет, что привело к негативной статистике преступности [3, с. 337], и только в декабре 2003 г., после длительных исследований половой зрелости несовершеннолетних со стороны медиков, психологов и педагогов, его вернули;

– объективное понимание необходимости расширения и добавления квалифицированных составов, обусловленное динамикой развития общества, проблемами судебной и следственной практики, которое повлекло за собой и увеличение размера наказания: лишение свободы до 20 лет, а в отдельных случаях вплоть до пожизненного;

– обоснованно и справедливо дополнительным видом наказания за преступление было включено «лишение права заниматься определенной деятельностью» сроком до 20 лет.

Такие изменения хоть и носят репрессивный характер, тем не менее являются гарантом защиты половой неприкосновенности, а также жизни и здоровья несовершеннолетних; возможно, они не способствуют кратному снижению количества фактов совершения противоправных действий сексуального характера в отношении подростков, однако предопределяют недопустимость совершения отдельных сексуальных действий применительно к ним.

Согласно Декларации прав ребенка, в отношении несовершеннолетних необходимо обеспечивать безопасность и защищать их законные интересы, поскольку данная категория лиц нуждается в особой охране в силу малолетнего возраста и, как следствие, умственной и физической незрелости. Кроме того, Конвенция о правах ребенка, ратифицированная в 1990 г. предшественником России – СССР, предусматривает обязанность государства по принятию законодательных мер, направленных на охрану и защиту несовершеннолетнего от любого вида насилия: психологического, физического, а также сексуального.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПНОСТИ

Оценка деяния как преступления в социуме зависит от его общественной вредоносности, которая юридически зафиксирована в соответствующей статье, включенной в УК РФ. Половая неприкосновенность и половая свобода несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет представляют наиболее значимую часть общественных отношений и определяют характер общественной опасности деяния, ответственность за которое наступает по ст. 134 УК РФ.

Общественная опасность ненасильственных форм сексуальной связи совершенолетних с лицами, не достигшими «возраста согласия», состоит в том, что они хоть и совершаются нередко с добровольного согласия потерпевшей стороны – без насилия, шантажа, обмана или иного действия, охватывающего ст. 131 или 132 УК РФ, тем не менее связаны с удовлетворением своего полового влечения лицом, достигшим половой зрелости, вследствие чего нарушается нормальное половое и психическое развитие несовершеннолетнего ребенка. Данной позиции в том числе придерживается и Д.Е. Васильченко [1, с. 12].

Конституционный Суд РФ четко определил характер вреда, причиняемого подросткам в случае вступления с ними в сексуальные связи: 1) посягательство на общественные отношения, направленные на защиту ребенка от всех форм сексуального совращения; 2) посягательство на половую неприкосновенность, выраженную в психологической незрелости, по причине чего потерпевшая сторона не осознает в полной мере характер совершаемых с ней действий и их последствия; 3) посягательство на морально-нравственные устои при формировании личности ребенка ввиду торможения личностного развития, сокращения его социальных перспектив, препятствия получению образования; 4) посягательство на нормальное физическое развитие органов, то есть на здоровье [4].

Позиция И.П. Пелисовой и Н.М. Паршина относительно объема вреда, причиняемого таким преступным посягательством, видится наиболее обоснованной, поскольку исследуемое общественно опасное деяние действительно относится к категории преступлений, по результату совершения которых ни вред, ни ущерб возмещены быть не могут

ввиду особенности объекта преступления: невозможно оценить вред, который причинен нематериальному благу – половой неприкосновенности подростка, как это происходит, например, в налоговых преступлениях [7, с. 58; 6, с. 155].

На практике вред, причиняемый несовершеннолетнему лицу при совершении преступления, рассматривается через призму именного морального вреда. Так, в Самарской области Нефтегорским районным судом был вынесен обвинительный приговор в отношении совершенолетнего мужчины за вступление в половую связь с несовершеннолетней П.В.Г., которая, исходя из выводов суда, хоть и понимала характер и значение предложенного и добровольно дала согласие на половое сношение в естественной форме, тем не менее стала жертвой преступления, ввиду которого были нарушены ее половая неприкосновенность и нормальное нравственное и физическое развитие личности, что причинило ей моральный вред. Кроме того, дополнительным негативным последствием стала беременность последней как физический вред здоровью потерпевшей [8].

Дискуссионным видится в этой связи примечание 1 к ст. 134 УК РФ об обоснованности его введения для освобождения виновного лица от уголовной ответственности, если после совершения преступления он вступает с потерпевшей стороной в брачные отношения. Может ли исключить общественную опасность преступного посягательства сам факт бракосочетания? В судебных актах судов первой инстанции усматривается ошибочный вывод о том, что половое сношение с несовершеннолетним до 16 лет перестает быть общественно опасным, несмотря на то что эта формулировка следует из самого примечания [10; 9]. Ошибочность, по нашему мнению, заключается в том, что сама по себе регистрация брачного союза в органах ЗАГС не исключает степень общественной опасности деяния и не нивелирует факт посягательства на половую неприкосновенность несовершеннолетнего лица, психику и формирование его личности.

Причиной закрепления в Семейном кодексе РФ минимального брачного возраста, связанного с достижением лицом 18 лет, выс-

тупает необходимость исключения из практики государства «детских браков», которые противоречат в том числе международным актам. Положения ст. 13 настоящего кодекса во взаимосвязи с ч. 1 ст. 134 УК РФ исключают наступление уголовной ответственности за совершение противоправного деяния в виде полового сношения с не достигшим 16-летнего возраста подростком только после регистрации брака. При этом необходимо иметь в виду, что факт сожительства или ведения совместного хозяйства виновным лицом с потерпевшей стороной без официального признания уполномоченными органами (органами ЗАГС) таких отношений семейными не дает оснований для какого-либо другого истолкования примечания 1 к ст. 134 УК РФ. Соответственно, регистрация брака не retroactively легализует ранее совершенные преступные деяния [11; 8]. Данное примечание должно было стать исключительной мерой, направленной на защиту интересов детей, однако больше рассматривается как «злайка» для избегания уголовной ответственности: не учитываются разница в возрасте между виновным лицом и потерпевшей стороной; наличие / отсутствие беременности или какого-либо заболевания как причиненного вреда здоровью; половая зрелость потерпевшего и подтвержденная осознанность несовершеннолетнего.

Важно отметить, что добровольность вступления в интимные отношения со стороны потерпевшей стороны не равнозначна тому, что одновременно несовершеннолетнее лицо выразило данное волеизъявление и для заключения впоследствии брака с виновным. Нередко именно родителями подростка инициируется необходимость брачного союза, тогда как потерпевший лишь «подчиняется» воле своего законного представителя. На наш взгляд, следует выяснить наличие добровольности несовершеннолетнего и для квалификации преступления по ст. 134 УК РФ (вступление в половое сношение), и для применения примечания 1 (вступление в брачные отношения), в силу которого виновному хоть и назначается уголовное наказание, но он от него освобождается.

Думается, что из примечания 1 к ст. 134 УК РФ должна быть исключена оговорка о

том, что бракосочетание нивелирует общественную опасность деяния, а также его необходимо расширить дополнительными критериями, которым виновный безусловно должен соответствовать, чтобы претендовать на применение этого положения:

«1. Лицо, впервые совершившее преступление, предусмотренное частью первой настоящей статьи, освобождается судом от наказания, что не исключает общественную опасность совершенного деяния, если будет установлено, что это лицо до вынесения ему приговора вступило в зарегистрированный брак с потерпевшей (потерпевшим), при соблюдении следующих условий:

- возраст потерпевшей (потерпевшего) составляет не менее 14 лет;
- разница в возрасте между потерпевшей (потерпевшим) и подсудимым (подсудимой) составляет не более 10 лет;
- по результатам психолого-педагогической экспертизы установлена добровольность на вступление в брак потерпевшей (потерпевшего);
- по результатам судебно-психиатрической экспертизы установлена половая зрелость потерпевшей (потерпевшего);
- отсутствует физический вред, выраженный в заражении потерпевшей (потерпевшего) венерическим заболеванием, ВИЧ-инфекцией».

На наш взгляд, справедливо говорить во всех остальных случаях о невозможности освобождения виновного лица от уголовного наказания по примечанию 1, как и по ст. 76 УК РФ, так как ни одна мера, направленная на заглаживание причиненного вреда, не восстановит нормального физического, психического, психологического развития личности, морально-нравственных устоев несовершеннолетнего.

Уголовная ответственность даже за добровольные половые сношения с несовершеннолетними способствует повышению уровня осведомленности общества о проблемах и недопустимости сексуального насилия, о необходимости защиты детей и комплексного подхода к сексуальному воспитанию подростков, что важно для формирования культуры уважения и заботы о несовершеннолетних внутри семьи и в учебных заведениях.

В качестве социально-правовых предпосылок, определяющих необходимость установления уголовной ответственности за интимную близость между лицом, достигшим 18 лет, и несовершеннолетним от 12 до 16 лет, в отсутствие применения к последнему любой формы насилия, выделяются:

– закрепленная международными актами обязанность государства на законодательном уровне предусмотреть меры, направленные на охрану и защиту несовершеннолетнего от психологического, физического и сексуального насилия;

– объективно существующая и медицински обусловленная психологическая незрелость несовершеннолетних от 12 до 16 лет, в силу которой потерпевшая сторона не может на должном уровне понимать волевые и осознанные действия, совершаемые совершеннолетним лицом в отношении нее;

– недопустимость лишения подростка детства и отрочества, торможения личностного развития, сокращения его социальных перспектив, создания препятствия получению образования;

– в целом негативная тенденция по увеличению количества ненасильственных сексуальных преступлений в отношении лиц, не достигших 16-летнего возраста.

Выводы

Совершенствование правового регулирования, предписанного ст. 134 УК РФ, обуславливается острой необходимостью защиты от половых преступлений и охраны интересов подростков до 16 лет, которые обоснованно причислены к самой уязвимой категории населения.

Общественная опасность вступления в сексуализированные отношения с детьми, не достигшими «возраста согласия», характеризуется объективными и субъективными факторами: 1) опасность определяется самим фактом нарушения «возрастного ценза» на вступление в сексуальные отношения; 2) бракосочетание не нивелирует вред, причиняемый психике и физическому развитию подростка; 3) в целом такой вред не подлежит оценке и часто именуется «моральным вредом», а при наличии дополнительного негатив-

ного последствия в виде беременности или появления заболевания присоединяется физический вред; 4) даже при добровольном вступлении в сексуальную связь с подростком виновным лицом нарушаются охраняемые законом интересы и неотделимые естественные права несовершеннолетнего на нормальное и здоровое развитие всех органов в теле, психики, половой зрелости в физическом и психологическом смыслах в процессе сексуальной самоидентификации, формирование представлений о морали и нравственности при взаимодействии с социумом; 5) вред причиняется не только самому потерпевшему, но и общественным интересам, поскольку подрываются институты семьи, образования и доверия к правовой системе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильченко, Д. Е. Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, посягающими на нормальное половое и нравственное развитие детей : дис. ... канд. юрид. наук / Васильченко Дмитрий Евгеньевич. – Ростов н/Д, 2002. – 193 с.
2. Данные о назначенном наказании по статьям УК. Уголовное судопроизводство // Судебная статистика РФ. – URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17>
3. Игнатова А. А. Реформирование российского уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за ненасильственные посягательства на половую неприкосновенность лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, в рамках Уголовного кодекса 1996 г. / А. А. Игнатова // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 3-1. – С. 336–340.
4. Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 г. № 568-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Павлова Ивана Васильевича на нарушение его конституционных прав статьей 134 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. – URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionno-ogo-suda-rf-ot-21102008-n-568-o-o-ob/>
5. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775>
6. Паршин, Н. М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении не-

совершеннолетних : дис ... канд. юрид. наук / Паршин Николай Михайлович. – Саратов, 2018. – 210 с.

7. Пелисова, И. П. Поддержание государственного обвинения в отношении лиц, совершивших преступления против половой свободы несовершеннолетних / И. П. Пелисова // Правовой статус несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве Российской Федерации : материалы Всерос. (нац.) науч.-практ. конф., Красноярск, 10 дек. 2021 г. – Красноярск : Краснояр. гос. аграр. ун-т, 2022. – С. 57–60.

8. Приговор Нефтегорского районного суда Самарской области от 1 ноября 2017 г. по уголовному делу № А1-20/2017 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0lbffICNTtd9/>

9. Приговор Советского районного суда Республики Крым от 11 октября 2016 г. по уголовному делу № 1-182/2016 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kHHHRmEZJNP/>

10. Приговор Шамильского районного суда Республики Дагестан от 30 июля 2024 г. по уголовному делу № 1-29/2024 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Af93bg0FdKxT>

11. Решение Ханкайского районного суда Приморского края от 16 октября 2023 г. по административному делу № 2А-400/2023 // Судебные и нормативные акты РФ. – URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2Iu3XQOHjdYX/>

12. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных от 15 августа 1845 г. (в ред. 1885, 1909, 1912, 1913, 1914 гг.) // Россия. Законы и постановления. – Пг., 1916. – 521 с. – URL: [#mode/inspect/page/389/zoom/4](http://elib.shpl.ru/nodes/17827-t-15-ch-1-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i)

REFERENCES

1. Vasilchenko D.E. *Ugolovno-pravovye i kriminologicheskie problemy borby s prestupleniyami, posyagayushchimi na normalnoe polovoe i nравственное razvitiye detey: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal-Legal and Criminological Problems of Combating Crimes That Infringe on the Normal Sexual and Moral Development of Children. Cand. jurid. sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2002. 193 p.
2. Dannye o naznachennom nakazanii po statyam UK. Ugolovnoe sudoproizvodstvo [Information on the Punishment Imposed Under the Articles of the Criminal Code. Criminal Proceedings]. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial Statistics of the Russian Federation]. URL: <https://stat.xn—7sbqk8achja.xn-plai/stats/ug/t/14/s/17>

3. Ignatova A.A. Reformirovaniye rossiyskogo ugolovnogo zakonodatelstva, reglamentiruyushchego otvetstvennost za nenasilstvennye posyagatelstva na polovuyu neprikosnovennost lits, ne dostigshikh shestradtsatiletnego vozrasta, v ramkakh Ugolovnogo kodeksa 1996 g. [Reform of Russian Criminal Legislation Regulating Responsibility for Non-Violent Attacks on the Sexual Integrity of Persons Under the Age of Sixteen, Within the Framework of the Criminal Code of 1996]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Bulletin of the Nizhny Novgorod State University], 2013, no. 3-1, pp. 336–340.

4. Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 21 oktyabrya 2008 g. № 568-0-0 «Ob otkaze v prinyati k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Pavlova Ivana Vasilyevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav statyey 134 Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii» [Definitions of the Constitutional Court of the Russian Federation of 21.10.2008 № 568-0-0 “On the Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizen Ivan Vasilyevich Pavlov Regarding the Violation of His Constitutional Rights Under Article 134 of the Criminal Code of the Russian Federation”]. *Zakony, kodeksy i normativno-pravovyye akty Rossiyskoy Federatsii* [Laws, Codes and Regulatory Legal Acts of the Russian Federation]. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-21102008-n-568-o-0-ob/>

5. *Otchet o chisle osuzhdennykh po vsem sostavam prestupleniy Ugolovnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Report on the Number of Persons Convicted of All Types of Crimes Under the Criminal Code of the Russian Federation]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8775>

6. Parshin N.M. *Preduprezhdenie seksualnykh prestupleniy, sovershaemykh v otnoshenii nesovershennoletnikh: dis. ... kand. jurid. nauk* [Prevention of Sexual Crimes Committed Against Minors. Cand. jurid. sci. diss.]. Saratov, 2018. 210 p.

7. Pelisova I.P. Podderzhanie gosudarstvennogo obvineniya v otnoshenii lits, sovershivshikh prestupleniya protiv polovoy svobody nesovershennoletnikh [Maintaining Public Prosecution Against Persons Who Have Committed Crimes Against the Sexual Freedom of Minors]. *Pravovoy status nesovershennoletnikh v ugolovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii: materialy Vseros. (nats.) nauch.-prakt. konf.*, Krasnoyarsk, 10 dekabrya 2021 g. [Legal Status of Minors in Criminal Proceedings of the Russian Federation. Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Practical Conference]. Krasnoyarsk, Krasnoyarsk. gos. agrar. un-t, 2022, pp. 57–60.

8. *Prigovor Neftegorskogo rayonnogo suda Samarskoy oblasti ot 1 noyabrya 2017 g. po ugolovnomu delu № A1-20/2017* [Verdict of the

Neftegorsk District Court of the Samara Region
Dated November 1, 2017 in Criminal Case no. A1-20/2017]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/0lbfFICNTtd9/>

9. Prigovor Sovetskogo rayonnogo suda Respubliki Krym ot 11 oktyabrya 2016 g. po ugolovnomu delu № 1-182/2016 [Verdict of the Sovetsky District Court of the Republic of Crimea Dated October 11, 2016 in Criminal Case no. 1-182/2016]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Nornative Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kHHHRmEZJNP/>

10. Prigovor Shamilskogo rayonnogo suda Respubliki Dagestan ot 30 iyulya 2024 g. po ugolovnomu delu № 1-29/2024 [Verdict of the Shamilsky District Court of the Republic of Dagestan Dated July 30, 2024 in Criminal Case no. 1-29/2024]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and

Nornative Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Af93bg0FdKxT>

11. Resheniye Khankayskogo rayonnogo suda Primorskogo kraya ot 16 oktyabrya 2023 g. po administrativnomu delu № 2A-400/2023 [Decision of the Khankaisky District Court of Primorsky Krai Dated October 16, 2023 in Administrative Case no. 2A-400/2023]. *Sudebnye i normativnye akty RF* [Judicial and Nornative Acts of the Russian Federation]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2Iu3XQOHjdYX/>

12. Ulozheniye o nakazaniyakh ugolovnykh i ispravitelnykh ot 15 avgusta 1845 g. (v red. 1885, 1909, 1912, 1913, 1914 gg.) [Code of Criminal and Correctional Punishments of 15.08.1845]. *Rossiya. Zakony i postanovleniya* [Russia. Laws and Regulations]. URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/17827-t-15-ch-1-ulozhenie-o-nakazaniyah-ugolovnyh-i-#mode/inspect/page/389/zoom/4>

Information About the Author

Nikolay A. Ershov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law and Procedure, Pushkin Leningrad State University, Peterburgskoe Shosse, 10a, 196605 Pushkin, Russian Federation, nottesy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1358-9259>

Информация об авторе

Николай Андреевич Ершов, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, Петербургское шоссе, 10а, 196605 г. Пушкин, Российская Федерация, nottesy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-1358-9259>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>UDC 343.101
LBC 67.73Submitted: 30.08.2025
Accepted: 10.11.2025

PATHOLOGIES OF THE RUSSIAN CRIME REPORTING MECHANISM

Sergey B. Rossinsky

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Introduction: with this paper, the author continues the cycle of publications dealing with the identification and study of doctrinal problems, legislative contradictions and applied difficulties caused by the peculiarities of the original system of pre-trial criminal proceedings that developed in the Soviet period, involving the granting of jurisdictional legal personality to representatives of non-judicial law enforcement agencies. The analysis addresses the statutory shortcomings and the resulting practical deficiencies, inherent in the current mechanism of reviewing crime reports, which is implemented through the stage of initiating a criminal case. The **purpose** of the paper is to resolve the issue of the need to reform the existing mechanism for reviewing crime reports. **Methods:** in preparing the paper, the general scientific research methods were used: the dialectical method of cognition, the method of system analysis, the formal logical methods, etc., as well as the special research methods: the formal legal method, the historical legal method, the method of comparative jurisprudence, etc. The **results** of the study have made it possible to verify the unacceptability of eliminating the pathologies of the Russian mechanism for reviewing crime reports solely by eliminating the stage of initiating a criminal case as a procedurally separate stage of criminal proceedings. **Conclusions:** 1) a fundamental change in the mechanism for reviewing crime reports outside of systemic unity with other transformations of the Russian criminal process in general, and the preliminary investigation in particular, is absolutely unacceptable; 2) the existing procedure for initiating pretrial proceedings, despite all attempts at modernization, has long failed to meet the profoundly changed conditions of the development of Russian society and inextricably linked needs of law enforcement practice.

Keywords: initiation of a criminal case, pretrial proceedings, initiation of a preliminary investigation, powers of the inquirer, powers of the investigator, verification of the crime report, consideration of the crime report.

Citation. Rossinsky S.B. Pathologies of the Russian Crime Reporting Mechanism. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 113-119. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>

УДК 343.101
ББК 67.73Дата поступления статьи: 30.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПАТОЛОГИИ РОССИЙСКОГО МЕХАНИЗМА РАССМОТРЕНИЯ СООБЩЕНИЙ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Сергей Борисович Россинский

Институт государства и права РАН, г. Москва, Российская Федерация

Введение: настоящей статьей автор продолжает цикл публикаций, посвященных выявлению и исследованию доктринальных проблем, законодательных противоречий и прикладных трудностей, обусловленных особенностями сложившейся в советский период самобытной системы досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение юрисдикционной правосубъектностью представителей внесудебных правоохранительных органов. Рассматриваются нормативные шероховатости и вызванные ими практические недостатки, присущие механизму рассмотрения сообщений о преступлениях, в настоящее время подлежащему осуществлению посредством стадии возбуждения уголовного дела. **Цель** статьи сводится к разрешению вопроса о потребности в реформировании существующего механизма рассмотрения сообщений о преступлениях. **Методы:** при подготовке статьи использовались общенаучные методы исследования: диалектический метод познания, метод системного анализа, формально-логические и др., а также специальные методы исследования: формально-юридический, историко-правовой, метод сравнительного правоведения и др. **Результаты** проведенного исследования позволили убедиться в неприемлемости устранения пато-

логий российского механизма рассмотрения сообщений о преступлениях исключительно посредством ликвидации стадии возбуждения уголовного дела как процессуально обособленного этапа уголовного судопроизводства. **Выводы:** 1) кардинальное изменение механизма рассмотрения сообщений о преступлениях вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности является абсолютно неприемлемым; 2) существующий порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, досудебное производство, начало предварительного расследования, полномочия дознавателя, полномочия следователя, проверка сообщения о преступлении, рассмотрение сообщения о преступлении.

Цитирование. Россинский С. Б. Патологии российского механизма рассмотрения сообщений о преступлениях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 113–119. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.13>

Введение

Как известно, рассмотрение сообщения о преступлении – это самая первая, дебютная фаза деятельности органов дознания и предварительного следствия, вызванная потребностью в разрешении поступившего «сигнала» о выходящих за рамки обыденности и предположительно связанных с чьим-либо криминальным поведением обстоятельствах. Причем ввиду предопределенности природными закономерностями познания человечеством фрагментов объективной реальности подобные потребности были и остаются свойственными любым некогда бытовавшим и продолжающим бытовать формам и методам уголовной юстиции начиная с глубокой древности. Соответствующие указания или, по крайней мере, нормативные намеки можно обнаружить в подавляющем большинстве когда-либо существовавших национальных и зарубежных источников «уголовно-судебного», в том числе уголовно-процессуального права.

В современной России такие задачи решаются посредством стадии возбуждения уголовного дела – самостоятельного, процессуально обособленного этапа работы органов дознания и предварительного следствия, состоящего в попытках выявления условий и предпосылок для начала (как бы «открытия») нового уголовного судопроизводства, то есть создания надлежащей правовой ауры для возникновения и развития полноценных уголовно-процессуальных правоотношений. Основная цель этой стадии заключается в разрешении юридической дилеммы о надобности ли-

бо ненадобности осуществления публичного уголовного преследования в отношении установленного либо еще неустановленного лица (вариативно – двух или более лиц). Только в случае «положительного» ответа на данный вопрос и официального объявления о начале реализации соответствующих намерений в постановлении о возбуждении уголовного дела – ввиду выявления признаков преступления – сотрудникам органов дознания и предварительного следствия дозволено использовать весь предусмотренный законом арсенал процессуальных полномочий, требуемых для изобличения потенциального обвиняемого (потенциальных обвиняемых) в совершении инкриминируемого деяния (инкриминируемых деяний). Лишь после возбуждения уголовного дела появляются правовые возможности производства основной массы когнитивных приемов, способствующих полному, всестороннему и объективному установлению обстоятельств случившегося, формированию необходимой для обоснования позиции обвинения доказательственной базы; одновременно возникают условия для применения мер пресечения, иных правоограничительных мер, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) правообеспечительных механизмов и пр.

В этой связи нетрудно заметить, что российскому механизму рассмотрения сообщений о преступлениях свойственны некоторые отклонения от «традиционных» способов решения подобных задач, характерных для большинства других стран. Такие отклонения –

своебразные юридические патологии – приводят к ряду никак не поддающихся преодолению нормативных шероховатостей и практических трудностей. Им и посвящена настоящая статья.

Нормативные шероховатости механизма рассмотрения сообщений о преступлениях

Итак, ввиду прелиминарности стадии возбуждения уголовного дела, ее пребывания как бы в «предпроцессуальном» пространстве (до официального объявления о начале досудебного производства посредством соответствующего постановления) нормативному регулированию механизма рассмотрения сообщений о преступлениях присущи достаточно ощутимые шероховатости, в течение многих лет оказывающие негативное влияние на правоприменительную практику.

Так, с одной стороны, из смысла закона существует четкий, признаваемый всеми и вполне логичный мораторий на использование подавляющего большинства находящихся в арсенале дознавателей и следователей процессуальных инструментов, в противном случае сама концепция «открытия процесса» посредством процедуры возбуждения уголовного дела просто лишилась бы всякого смысла. В частности, рассматривающим сообщения о преступлениях должностным лицам запрещается проводить допросы, предъявления для опознания, обыски, прочие следственные действия, составлять протоколы задержания подозреваемых, применять иные меры принуждения и т. д. за исключением некоторых прямо предусмотренных в УПК РФ вынужденных «послаблений», выраженных в дозволенности осуществления вообще не терпящих промедления осмотров мест происшествий, предметов, документов, трупов, освидетельствований, назначений судебных экспертиз. Исходя из некогда возникших замыслов законодателя, такие процессуальные препятствия должны способствовать законности правоприменительной практики, усиливать степень защищенности от «полицейского произвола», снижать риски необоснованных ограничений прав личности [5, с. 11–12; 6, с. 19–20].

С другой стороны, существующие запреты приводят к невозможности надлежащего собирания и оформления полезных, прежде всего предрасположенных к потере или изменению сведений, к неспособности получения соответствующих доказательств по горячим следам – в первые часы или сутки после «сигнала» о преступлении, то есть в наиболее благоприятный для выяснения обстоятельств случившегося период. Конечно, следователи и сотрудники органов дознания вправе активно использовать (и используют!) познавательный потенциал допустимых до возбуждения уголовного дела осмотров, освидетельствований, судебных экспертиз – тех самых вынужденных «послаблений». Кстати, большинство указанных дозволений появилось лишь в 2008 и 2013 гг.¹, тогда как ранее разрешалось проводить лишь осмотры мест происшествий. Но подобные возможности весьма лимитированы – они просто не в состоянии обеспечить удовлетворение всех возникающих на стадии возбуждения уголовного дела познавательных потребностей, а результаты их использования не в состоянии заменить результаты других следственных действий, в первую очередь допросов и обысков.

И в этой связи субъектам рассмотрения сообщений о преступлениях приходится обходиться иными «подручными средствами» и способами получения необходимых для их разрешения сведений. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ вполне допустимо прибегать к помощи непроцессуальных когнитивных приемов: получению объяснений, некоторому истребованию предметов и документов, назначению ревизий, документальных проверок, прочих внеэкспертных исследований и т. д.; кроме того, разрешается письменно обращаться за содействием к персоналу оперативно-разыскных подразделений правоохранительных органов.

Вместе с тем результаты подобных мероприятий ввиду их необремененности надлежащими процессуальными гарантиями доброкачественности вряд ли можно признать абсолютно полноценными средствами доказывания, равными по юридической силе доказательствам, полученным в ходе дознания, предварительного следствия и тем более судебного заседания [7, с. 130]. Даже несмотря

на предпринятую в 2013 г., к слову весьма неудачную, правотворческую попытку придания этим сведениям и материалам большей статусности и официальности за счет предусмотренной ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ вроде бы как возможности их использования в качестве доказательств и одновременное усиление формализации порядка рассмотрения сообщений о преступлениях путем введения ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ, в реальности подобные информационные активы так и не смогли заслужить должного признания у практических работников. Особого доверия к ним не наблюдается ни со стороны сотрудников и руководителей органов предварительного расследования, ни тем более со стороны прокуроров, судей и, разумеется, адвокатов. Кстати, именно этим во многом и объясняется низкая вос требованность предусмотренной гл. 32.1 УПК РФ сокращенной формы дознания, изначально основанной на приоритетности использования в качестве средств доказывания сведений и материалов, полученных в ходе рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Другими словами, сфера применения результатов упоминаемых в ч. 1 ст. 144 УПК РФ не-процессуальных приемов, как правило, ограничивается лишь стадией возбуждения уголовного дела – их познавательный потенциал преимущественно пригоден только для принятия соответствующих процессуальных решений. Тогда как для потребностей последующей правоприменительной практики, в первую очередь для нужд уголовно-процессуального доказывания, они достаточно часто оказываются бесполезными.

Таким образом, должностные лица органов дознания и предварительного следствия после возбуждения уголовных дел сталкиваются с необходимостью повторного получения ранее полученных сведений, итеративного установления уже установленных обстоятельств, но в уголовно-процессуальной форме: посредством обысков вместо «полицейских» досмотров и оперативных обследований, допросов вместо получения объяснений и т. д. Встречаются даже случаи, связанные с назначением дополнительных или повторных судебных экспертиз, они предопределяются предусмотренными ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ возможностями заявления участниками

со стороны защиты или потерпевшими соответствующих, причем не подлежащих отклонению ходатайств.

Практические недостатки механизма рассмотрения сообщений о преступлениях

И в этой связи дознавательская и следственная практика обременяется множеством дополнительных проблем и недостатков. В частности, увеличиваются объемы уголовных дел, процессуальные сроки; возрастает служебная нагрузка. Кроме того, нередко наблюдается обесценивание процессуальной формы и выхолащивание подлинной роли процессуальных доказательств, то есть не просто полезных сведений, а познавательных ресурсов, накопленных в строго установленном законом порядке с учетом существующих правовых гарантит их доброкачественности, главным образом юридической пригодности для обоснования приговоров, постановлений о привлечении в качестве обвиняемого, обвинительных актов либо иных ответственных решений. Такие недостатки хорошо заметны на примерах проводимых следователями и дознавателями допросов потерпевших и свидетелей в случаях предварительного получения от них «доследственных» объяснений в отношении тех же самых обстоятельств. Ведь именно добытые по горячим следам объяснения (а не сформированные в дальнейшем показания!) предрасположены к наиболее точному и детальному отражению случившегося, в том числе к досягаемой вербальной реконструкции обстановки места происшествия, внешности и других идентификационных признаков предполагаемого преступника, его конкретных действий (бездействия), поведения присутствующих лиц, иных имеющих значение для уголовного дела подробностей. Тогда как формируемые посредством проводимых по прошествии определенного времени допросов свидетельские показания (показания потерпевших) ввиду понятных психофизиологических причин обычно уже не могут характеризоваться столь высокой точностью и беспробельностью. Поэтому нередко возникают соблазны использования явно недопустимой прикладной технологии, состоя-

щей в фактической подмене полноценного допроса банальным переписыванием в протокол содержания ранее полученных от данного лица «доследственных» объяснений. А в связи с повсеместной компьютеризацией право-применительной практики и появлением технических возможностей изготовления основной массы процессуальных документов с помощью известных текстовых редакторов подобные соблазны только усилились – реализация таких недобросовестных намерений на сегодняшний день сводится лишь к злоупотреблению примитивным компьютерным алгоритмом copy → paste (копировать → вставить).

Наибольшие проблемы все же возникают в работе с добытыми до возбуждения уголовного дела, но при этом не предрасположенными к многократному получению сведениями об обнаружении и изъятии имеющих значение для доказывания предметов или документов. Например, найденные и реквизированные в ходе «доследственного» досмотра орудия совершения преступления, похищенные вещи и т. п. не могут быть повторно найдены и реквизированы посредством обыска в жилище подозреваемого, отысканные и изъятые во время фактического задержания лица наркотики, оружие, взрывные устройства, взрывчатые вещества не подлежат повторному отысканию и изъятию в ходе личного обыска, сопутствующего составлению дознавателем или следователем протокола задержания и т. д., если, конечно, не постараться, грубо нарушив закон, возвратить нечто обнаруженное на прежнее место, то есть как бы «запихнуть его назад». В этой связи в правоприменительной практике давно изобретены хорошо известные «обходные пути», вроде бы как позволяющие создать иллюзию соблюдения закона, а фактически предполагающие игнорирование принципиально не подлежащих выполнению (!) предписаний. Они состоят в позиционировании материалов непроцессуальных мероприятий – всевозможных протоколов досмотров, добровольных выдачей, актов изъятий, истребований, приемов-передач и тому подобных документов в качестве полноценных средств уголовно-процессуального доказывания, предусмотренных ст. 84 УПК РФ («Иные документы»). Кроме того, в случаях возбуждения уголовных дел о пре-

ступлениях коррупционной направленности нередко встречаются «маскировочные» подмены полноценных обысков осмотрами мест происшествий, осуществлямыми во время задержания взяточодателей (взяточников и посредников и т. п.) с поличным.

Механизм рассмотрения сообщений о преступлениях как предмет постоянных споров и обсуждений

Ввиду вышеизложенного неудивительно, что свойственные рассмотрению сообщений о преступлениях столь серьезные нормативные шероховатости и вызываемые ими никак не поддающиеся преодолению практические недостатки – объекты постоянной критики и скептических оценок. Уже не первый год в среде специалистов: парламентариев, общественных деятелей, представителей прокуратуры, органов предварительного расследования, адвокатуры и, конечно, ученых-процессуалистов – обсуждаются вопросы и ведутся достаточно ожесточенные споры и дискуссии о перспективах дальнейшего сохранения стадии возбуждения уголовного дела, по крайней мере в существующем виде. Высказываются самые разные позиции: от ее полного упразднения [3, с. 11–12; 4, с. 58], в том числе по примеру ряда стремящихся к «европеизации» досудебного производства постсоветских государств, до сохранения *status quo* [1, с. 55; 2] и даже реставрации некоторых аннулированных в недавнем прошлом процедурных деталей [8, с. 50–51]. К слову, наиболее ярыми сторонниками ликвидации стадии возбуждения уголовного дела, конечно, являются представители органов предварительного расследования. Ведь эти перспективы, безусловно, привлекательны избавлением от части обременительных формальностей, сокращением служебной нагрузки, устраниением потребностей в преодолении множества практических затруднений, освобождением от гнета прокурорского надзора за законностью и обоснованностью принимаемых по результатам рассмотрения сообщений о преступлениях решений.

Вместе с тем согласиться с подобными, к слову достаточно тенденциозными, мне-

ниями все же нельзя. Ведь замыслы разработчиков некогда введенной в сферу уголовно-процессуального регулирования стадии возбуждения уголовного дела: члена-корреспондента Академии наук СССР М.С. Стrogовича и других крупнейших советских специалистов в области уголовной юстиции, по всей вероятности, были далеко не такими беспочвенными, какими могут показаться на первый взгляд. Тем более они вряд ли являлись воплощением правотворческого волюнтаризма, предопределялись стремлениями к созданию бессмысленных помех продуктивности дознавательской и следственной практики. Наоборот, эти замыслы, скорее всего, обуславливались намерениями обеспечить подлинную легитимность предварительного расследования в условиях сформировавшейся к тому времени самобытной системы советского досудебного производства по уголовному делу, предполагающей наделение внесудебных правоохранительных органов юрисдикционной правосубъектностью, обычно свойственной исключительно судам или специальным судебно-следственным чиновникам. Поэтому можно с уверенностью допустить, что в случае желаемой многими специалистами ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вновь проявятся несколько подзабытые, но никоим образом не изжитые, а лишь отодвинутые на задний план «слабые звенья» советской системы досудебного производства. По крайней мере, никаких альтернативных способов их нивелирования на сегодняшний день не предлагается! А ввиду либерализации правопорядка, усиления криминогенности общества и прочих присущих современной России факторов подобные «слабые звенья» предрасположены к более опасным по сравнению с советским периодом формам и воплощениям – вполне предсказуемы серьезные проблемы, которые уже наблюдаются в отмахнувшихся от механизмов возбуждения уголовного дела постсоветских государствах. И прежде всего актуализируются вопросы внесудебного формирования полноценных, изначально пригодных к использованию для обоснования приговоров (иных правоприменительных актов) средств доказывания. Причем в силу предопределенных ч. 2 ст. 50 Конституции РФ повышенных требований к допустимости доказа-

тельств эти проблемы станут гораздо более заметными. Кроме того, лишившись права на отказ в возбуждении уголовного дела, органы предварительного расследования столкнутся с потребностью в безусловном принятии к производству огромного, превышающего разумные пределы количества как бы уже «возбужденных» материалов о преступлениях, намного превосходящего советские «цифры», и т. д.

Заключение

Таким образом, кардинальное изменение механизма рассмотрения сообщений о преступлениях, выраженное в ликвидации стадии возбуждения уголовного дела вне системного единства с другими преобразованиями российского уголовного процесса в целом и предварительного расследования в частности является абсолютно неприемлемым. Тем более оно невозможно без четкого и ясного понимания направлений и перспектив затевающихся реформ.

Нужны ли в настоящее время подобные преобразования? Думается, что да! Ведь существующий, то есть «советский» порядок начала досудебного производства, несмотря на все попытки модернизации, и в самом деле уже давно перестал соответствовать сильно изменившимся условиям развития российского общества и неразрывно связанным с ними потребностям правоприменительной практики. К тому же у автора настоящей статьи есть четкие представления о характере и содержании правотворческих шагов, требуемых для преодоления нормативных шероховатостей и практических недостатков, присущих предусмотренному действующим законом механизму рассмотрения сообщений о преступлениях. Эти идеи планируются к рассмотрению в очередных публикациях.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См.: Федеральный закон от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 49. Ст. 5724 ; Федеральный закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Там же. 2013. № 9. Ст. 875.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков, В. М. Проблемы стадии возбуждения уголовного дела / В. М. Быков // Журнал российского права. – 2006. – № 7. – С. 53–67.
2. Волеводз, А. Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А. Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.
3. Гаврилов, Б. Я. ХХ лет российскому уголовно-процессуальному закону: соответствует ли он научным взглядам и требованиям правопримениеля / Б. Я. Гаврилов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 7–14.
4. Кругликов, А. П. Нужна ли стадия возбуждения уголовного дела в современном уголовном процессе России? / А. П. Кругликов // Российская юстиция. – 2011. – № 6. – С. 56–59.
5. Ляхов, Ю. А. Правовое регулирование стадии возбуждения уголовного дела / Ю. А. Ляхов. – М. : Приор-Издат, 2005. – 72 с.
6. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела / отв. ред. И. С. Дикарев. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Юрлитинформ, 2012. – 408 с.
7. Химичева, Г. П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г. П. Химичева. – М. : Экзамен, 2003. – 352 с.
8. Шадрин, В. С. Судьба стадии возбуждения уголовного дела / В. С. Шадрин // Законность. – 2015. – № 1. – С. 47–51.

REFERENCES

1. Bykov V.M. Problemy stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela [Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2006, no. 7, pp. 53-67.

Information About the Author

Sergey B. Rossinsky, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Professor, Chief Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Znamenka St, 10, 119019 Moscow, Russian Federation, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

Информация об авторе

Сергей Борисович Россинский, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права РАН, ул. Знаменка, 10, 119019 г. Москва, Российская Федерация, s.rossinskiy@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

2. Volevodz A.G. Uprazdnenie stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela: cena voprosa [Abolition of the Stage of Initiation of a Criminal Case: The Price of the Issue]. *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure], 2014, no. 1, pp. 80-83.

3. Gavrilov B.Ya. XX let rossijskomu ugolovno processualnomu zakonu: sootvetstvuet li on nauchnym vozzreniyam i trebovaniyam pravoprimeritelya [20th Anniversary of the Russian Criminal Procedure Law: Does It Correspond to Scientific Views and the Requirements of Law Enforcement]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2021, no. 6, pp. 7-14.

4. Kruglikov A.P. Nuzhna li stadiya vozbuздeniya ugolovnogo dela v sovre-mennom ugolovnom processe Rossii? [Is the Stage of Initiation of a Criminal Case Necessary in Modern Criminal Proceedings in Russia?]. *Rossiyskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2011, no. 6, pp. 56-59.

5. Lyakhov Yu.A. *Pravovoe regulirovanie stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela* [Legal Regulation of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. Moscow, Prior-Izdat, 2005. 72 p.

6. Dikarev I.S., ed. *Sushchnost i aktualnye problemy stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela* [The Nature and Current Problems of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. Moscow, Yurlitinform, 2012. 408 p.

7. Khimicheva G.P. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnym delam: koncepciya sovershenstvovaniya ugolovno-processualnoj deyatelnosti* [Pre-Trial Proceedings in Criminal Cases: The Concept of Improving Criminal Procedural Activity]. Moscow, Examen Publ., 2003. 352 p.

8. Shadrin V.S. Sudba stadii vozbuздeniya ugolovnogo dela [The Fate of the Stage of Initiation of a Criminal Case]. *Zakonnost* [Legality], 2015, no. 1, pp. 47-51.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ==

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

UDC 343.126.1
LBC 67.410.2

Submitted: 23.07.2025
Accepted: 10.11.2025

THE POWERS OF THE BODY OF INQUIRY TO DETAIN A SUSPECT IN A CRIME

Alina V. Kalacheva

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper reflects the results of the latest stage of scientific research conducted by the author, aimed at distinguishing the jurisdictional powers of the bodies of inquiry as participants in criminal procedural legal relations and other state authorities performed by the same bodies, sometimes by the same officials, but in a different legal regime that does not involve a criminal procedural form. The **purpose** of the study is to identify the authentic powers of the body of inquiry to be implemented during the detention of a person on suspicion of committing a crime. Research **methods:** the content and results of the conducted research are predetermined by the dialectical approach to cognition of reality; the methods of system analysis, description, comparison, as well as deduction and induction, analysis and synthesis were used as the general scientific, while the historical-legal and formal-legal methods were used as the special ones. The **results** of the study are reduced to substantiating the need to empower the bodies of inquiry with only criminal procedural powers to detain a suspect. **Conclusions:** the direct jurisdiction of the bodies of inquiry should only include the procedural components of work with detainees related to the use of this measure of coercion in the formal sense.

Key words: detention of a suspect, body of inquiry, suspect, powers of the body of inquiry, criminal procedural powers, actual detention.

Citation. Kalacheva A.V. The Powers of the Body of Inquiry to Detain a Suspect in a Crime. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 120-126. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

УДК: 343.126.1
ББК: 67.410.2

Дата поступления статьи: 23.07.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНА ДОЗНАНИЯ ПО ЗАДЕРЖАНИЮ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Алина Владимировна Калачева

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Российская Федерация

© Калачева А.В., 2025

Введение: в статье находят отражение результаты очередного этапа проводимых автором научных изысканий, направленных на разграничение юрисдикционных полномочий органов дознания как участников уголовно-процессуальных правоотношений и других государственно-властных полномочий, выполняемых теми же органами, иногда теми же должностными лицами, но в ином, не предполагающем уголовно-процессуальной формы правовом режиме. **Цель исследования** состоит в выявлении аутентичных полномо-

чий органа дознания, подлежащих реализации в ходе задержания лица по подозрению в совершении преступления. **Методы исследования:** содержание и результаты проведенного исследования предопределены диалектическим подходом к познанию реальности; в качестве общенаучных использовались методы системного анализа, описания, сравнения, а также дедукции и индукции, анализа и синтеза, тогда как в качестве специальных – историко-правовой и формально-юридический методы. **Результаты исследования** сводятся к обоснованию необходимости наделения органов дознания лишь уголовно-процессуальными полномочиями по задержанию подозреваемого. **Выводы:** к непосредственному ведению органов дознания надлежит относить лишь процессуальные компоненты работы с задержанными лицами, связанные с применением данной меры принуждения в формальном смысле.

Ключевые слова: задержание подозреваемого, орган дознания, подозреваемый, полномочия органа дознания, уголовно-процессуальные полномочия, фактическое задержание.

Цитирование. Калачева А. В. Полномочия органа дознания по задержанию подозреваемого в совершении преступления // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 120–126. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.14>

Введение

Вправе ли орган дознания задерживать лицо по подозрению в совершении преступления? Казалось бы, реакция любого специалиста на такой простой и незамысловатый вопрос должна представляться очевидной! Скорее всего, ответ имеющегося должно представление о досудебном производстве по уголовному делу человека: судьи, прокурора, адвоката, руководителя или рядового сотрудника органа предварительного расследования и даже лишь намеревающегося работать в сфере уголовной юстиции студента юридического вуза, – может быть только утвердительным. Ведь данные полномочия прямо предоставлены органу дознания в соответствии с ч. 1 ст. 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ / Кодекс); они же усматриваются из смысла п. 11 ст. 5, ч. 2 ст. 10 УПК РФ и ряда других положений Кодекса. Более того, до недавнего времени именно органы дознания формально признавались основными исполнителями задержаний подозреваемых, тогда как следователям в решении этих задач отводилась явно второстепенная роль. По крайней мере, именно таким образом были сконструированы положения ст. 122 и ч. 6 ст. 127 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г.; схожие подходы применялись и ранее – находили отражение в нормах еще более архаичных законодательных актов в сфере уголовного судопроизводства.

Вместе с тем в действительности при более глубоком погружении в проблематику

задержания подозреваемого ответ на поставленный выше вопрос перестает казаться таким уж простым и однозначным. Напротив, утверждение о соответствующих полномочиях органа дознания начинает представляться далеко не очевидным, не учитывающим многокомпонентности механизма задержания лица по подозрению в совершении преступления, многозначности самих терминов «задержание» и «подозрение». Более подробному рассмотрению указанных полномочий и посвящена настоящая статья.

О неоднородности полномочий по задержанию подозреваемого

В публикациях С.Б. Россинского совершенно верно обращается внимание на многосторонность сущности задержания подозреваемого, подмечается о предрасположенности данного феномена к пониманию, по крайней мере, в четырех связанных с уголовной юстицией смыслах [6, с. 16]. Указывается на возможность понимания задержания: 1) как одной из мер уголовно-процессуального принуждения, то есть правового способа принудительного воздействия на поведение подозреваемого; 2) как процессуальной комбинации, сводящейся к предусмотренному УПК РФ комплексу взаимосвязанных процессуальных действий, обусловленных решением о задержании подозреваемого (разъяснения лицу прав, его допроса и т. д.); 3) как тактической операции, состоящей в совокупности процессуальных действий, оперативно-розыскных и прочих непроцессуальных мероприятий, включая фактичес-

кое задержание (захват) человека и его доставление в орган предварительного расследования; 4) как чреды режимных мероприятий, связанных с помещением задержанного в изолятор временного содержания (далее – ИВС) и его кратковременным нахождением под стражей [7, с. 20–21]. Кроме того, справедливо говорится о двух различных вариациях подозрения – выделяются: а) процессуальное подозрение, свойственное первоначальному этапу осуществления конкретизированного уголовного преследования (*in personam*) и сопряженное с пребыванием лица в статусе подозреваемого; б) полицейское подозрение, подразумевающее некий бытовой смысл (так называемую заподозренность) и предопределяющее лишь основания для фактического захвата и доставления человека в место дальнейшего разбирательства [8, с. 14–15]. Ранее схожие, но предполагающие некоторую вариативность и большую фрагментарность позиции высказывались другими авторами [2, с. 107; 9, с. 1474].

Не согласиться с подобными взглядами достаточно сложно, но даже если гипотетически допустить их ошибочность и неприемлемость для дальнейшего развития правовой доктрины, то не признать правовую неоднородность различных этапов деятельности, направленной на задержание лица по подозрению в совершении преступления, все равно невозможно! В противном случае, ни ученые, ни практические работники просто не сталкивались бы с целым рядом присущих задержанию подозреваемого и никак не поддающихся обузданию проблем, противоречий и шероховатостей; не возникали бы и многие связанные с ними споры и полемические обсуждения. В первую очередь не существовало бы известной дискуссии о правовой природе пресловутого фактического задержания (захвата) и его места в общем механизме кратковременного ограничения конституционного права личности на свободу и неприкосновенность [10, с. 57]. Не было бы просто никакой потребности в поиске более или менее приемлемого для правоприменительной практики подхода к устранению возникшей по вине законодателя неопределенности [5, с. 51–52], связанной с вроде бы как превращением фактического захвата в своеобраз-

ный «нулевой» этап всей процедуры задержания подозреваемого.

Об ограниченности компетенции органов дознания по задержанию подозреваемых исключительно процессуальными полномочиями

Правда, в условиях правоприменительной практики органов дознания данные проблемы, противоречия и шероховатости, на первый взгляд, могут не показаться такими уж существенными и заметными. По крайней мере, подобное впечатление может создаться при беглом сравнении их полномочий с полномочиями органов предварительного следствия. Ведь если достаточно опрометчиво признавать органами дознания соответствующие органы исполнительной власти в полном составе (как бы исходить из формулы «орган дознания = орган исполнительной власти»), – увы, именно этот подход и вытекает из буквального толкования не вполне удачных положений закона (ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ), – то любые понимания задержания лица по подозрению в совершении преступления будто бы прекрасно укладываются в сферу их компетенции. И фактические захваты, и последующие доставления лиц для дальнейших разбирательств, и прямо предусмотренные главой 12 УПК РФ процессуальные действия и решения, и даже режимные мероприятия, связанные с помещением задержанных в ИВС и их кратковременным нахождением под стражей всецело отнесены к ведению органов внутренних дел и других органов исполнительной власти, легально признаваемых органами дознания.

Однако, как уже говорилось в наших публикациях, такой подход к пониманию органов дознания видится далеко не самым правильным [4, с. 90–91]. Он является чрезмерно широким и расплывчатым. В связи с чем результаты его внедрения в уголовно-процессуальное законодательство в свое время способствовали появлению упомянутых выше ч. 1 ст. 40, ч. 2 ст. 157 УПК РФ и ряда других не вполне удачных, предрасположенных к вариативности толкования и вызывающих немалые практические трудности положений Ко-

декса. Очевидные изъяны подобного понимания органов дознания неоднократно подмечались и другими авторами [1, с. 29–30; 11, с. 118–119].

К слову, причины возникновения такого подхода вполне понятны и закономерны. Подобные аномалии правового положения органов дознания [3, с. 103] напрямую связаны с многолетними тенденциями развития национальной системы досудебного производства, состоящими в постепенном сближении и переплетении функций «полиции» и «юстиции», то есть полицейских и следственных (судебно-следственных!) полномочий, в частности в инкрементальной процессуализации органов дознания, в их превращении в полноценных, наделенных подлинной юрисдикционной правосубъектностью участников уголовно-процессуальных правоотношений. По всей вероятности, законодателю просто не удалось должным образом отразить произошедшие метаморфозы в положениях действующего Кодекса – нормативно ограничить аутентичные, то есть уголовно-процессуальные полномочия органов дознания от оперативно-розыскных, административно-правовых, организационно-обеспечительных и тому подобных полномочий соответствующих органов исполнительной власти в первую очередь органов внутренних дел, подлежащих осуществлению не в уголовно-процессуальном, а в иных правовых режимах.

Следовательно, гораздо более разумным представляется несколько иной, сугубо процессуальный подход к пониманию органов дознания, предполагающий ограничение сферы их компетенции исключительно осуществлением доследственных проверок и разрешением сообщений о преступлениях, производством неотложных следственных действий, проведением ординарных и сокращенных дознаний и исполнением поручений следователей (других органов дознания и дознавателей), то есть реализацией уголовно-юрисдикционных, во многом квазиследственных полномочий в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. А ценность данного подхода видится именно в индивидуализации подлинно дознавательских, то есть уголовно-процессуальных полномочий в условиях интеграции функций «полиции» и «юстиции», в их обособлении от иных полномочий, возлагаемых на

те же самые органы исполнительной власти, иногда на тех же самых должностных лиц. Во всяком случае, на сегодняшний день термин «орган дознания» и его множественная форма «органы дознания» для доктринальных и нормативно-правовых основ иных (за исключением уголовного процесса) видов правоохранительной деятельности явно не характерны.

Таким образом, исходя из подобного понимания органа дознания, говорить о нахождении в его компетенции всех составляющих многокомпонентного механизма задержания человека по подозрению в совершении преступления – от фактического захвата до физического освобождения из ИВС – уже не приходится. Причем сказанное можно проиллюстрировать типичным примером из право-применительной практики органов внутренних дел Вологодской области¹. Так, участковым уполномоченным полиции отдела Министерства внутренних дел (далее – МВД) России по Вытегорскому району Вологодской области совместно с сотрудниками областного министерства сельского хозяйства и продовольственных ресурсов был осуществлен плановый рейд, направленный на выявление преступлений, предусмотренных ст. 256 Уголовного кодекса РФ. В ходе проведения рейда были задержаны (фактически задержаны!) двое местных жителей, промышлявших незаконным выловом крупных особей сиговых и лососевых рыб на нерестовом участке Онежского озера. Указанные лица были принужденно препровождены в расположенный поблизости участковый пункт полиции, о чем по телефону было незамедлительно доложено в отдел внутренних дел. Вместе с тем ввиду удаленности места происшествия от районного центра, то есть невозможности оперативного «подключения» к работе находящегося на дежурстве штатного дознавателя руководством отдела, было принято решение о поручении производства проверочных и неотложных процессуальных действий в порядке ст. 157 УПК РФ все тому же, выявившему преступление и фактически задержавшему браконьеров участковому уполномоченному полиции. В этой связи участковый помимо прочего оформил два протокола задержания подозреваемых, допросил указанных лиц, ис-

полнил иные предусмотренные ст. 92 УПК РФ предписания, после чего обеспечивал принудительное нахождение задержанных в пункте полиции – до момента появления возможности их передачи штатному дознавателю.

Нетрудно заметить, что лишь часть выполненной участковым уполномоченным полиции работы по задержанию подозреваемых предполагала уголовно-процессуальную форму, то есть осуществлялась в предусмотренном УПК РФ порядке. Таковыми были действия, связанные с исполнением предписаний, предусмотренных статьей 92 УПК РФ (составления протоколов задержания, разъяснения прав, допросы и т. д.). Они-то и осуществлялись от имени органа дознания – никакие другие субъекты правоотношений кроме органов дознания, дознавателей и следователей подобными полномочиями просто не располагают. Тогда как все остальные действия, поспособствовавшие задержанию браконьеров: их фактический захват, доставление в участковый пункт полиции и принудительное удержание до прибытия дознавателя, – были произведены тем же самым должностным лицом, но уже выступающим не в качестве представителя органа дознания, а в качестве сотрудника, выполняющего сугубо полицейские, в первую очередь административно-правовые функции, и поэтому работающего в не-процессуальном режиме.

Выводы

К непосредственному ведению органов дознания надлежит относить лишь процессуальные компоненты работы с задерживаемыми (вернее, уже с фактически задержанными) лицами, связанные с применением данной меры принуждения в формальном (процессуальном) смысле. Другими словами, их полномочия в части задержаний подозреваемых надлежит ограничивать лишь оформлением соответствующих протоколов, выполнением иных установленных ст. 92 УПК РФ предписаний (разъяснениями прав, допросами подозреваемых и пр.), а также принятием последующих решений об освобождении задержанных – в предусмотренных ч. 1 ст. 94 УПК РФ случаях неподтверждённости подозрения, отсутствия оснований для заключения человека под стражу и признания

произведенного задержания незаконным. Вместе с тем связанные с задержаниями подозреваемых непроцессуальные действия и решения: фактические задержания (захваты), доставления, прочие приемы сугубо полицейского и характера (оперативно-розыскные, административно-правовые и тому подобные мероприятия), а также применяемые к содержащимся в ИВС лицам известные режимные меры, – к компетенции органов дознания не могут иметь никакого отношения. Все эти мероприятия должны находиться в ведении иных субъектов публичных правоотношений – может быть, тех же самых государственных органов, а иногда и тех же самых должностных лиц (!), но действующих в принципиально ином правовом режиме, то есть не вступающих в предопределенные уголовно-процессуальным законодательством правоотношения, связанные с конкретизированным уголовным преследованием человека (*in personam*) в совершении некоего криминального деяния.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Выбор данного региона далеко не случаен. До перехода на научно-педагогическую работу в Академию управления МВД России автор настоящей статьи более 25 лет работала дознавателем, старшим дознавателем и руководителем ряда подразделений дознания органов внутренних дел Вологодской области, а в последние годы возглавляла всю областную службу полицейского дознания – являлась начальником отдела организации дознания УМВД России по Вологодской области.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Л. Л. Взаимодействие следователя с органом дознания: законодательное регулирование и правоприменительная практика : учеб. пособие / Л. Л. Абрамова, Н. Г. Логинова, А. Б. Судницын. – Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2021. – 104 с.
2. Григорьев, В. Н. Задержание подозреваемого / В. Н. Григорьев. – М. : ЮрИнфор, 1999. – 541 с.
3. Дикарев, И. С. Аномалии правового положения органов дознания // Правовое государство: теория и практика / И. С. Дикарев. – 2023. – № 1. – С. 97–104.

4. Калачева, А. В. О широком и узком подходах к пониманию органа дознания как субъекта уголовно-процессуальных отношений / А. В. Калачева // Философия права. – 2023. – № 1 (104). – С. 89–95.

5. Россинский, С. Б. Досудебное производство по уголовному делу: учебник / С. Б. Россинский. – М. : Норма : Инфра-М, 2022. – 232 с.

6. Россинский, С. Б. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / С. Б. Россинский // Российский следователь. – 2017. – № 3. – С. 16–20.

7. Россинский, С. Б. Многогранная сущность задержания подозреваемого в уголовном судопроизводстве / С. Б. Россинский // Российский следователь. – 2016. – № 22. – С. 18–22.

8. Россинский, С. Б. Цели и основания задержания подозреваемого: в чем причины существующих противоречий? / С. Б. Россинский // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (32). – С. 10–16.

9. Сопнева, Е. В. Заподозренный как способ выражения подозрения // Актуальные проблемы российского права / Е. В. Сопнева. – 2014. – № 7 (44). – С. 1474–1479.

10. Химичева, О. В. Некоторые аспекты обеспечения прав лица при задержании по подозрению в совершении преступления / О. В. Химичева, Д. В. Шаров // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 56–61.

11. Шпагина, Ю. В. О сущности и понятии дефиниции «орган дознания» / Ю. В. Шпагина // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2019. – № 1 (34). – С. 115–121.

REFERENCES

1. Abramova L.L., Loginova N.G., Sudnitsyn A.B. *Vzaimodejstvie sledovatelya s organom doznaniya: zakonodatelnoe regulirovanie i pravoprime-nitelnaya praktika: ucheb. posobie* [Interaction of the Investigator with the Inquiry Body: Legislative Regulation and Law Enforcement Practice: Textbook]. Krasnoyarsk, Sibirskiy yurid. in-t MVD Rossii, 2021. 104 p.

2. Grigoriev V.N. *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Detention of a Suspect]. Moscow, YurInfor, 1999. 541 p.

3. Dikarev I.S. Anomalii pravovogo polozheniya organov doznaniya [Anomalies in the legal status of inquiry bodies]. *Pravovoye gosudarstvo: teoriya i praktika* [Legal State: Theory and Practice], 2023, no. 1, pp. 97-104.

4. Kalacheva A.V. O shirokom i uzkom podkhodakh k ponimaniyu organa doznaniya kak subyekta ugolovno-protsessualnykh otnosheniy [On the Broad and Narrow Approaches to Understanding the Investigative Body as a Subject of Criminal Procedural Relations]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2023, no. 1 (104), pp. 89-95.

5. Rossinsky S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo po ugolovnomu delu: uchebnik* [Pretrial Proceedings in a Criminal Case: Textbook]. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2022. 232 p.

6. Rossinsky S.B. *Zaderzhanie podozrevaemogo kak mera ugolovno-processualnogo prinuzhdeniya* [Detention of a Suspect as a Measure of Criminal Procedural Coercion]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian Investigator], 2017, no. 3, pp. 16-20.

7. Rossinsky S.B. *Mnogogrannaya sushchnost zaderzhaniya podozrevaemogo v ugolovnom sudoproizvodstve* [The Multifaceted Nature of the Detention of a Suspect in Criminal Proceedings]. *Rossiyskiy sledovatel* [Russian investigator], 2016, no.22, pp. 18-22.

8. Rossinsky S.B. *Celi i osnovaniya zaderzhaniya podozrevaemogo: v chem prichiny sushchestvuyushchih protivorechij?* [The Goals and Grounds for Detaining a Suspect: What Are the Reasons for the Existing Contradictions?]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2023, no. 3 (32), pp. 10-16.

9. Sopneva E.V. *Zapodozrennyj kak sposob vyrazheniya podozreniya* [Suspect as a Way of Expressing Suspicion]. *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2014, no. 7 (44), pp. 1474-1479.

10. Khimicheva O.V., Sharov D.V. Nekotorye aspekty obespecheniya prav lica pri zaderzhani po podozreniyu v sovershenii prestupleniya [Some Aspects of Ensuring the Rights of a Person upon Detention on Suspicion of Committing a Crime]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 5, pp. 56-61.

11. Shpagina Yu.V. *O sushchnosti i ponyatiu definicii «organ doznaniya»* [On the Essence and Concept of the Definition of “Institution of Inquiry”]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2019, no. 1 (34), pp. 115-121.

Information About the Author

Alina V. Kalacheva, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Senior Lecturer, Department of Management of Investigative Agencies, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St, 8, 125993 Moscow, Russian Federation, akalacheva5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4184-1730>

Информация об авторе

Алина Владимировна Калачева, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры управления органами расследования преступлений, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8, 125993 г. Москва, Российская Федерация, akalacheva5@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-4184-1730>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.15>UDC 339.543
LBC 67Submitted: 10.08.2025
Accepted: 10.11.2025

CLASSIFICATION DISPUTES IN CUSTOMS REGULATION: JUDICIAL PRACTICE AND TRENDS

Nikita S. GorodilovMoscow Innovation University, Moscow, Russian Federation;
Moscow Bar Association, Moscow, Russian Federation

Introduction: the paper examines the judicial mechanisms for resolving disputes on the classification of goods according to the Commodity Nomenclature of foreign economic activity of the Eurasian Economic Union in order to ensure uniformity of law enforcement and predictability of fiscal consequences. The **purpose** is to systematize the approaches of arbitration courts to determining the product code and to assess their impact on tariff and tax obligations. **Objectives:** to identify the qualification tools used by the courts; to define evidentiary standards; to typify errors of customs authorities and declarants; to establish the role of legal positions in cases of identical goods. The research **methods** were the method of formal logic, the method of systemic and structural analysis, as well as the formal legal method and the method of legal modeling. According to the **results** of the study, four stable models of law enforcement are established as a **conclusion:** 1) the direct interpretation of the positions and notes of the HS; 2) the comparison of objective properties of goods with technical standards (GOST, UNECE standards); 3) the involvement of judicial commodity expertise in case of insufficient regulatory criteria; 4) the reliance on legal positions in cases of identical goods with a different and identical subject matter. The typical qualification errors affecting import duty rates and the application of value-added tax benefits are recorded.

Key words: customs disputes, Commodity Nomenclature of foreign economic activity, classification of goods, judicial practice, arbitration courts, foreign economic activity.

Citation. Gorodilov N.S. Classification Disputes in Customs Regulation: Judicial Practice and Trends. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 127-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.15>

УДК 339.543
ББК 67Дата поступления статьи: 10.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ СПОРЫ В ТАМОЖЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА И ТЕНДЕНЦИИ

Никита Сергеевич ГородиловМосковский инновационный университет, г. Москва, Российская Федерация;
Адвокатская палата города Москвы, г. Москва, Российская Федерация

Введение: в статье исследуются судебные механизмы разрешения споров о классификации товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (ТН ВЭД ЕАЭС) в целях обеспечения единства применения и предсказуемости фискальных последствий. **Цель:** систематизировать подходы арбитражных судов к определению кода товара и оценить их влияние на тарифные и налоговые обязательства. **Задачи:** выявить применяемые судами инструменты квалификации; определить доказательственные стандарты; типизировать ошибки таможенных органов и декларантов; установить роль правовых позиций по делам об идентичном товаре. **Методами** исследования выступили метод формальной логики, метод системного и структурного анализа, а также формально-юридический метод и метод правового моделирования. По результатам проведенного исследования в качестве **вывода** были установлены четыре устойчивые модели правоприменения: 1) непосредственное толкование позиций и приме-

чаний ТН ВЭД; 2) сопоставление объективных свойств товара с техническими нормами (ГОСТ, стандарты ЕЭК ООН); 3) привлечение судебной товароведческой экспертизы при недостаточности нормативных критериев; 4) опора на правовые позиции по делам об идентичном товаре при ином и тождественном субъектном составе. Зафиксированы типовые ошибки квалификации, влияющие на ставки ввозной пошлины и применение льгот по налогу на добавленную стоимость.

Ключевые слова: таможенные споры, ТН ВЭД, классификация товаров, судебная практика, арбитражные суды, внешнеэкономическая деятельность.

Цитирование. Городилов Н. С. Классификационные споры в таможенном регулировании: судебная практика и тенденции // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 127–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.15>

Единое таможенное регулирование на территории Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) как один из фундаментальных принципов евразийской интеграции подразумевает наличие идентичных правил классификации одного и того же товара, пересекающего таможенную границу ЕАЭС. В единообразной практике классификации товаров заинтересованы все стороны: государства-члены ЕАЭС, планирующие бюджетные поступления на очередной год, участники внешнеэкономической деятельности, рассчитывающие на правовую определенность в вопросе размеров таможенных платежей при ввозе конкретного товара. Такое регулирование не только способствует унификации, но и снижает количество ошибок в классификационных решениях, принимаемых на местах. Важно подчеркнуть, что слаженность нормативной базы и ее реализация в практической плоскости создают условия для предсказуемости в таможенном администрировании. Это особенно важно в условиях увеличивающейся товарной номенклатуры и усложнения логистических цепочек. Вообще право представляет собой открытую устойчивую систему и априори обладает такой характеристикой, как стабильность, которая выражается в единообразной и непрерывной регламентации общественных отношений в соответствии с общественными притязаниями, а также в сохранении структуры права [1].

В целях установления однозначных правил классификации товаров в ЕАЭС действует единая Товарная номенклатура внешнеэкономической деятельности (далее – ТН ВЭД) и Единый таможенный тариф, утвержденные Решением Совета Евразийской экономической комиссии от 14.09.2021 № 80. ТН ВЭД содержит Основные правила интерпретации

ТН ВЭД, а также примечания и дополнительные примечания к группам товаров, которыми следует руководствоваться для принятия правильного классификационного решения. На особую роль пояснений к ТН ВЭД для правильной классификации ввозимых товаров и недопустимость от их немотивированного отступления указывал Суд Евразийского экономического сообщества (название на момент вынесения решения), в частности по делу № 2-4/7-2014, которое было им рассмотрено 20.05.2014. В целях обеспечения единообразия применения ТН ВЭД Евразийская экономическая комиссия в соответствии со ст. 22 ТК ЕАЭС принимает решения о классификации отдельных видов товаров, а также дает руководящие разъяснения об их классификации. Кроме того, в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 23.04.2021 № 636 полномочиями по даче разъяснений о классификации отдельных видов товаров наделена также Федеральная таможенная служба РФ. Нередко вопросы классификации становятся предметом длительных споров именно из-за некорректного применения примечаний и пояснений, сопровождающих ТН ВЭД. Именно поэтому особое значение приобретают разъяснения со стороны Евразийской экономической комиссии и Федеральной таможенной службы, адресованные всем участникам таможенных правоотношений.

Несмотря на принятые меры по повышению транспарентности классификационных правил, следует отметить, что количество споров в сфере применения ТН ВЭД остается на стабильно высоком уровне. К сожалению, Судебный департамент при Верховном Суде РФ не ведет отдельную статистику по рассмотрению отдельных категорий таможенных споров, однако исследование судебн-

ной практики показывает, что из 3 499 рассмотренных арбитражными судами дел в 2024 г. огромная доля приходилась именно на споры о классификации товаров [1]. Важно отметить, что из 3 499 рассмотренных дел 1 736 завершились удовлетворением требований заявителей, что составляет 49,6 % от всех рассмотренных дел.

В связи с изложенным особую актуальность приобретает идея обращения к текстам судебных актов, чтобы, с одной стороны, выявить причины расхождения позиций таможенных органов и участников ВЭД, а с другой стороны, постараться определить способы разрешения таможенных споров данной категории, которые применяют в своей правоприменительной деятельности арбитражные суды.

Первым и наиболее распространенным способом разрешения спора о классификации товара является толкование судебными органами ТН ВЭД в целях ее применения к спорному товару. Кроме того, анализ судебных актов позволяет выделить типовые ошибки, допускаемые как декларантами, так и органами таможенного контроля.

Так, Арбитражным судом Московской области в рамках дела № А41-70194/24 был рассмотрен таможенный спор между хозяйствующим обществом и Шереметьевской таможней относительно классификации товара в виде приспособления для крепления инструмента для токарных станков, в отношении которого декларантом была заявлена ставка ввозной таможенной пошлины – 0 %, с чем не согласился инспектор таможенного органа, изменивший ставку ввозной таможенной пошлины до 5 % [2]. Разрешая заявленные обществом требования, суд исследовал признаки ввезенного товара, который представлял собой державку, не имеющей режущей части, то есть не мог считаться режущим инструментом. Суд указал на некорректность предложенного таможней отнесения товара к товарной подсубпозиции 8207 80 110 0 ТН ВЭД, ссылаясь на то, что товар с учетом его свойств не может считаться завершенным изделием, имеющим режущую часть, а является приспособлением для крепления инструмента и относится к товарной позиции 8466 10 310 ТН ВЭД.

Арбитражный суд г. Москвы разрешил таможенный спор в рамках дела А40-42644/25 между хозяйственным обществом и Московской таможней, возникший из разности подходов в классификации по ТН ВЭД ввезенных элементов медицинских изделий [3]. Таможенный орган настаивал на необходимости уплаты таможенных платежей, включая налог на добавленную стоимость (далее – НДС), отмечал ошибочность отнесения ввезенных товаров к товарной позиции 9018. Суд, исследовав материалы дела, установил, что спорные товары являются составными частями медицинского изделия и не могут быть использованы, не иначе как в составе медицинского изделия – эндоскопов и иного медицинского оборудования. Суд также установил, что ввезенные товары не могут использоваться в иных областях деятельности, кроме медицины, доказательств обратного таможенный орган не представил. С учетом данных обстоятельств суд признал за обществом возможность получения льготы по уплате НДС.

В другом деле, также связанным с проверкой применения льготной ставки по НДС, Арбитражный суд г. Москвы разбирался о возможности классификации по товарной подсубпозиции 3004 90 000 2 ТН ВЭД имплантов, расфасованных во флаконы, а не в одноразовые шприцы, как это предусмотрено в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15.09.2008 № 688 [4]. Суд, истолковав примечание к ТН ВЭД и отметив правильность отнесения декларантом ввезенных товаров к коду 3004, указал что даже несмотря на отсутствие в вышеуказанном Постановлении Правительства РФ такого способа исполнения как расфасовка во флаконы, данное обстоятельство никак не влияет на потребительские свойства и статус ввезенного товара как медицинского изделия.

В качестве условно выделяемого второго встречаемого в судебной практике способа разрешения таможенного спора о классификации товара и его отнесению к коду ТН ВЭД следует назвать использование толкования технических норм, не содержащих норм права, но позволяющим более точно применить ТН ВЭД к ввезенному товару. Привлечение технических стандартов особенно важно в трансграничной торговле, когда то-

вар обладает особыми характеристиками, не всегда прямо отраженными в ТН ВЭД.

Арбитражный суд г. Москвы рассматривал спор между хозяйственным обществом и Центральной электронной таможней о правильном применении ТН ВЭД к ввезенным на таможенную территорию ЕАЭС финикам [5]. Общество настаивало на том, что им ввезены свежие финики иранского происхождения, тогда как таможенный орган настаивал на том, что спорный товар является сушеными финиками, что напрямую влияло на применимую ставку НДС. Суд, исследуя доказательства, обратил внимание на письмо зарубежного поставщика, который указал, что ввезенные финики сорта мазафати отличаются высоким содержанием влаги около 50–60 % и имеют срок годности, не превышающий 60 дней. Сопоставив данные обстоятельства с техническими нормами ГОСТ 12003-76 и Стандарту ЕЭК ООН DDP-08, согласно которым для сушеных фруктов характерен срок годности свыше 12 месяцев, а содержание влаги не должно превышать 30 %, суд пришел к выводу, что спорный товар относится к свежим финикам.

В проанализированном выше таможенном споре суд смог сопоставить свойства товара с описанием, содержащимся в технических нормах. Однако зачастую ни правила ТН ВЭД, ни нормативно-технические акты не позволяют однозначно отнести товар к определенной категории без использований познаний специалистов в области товароведения. В такой ситуации таможенный орган при совершении таможенной операции вправе в соответствии со ст. 389 ТК ЕАЭС назначить и провести таможенную экспертизу в целях определения описания родовых и видовых свойств товара. Однако участник ВЭД может не согласиться с заключением таможенного эксперта, ссылаясь на ее ведомственный характер, и путем обращения в суд инициировать проведение судебной товароведческой экспертизы. Таким образом, в качестве третьего способа разрешения таможенного спора о классификации товара допустимо выделить использование судом специальных познаний судебного эксперта в целях определения родовых и видовых признаков ввезенного товара. Назначение судебной экспертизы требует соблюдения строгих процессуальных ус-

ловий, включая оценку допустимости и необходимости применения специальных познаний. При этом суд обязан учитывать, насколько заключение ведомственного эксперта может быть объективным и обоснованным.

Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая спор организации и Центральной электронной таможни в рамках дела № А40-51111/23 относительно допустимости применения льготы по НДС к ввезенной на территорию ЕАЭС замороженной пицце, пришел к выводу, что без применения специальных познаний судебного эксперта суд не сможет разрешить данный спор [6]. Дело в том, что ГОСТ № 31806-2012 и ГОСТ № 32677-2014 выделяли несколько видов хлебобулочных полуфабрикатов, к числу которых относились также замороженные хлебобулочные изделия. Только в отношении последних заявитель был вправе применять льготную ставку по НДС. Таможенный орган настаивал на том, что ввезенный товар хлебобулочным изделием не является. Судебный эксперт однозначно определил, что ввезенный товар являлся пиццей и замороженным хлебобулочным изделием.

В другом деле, также рассмотренном Арбитражным судом г. Москвы, в целях разрешения спора заявителя и Центральной энергетической таможни относительно физико-химических свойств вывезенного обществом технического керосина была назначена и проведена судебная товароведческая экспертиза [7]. Перед экспертом был поставлен вопрос, который напрямую влиял на возможность классификации товара по коду 2710 19 210 0 ТН ВЭД (топлива для реактивных двигателей марки РТ), а именно, соответствуют ли свойства вывезенного товара требованиям стандарта ГОСТ 32595 «Топливо авиационное для газотрубных двигателей Джет А-1 (Jet A-1). Технические условия». Проведя необходимое исследование, судебный эксперт установил, что вывезенный товар не может считаться с учетом его физико-химических свойств реактивным топливом, поскольку такие свойства не соответствуют вышеуказанному нормативно-техническому акту. С учетом заключения судебного эксперта суд указал, что заявитель обоснованно классифицировал вывозимый товар покоду ТН ВЭД ЕАЭС 2710 19 250 0 (керосин прочный).

В качестве четвертого способа разрешения споров о классификации товара можно отметить использование арбитражными судами правовых позиций других судов, вынесших решение в отношении идентичного товара. Данный способ внутри себя имеет две разновидности. Первая разновидность состоит в использовании правовых позиций арбитражных судов, рассмотревших спор в отношении идентичного товара с иным субъектным составом, что исключает применение ст. 69 АПК РФ. Это довольно любопытный подход, который, как представляется, затрагивает более общий вопрос о возможности использования судебного прецедента в правоприменительной деятельности судов в РФ.

Так, Арбитражный суд г. Москвы, рассматривая классификационный спор между хозяйственным обществом и Центральной электронной таможней [8] относительно признания декларируемого товара углем каменным битуминозным коксующимся, в качестве подтверждения своих доводов сослался на правовые позиции Арбитражного суда г. Москвы, содержащиеся во вступивших в законную силу судебных актах по делам А40-170818/24, А40-204907/24, А40-204814/24, А40-207167/24 и А40-217824/24. В указанных таможенных спорах, рассмотренных Арбитражным судом г. Москвы, участвовали иные хозяйствующие субъекты, однако спор касался правильности классификационных решений в отношении угля каменного битуминозного коксующегося. Таким образом, рассматривая таможенный спор в рамках дела А40-276795/24, арбитражный суд вынес решение в соответствии с тем подходом, который сложился в судебной практике. Данное дело также примечательно тем, что хозяйствующее общество, оспаривая доводы таможенного эксперта о физико-химических свойствах товара, заявило в суде первой инстанции ходатайство о назначении по делу судебной экспертизы. Арбитражный суд, рассмотрев данное ходатайство, отказал в ее назначении, мотивировав свою позицию тем, что «имеющиеся в деле доказательства позволяют рассмотреть спор по существу». Представляется, что арбитражный суд исходил из нецелесообразности назначения судебной экспертизы не из-за достаточности доказательств (к чему как раз

есть вопросы), а из-за сформировавшейся в правоприменительной практике позиции относительно классификации спорного товара.

Вторая разновидность использования правовых позиций арбитражных судов в отношении идентичного товара предполагает совпадение субъектных составов участников спора, подлежащего разрешению, и спора, который был ранее рассмотрен между теми же сторонами. В качестве примера можно привести решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-23391/2023 относительно классификации замороженной пиццы [9]. Разрешая данный таможенный спор, суд отметил: «Суд в порядке ст. 16 АПК РФ принимает выводы, изложенные в судебных актах по делу № А40-51111/2023 по аналогичному делу между теми же сторонами». Примечательно, что суд сослался на правило об обязательности решений арбитражных судов, а не на преюдициальное свойство судебного акта по делу № А40-51111/2023, что можно объяснить тем, что суд по делу № А40-51111/2023 установил обстоятельства в виде основных свойств замороженной пиццы конкретного производителя, а в деле № А40-23391/23 спор возник относительно товара иного производителя. Представляется, что не являлось бы ошибкой признание решения по делу № А40-51111/2023 в качестве преюдициального, поскольку в нем установлен факт отнесения замороженной пиццы к замороженным хлебобулочным изделиям без учета товарного знака.

Таким образом, несмотря на то, что составителями ТН ВЭД была проделана колоссальная работа по формулированию правил классификации товаров, количество таможенных споров о применении кодов ТН ВЭД остается значительным. Суды в целях разрешения данных споров устанавливают действительные объективные характеристики и свойства товара и затем соотносят их с текстом соответствующей товарной позиции с учетом Примечаний и Пояснений к ТН ВЭД. Если содержание ТН ВЭД не позволяет однозначно классифицировать товар, то суды руководствуются многочисленными нормативными техническими актами, а если применение таких технических норм становится невозможно без специальных познаний, то суды проводят по делу судебную товароведческую экспертизу. Также

суды в своих решениях опираются и на правовые позиции иных судебных органов, ранее рассматривавших спор о классификации тождественного товара, и применяют данные позиции в рассматриваемом им деле, что приводит к формированию единобразной судебной практики по вопросу классификации конкретного товара. Судебное урегулирование классификационных споров выполняет не только функцию разрешения конфликта, но и формирует стандарты взаимодействия бизнеса и государства. Это подчеркивает значение судебной практики как источника, способствующего стабильности правоприменительной среды в сфере внешнеэкономической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамян С. А. Стабильность права как ключевой элемент правовой системы: эмпирическое исследование / С. А. Краманян // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 14–20. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.2>
2. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945>
3. Решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-70194/24 от 09.04.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-42644/25 от 08.04.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № 40-180447/24 от 03.04.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-265/25 от 02.04.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-51111/23 от 20.06.2024. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-256157/23 от 14.02.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу № А40-23391/23 от 10.04.2025. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Karamyan S.A. Stabilnost prava kak klyuchevoy element pravovoj sistemy: empiricheskoe issledovanie [Stability of Law as a Key Element of the Legal System: An Empirical Study]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 14-20. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.1.2>
2. Ofitsialnyy sayt Sudebnogo departamenta pri Verkhovnom Sude Rossiyskoy Federatsii [Official website of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation]. URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8945>
3. Reshenie Arbitrazhnogo suda Moskovskoj oblasti po delu № A41-70194/24 ot 09.04.2025 [Decision of the Arbitration Court of the Moscow Region in Case No. A41-70194/24, Dated April 9, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
4. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-42644/25 ot 08.04.2025 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40-42644/25, Dated April 8, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
5. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № 40-180447/24 ot 03.04.2025 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. 40-180447/24, Dated April 3, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
6. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-265/25 ot 02.04.2025 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40-265/25, Dated April 2, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
7. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-51111/23 ot 20.06.2024 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40-51111/23, Dated June 20, 2024]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
8. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-256157/23 ot 14.02.2025 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40-256157/23, Dated February 14, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.
9. Reshenie Arbitrazhnogo suda g. Moskvy po delu № A40-23391/23 от 10.04.2025 [Decision of the Arbitration Court of Moscow in Case No. A40-23391/23, Dated April 10, 2025]. Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”.

Information About the Author

Nikita S. Gorodilov, Postgraduate Student, Moscow Innovation University, Malaya Ordynka St, 7, 119017 Moscow, Russian Federation; Attorney, Moscow Bar Association, Sivtsev Vrazhek Lane, 43, Office 1, Room 17, 119002 Moscow, Russian Federation, gorodilovw@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0808-2719>

Информация об авторе

Никита Сергеевич Городилов, аспирант, Московский инновационный университет, ул. Малая Ордынка, 7, 119017 г. Москва, Российская Федерация; адвокат, Адвокатская палата города Москвы, пер. Сивцев Вражек, 043, помещ. 1, ком. 17, 119002 г. Москва, Российская Федерация, gorodilovw@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-0808-2719>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.16>UDC 343.17
LBC 67.410.2Submitted: 18.08.2025
Accepted: 10.11.2025

ON THE FORMATION OF LAW ENFORCEMENT DISCRETION

Ekaterina S. Azarova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the paper examines law enforcement discretion as an integral element of the law enforcement officer's activities. The author analyzes the content of the concept of "law enforcement discretion" through the prism of its features. Special attention is paid to the mechanism of formation of law enforcement discretion, whose main elements are the establishment of the factual circumstances of the case, the qualification of the act, the interpretation of the legal norm, the choice of a solution and the ability to act at their discretion within the framework of the decision. It is emphasized that law enforcement discretion is a complex legal structure based on the knowledge of legal norms. **Methods:** the methodological framework consists of the methods of analysis and synthesis, system analysis, the formal legal, logical, comparative law methods. **Results:** the author's approach to the category of "law enforcement discretion" is proposed and justified, its features are highlighted and the structure of the mechanism of its formation is proposed. **Conclusions:** as a result of the study, it is revealed that law enforcement discretion is an intellectual and practical volitional activity of a subject performing a law enforcement function and expressed in the form of a law enforcement act.

Key words: law enforcement, law enforcement discretion, discretion, mechanism of formation, interpretation of law, qualification of an act, intellectual and volitional activity.

Citation. Azarova E.S. On the Formation of Law Enforcement Discretion. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 134-141. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.16>

УДК 343.17
ББК 67.410.2Дата поступления статьи: 18.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

Екатерина Сергеевна Азарова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Введение: в данной статье рассматривается правоприменительное усмотрение как составляющий элемент деятельности правоприменителя. Анализируется содержание понятия «правоприменительное усмотрение» через призму его особенностей. Охарактеризован механизм формирования правоприменительного усмотрения, основными элементами которого являются установление фактических обстоятельств дела, квалификация действия, толкование правовой нормы, выбор варианта решения и возможность действовать по своему усмотрению в рамках принятого решения. Подчеркивается, что правоприменительное усмотрение представляет собой сложную правовую конструкцию, основанную на знании юридических норм. **Методы:** методологическую основу составляют методы анализа и синтеза, формально-юридический, системного анализа, логический, сравнительно-правовой. **Результаты:** обоснован авторский подход к категории «правоприменительное усмотрение», выделены его признаки, и предложена структура механизма его формирования. **Выводы:** в результате исследования выявлено, что правоприменительное усмотрение представляет собой результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта, осуществляющего правоприменительную функцию, который выражен в форме правоприменительного акта.

Ключевые слова: правоприменение, правоприменительное усмотрение, дискреция, механизм формирования, толкование права, квалификация действия, интеллектуально-волевая деятельность.

Введение

Деятельность современного правоприменителя включает в себя различные формы. Кроме оперативно-исполнительной, правоохранительной и других форм, правоприменитель осуществляет деятельность интеллектуально-волевую, которая, в свою очередь, является ядром, основой правоприменения. Правоприменительное усмотрение, по сравнению с другими видами дискреции, всегда вызывало наибольший интерес ученых-правоведов. Данное положение разделяет А.А. Головко, отмечая, что в современную эпоху, когда наблюдается системная стандартизация не только личности, но и отраслей права, проблема усмотрения имеет особое значение для трансформации в общество знания и опыта [5, с. 6].

Уголовный процесс с его сложной системой доказывания, оценкой доказательств и необходимостью квалификации деяний представляет собой идеальную лабораторию для изучения правоприменительного усмотрения. Именно в этой сфере последствия принятого решения наиболее серьезны: они затрагивают фундаментальные права и свободы человека, включая право на свободу и личную неприкосновенность. Поэтому исследование механизма формирования усмотрения в уголовном судопроизводстве является не только теоретически, но и практически значимым. В условиях состязательности процесса, когда сторона обвинения и сторона защиты представляют суду часто противоположные интерпретации одних и тех же фактов, роль суда, как конечного правоприменителя, наделенного дискреционными полномочиями, становится критически важной. От того, насколько обоснованно и законно будет использовано усмотрение, зависит не только судьба конкретного обвиняемого, но и общественное доверие к правосудию в целом [9, с. 25].

Признаки правоприменительного усмотрения

Для наиболее полного и всестороннего рассмотрения данного вопроса необходимо определить понятие «правоприменительное усмотрение». Учитывая юридическую специфику изучаемого вопроса, необходимо обозна-

чить термин «усмотрение в праве» через призму его черт и особенностей:

– при выработке научной дефиниции необходимо помнить о словарном определении термина «усмотрение». Как следует из толковых словарей, усмотрение означает «решение», принятое по собственному убеждению, то есть усмотрением нельзя называть процесс выбора какого-либо решения, так как усмотрением является конечный результат такого выбора;

– исходя из второго признака, следует отметить, что усмотрение в праве имеет место только по юридически значимому вопросу (например, при проблеме толкования норм какого-либо закона);

– правоприменительное усмотрение всегда носит оценочный характер. Эта оценка основана не на произволе, а на профессиональном правосознании, внутреннем убеждении правоприменителя, сформированном в результате анализа всех обстоятельств дела. В уголовном процессе внутреннее убеждение судьи, следователя, прокурора является краеугольным камнем, например, при оценке относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств для принятия того или иного процессуального решения [2, с. 120];

– условность и вариантность. Наличие усмотрения предполагает, что правоприменитель стоит перед выбором из нескольких законных и обоснованных вариантов решения. Например, суд, устанавливая виновность лица, может выбрать одну из санкций, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ, руководствуясь при этом как обстоятельствами дела, так и личностью подсудимого [12, с. 115].

С учетом особенностей и черт правового усмотрения представляется возможным определить его как волевой результат интеллектуальной деятельности субъекта, основанный на знаниях юридических норм и выражющийся в модели поведения субъекта права.

Термин «правоприменительное» обозначает одну из разновидностей усмотрения в праве. Данный вид правового усмотрения предлагается рассмотреть через признаки и особенности правоприменения, которые, в свою очередь, способствуют раскрытию сущности указанной разновидности. Правове-

ды, изучающие проблемы правоприменения, к числу его особо существенных признаков относят властный характер и организующее воздействие [9, с. 20]. Свое внимание на вопрос правоприменения обратил и Н.И. Матузов, указавший на следующие признаки правоприменения: определенная процессуальная форма, стадийность и направленность на разрешение конкретных ситуаций [9, с. 23]. Несомненно, что правоприменение не только характеризуется данными признаками, но и включает в себя определенные действия и их совокупность. Так, по мнению С.С. Алексеева, правоприменение включает в себя следующие операции: определение правовой природы фактической ситуации (необходимо найти доказательства в нормативном правовом акте, чтобы показать, что соответствующая ситуация находится в сфере правового регулирования); поиск сходных норм или принципов права (часто это связано с глубоким анализом принципов, на которых основано правовое регулирование соответствующей отрасли права); принятие решения о конкретном регулировании тех или иных отношений (часто связано с построением индивидуального решения на основе действующего законодательства) [2, с. 117].

Учитывая данные положения, можно перейти к определению понятия «правоприменение». Правоприменение – это специализированная умственная и физическая работа, состоящая в непрерывном выполнении ряда умственных внутренних и внешних задач, направленных на установление юридических и фактических оснований и разрешение юридических дел [12, с. 110].

Таким образом, рассматривая во взаимосвязи категории «правовое усмотрение (усмотрение в праве)» и «правоприменение», можно сделать вывод о том, что правоприменительным усмотрением является результат интеллектуально-практической волевой деятельности субъекта, осуществляющего правоприменительную функцию, который представляет собой найденное на базе предписаний правовых норм решение по юридически значимому вопросу и выраженное в определенном правоприменительном акте.

В контексте уголовного процесса судебное усмотрение является центральным, но не

единственным. Дискреционные полномочия присутствуют на всех стадиях процесса. Так, на стадии возбуждения уголовного дела следователь или дознаватель осуществляет усмотрение, оценивая наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. От его первоначальной оценки зависит дальнейшее движение дела. На стадии предварительного расследования следователь использует усмотрение при избрании меры пресечения, выборе следственных действий, квалификации деяния. Прокурор осуществляет усмотрение, утверждая обвинительное заключение или, напротив, возвращая дело для дополнительного расследования.

Таким образом, правоприменительное усмотрение в уголовном процессе – это сквозной феномен, пронизывающий все его стадии.

Механизм формирования правоприменительного усмотрения

В рамках данного научного исследования отдельно стоит вопрос о механизме формирования правоприменительного усмотрения. В словаре Д.Н. Ушакова термин «механизм» определяется как внутреннее устройство машины или прибора, которое приводит машину, прибор в действие [15, с. 57]. Разумеется, в рамках данного вопроса речь не идет о машинах или технических приборах, а о некоторой системе, правовом механизме. В «Большом энциклопедическом словаре» понятие «формирование» имеет следующие значения: приданье определенной формы; составление, образование какого-либо коллектива, воинской части и т. п. [16]. Рассматривая во взаимосвязи приведенные выше definиции, можно определить «механизм формирования правоприменительного усмотрения» как совокупность условий, стадий, средств, за счет которых формируется, создается правоприменительное усмотрение. Исходя из данного понятия, становится ясным, что механизм формирования правоприменительного усмотрения в своей структуре имеет некоторые элементы, о которых и пойдет речь ниже.

Процесс формирования правоприменительного усмотрения в уголовном процессе носит комплексный характер и детерминирован множеством факторов. К ним можно отнести:

– нормативные факторы: четкость / нечеткость правовых норм, наличие оценочных понятий («тяжкие последствия», «существенный вред», «корыстные побуждения»), пробелы в праве, конкуренция норм;

– фактические обстоятельства дела: характер и объем собранных доказательств, их противоречивость или согласованность;

– профессиональные и личностные качества правоприменителя: уровень юридической квалификации, жизненный и профессиональный опыт, психологические особенности, ценностные ориентации;

– внешние социально-правовые условия: складывающаяся судебная практика (в том числе высших судов), общественный резонанс по делу, уровень независимости судебной власти [10, с. 18].

Рассмотрим элементы механизма на конкретных примерах из уголовно-процессуальной практики.

Первым элементом механизма является усмотрение правоприменителя при определении фактических обстоятельств. Иными словами, правоприменитель должен в первую очередь определить круг обстоятельств, которые и будут составлять фактическую основу дела, что по своей сути практически полностью дублирует процесс доказывания в уголовном процессе. Так, по делу о краже из магазина камерами наблюдения зафиксировано несколько человек. Один из них непосредственно похитил товар, другой стоял у входа, а третий находился в автомобиле не подалеку. Следователь на стадии предварительного расследования должен решить, кого из них привлекать в качестве обвиняемого и по какой части ст. 158 УК РФ. Являлись ли действия стоявшего у входа и водителя автомобиля пособничеством (ч. 5 ст. 33 УК РФ), или они являлись соисполнителями (ч. 2 ст. 33 УК РФ), или их вовсе нельзя привлекать к ответственности за отсутствием состава преступления? Установление круга соучастников и их роли – это классический пример усмотрения при установлении фактических обстоятельств. От этой оценки зависит дальнейшая квалификация и мера ответственности каждого [8].

Вторым элементом формирования правоприменительного усмотрения выступает

определение квалификации дела, под которым понимается выбор правовой нормы в рамках конкретной ситуации. Юридическая квалификация представляет собой вид деятельности, цель которой состоит в определении нормы права. Однако данной трактовкой ограничиваться нецелесообразно, поэтому понимание юридической квалификации является наиболее полным и универсальным. Так, оценка обстоятельств, применение правовой нормы в определенном случае представляют собой особый вид юридической оценки [10, с. 15]. Вместе с тем существуют споры по поводу субъектов, которые могут давать юридическую квалификацию по делу. Разумеется, помимо официальной, существуют также доктринальные, профессиональные и обыденные квалификации, но в рамках указанной проблемы в поле нашего рассмотрения будет лежать официальная квалификация (то есть деятельность правоприменителя).

Так, действия лица, которое, угрожая ножом, потребовало у потерпевшего перевести ему крупную сумму денег через мобильное приложение банка, можно квалифицировать по-разному. Следователь и суд стоят перед выбором: разбой (ст. 162 УК РФ) или вымогательство (ст. 163 УК РФ). Хотя в обоих составах присутствует угроза насилием и цель – завладение чужим имуществом, ключевое различие заключается в моменте изъятия имущества. При разбое насилие используется для немедленного завладения имуществом, а при вымогательстве – для получения имущества в будущем. Оценка обстоятельств дела (мгновенное ли это хищение или требование передать деньги под угрозой) требует от правоприменителя глубокого анализа и усмотрения для правильной квалификации. Ошибка на этом этапе может привести к неправильной классификации преступления и, как следствие, к неправильной санкции [1, с. 549].

Третьим элементом выступает усмотрение при проверке и толковании выбранной нормы права. Анализ нормы права включает определение ее юридической силы, выявление конкуренции норм, коллизий и пробелов, а также установление источника ее происхождения. Любой правоприменитель (и не только) должен знать и помнить, что закон или правовая норма не подлежит применению, если она была

отменена, поскольку после такой отмены она не имеет юридической силы. После проверки правовой нормы правоприменитель должен перейти к интерпретации такой нормы. Статья 111 УК РФ («Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью») предусматривает такой квалифицирующий признак, как совершение преступления «с особой жестокостью». Закон не содержит исчерпывающего перечня действий, подпадающих под это оценочное понятие. Судья, оценивая материалы дела, должен самостоятельно, руководствуясь своим внутренним убеждением и сложившейся практикой, решить, можно ли признать действия виновного особо жестокими. Например, причинение множественных ранений, издевательства над потерпевшим, причинение вреда в присутствии близких родственников – все это может быть истолковано судом как проявление особой жестокости. Это толкование направляет на вид и размер наказания [3, с. 45].

Выбор варианта решения дела и вынесение соответствующего акта мы определяем как четвертый элемент формирования правоприменительного усмотрения [8]. На данной стадии правоприменитель, руководствуясь правовой нормой, разрешает существующее дело. Здесь возможны два варианта. С одной стороны, правоприменитель не имеет вариантов выбора разрешения дела, так как на стадии квалификации нормы содержат конкретные предписания. Вторым вариантом является ситуация, когда правовых норм, регулирующих конкретную ситуацию, не существует. В таком случае правоприменитель вынужден пользоваться аналогией права или аналогией закона. Содержание данных категорий определено в соответствующей статьей ГК РФ. При применении же аналогии права решение будет основано не на конкретных правовых нормах, а на таких оценочных понятиях, как «добросовестность», «разумность», «справедливость» [1, с. 547].

В уголовном праве аналогия запрещена (ст. 3 УК РФ), однако это не отменяет наличия усмотрения при выборе итогового решения. Наиболее ярко это проявляется при назначении наказания. Судья, руководствуясь ст. 60 УК РФ, назначает наказание в пределах санкции статьи, учитывая характер и степень общественной опасности преступления,

личность виновного, смягчающие и отягчающие обстоятельства. По делу о грабеже (ч. 1 ст. 161 УК РФ) санкция предусматривает наказание в виде обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы, принудительных работ, ареста или лишения свободы на срок до четырех лет. Один судья, учитывая чистосердечное признание, активное способствование раскрытию преступления и наличие малолетнего ребенка у подсудимого (смягчающие обстоятельства), может назначить наказание в виде исправительных работ. Другой судья, рассмотрев аналогичное дело, но обратив внимание на рецидив преступлений (отягчающее обстоятельство), может прийти к выводу о необходимости назначения реального лишения свободы. Оба решения будут законными, но различными, что и демонстрирует реализацию судейского усмотрения [13, с. 112].

В качестве пятого элемента механизма формирования выступает возможность действовать по своему усмотрению в рамках принятого решения. В уголовном процессе этот элемент также находит свое отражение. Например, после вынесения обвинительного приговора суд решает вопрос о виде исправительного учреждения для осужденного к лишению свободы (ст. 58 УК РФ). Учитывая характер и степень общественной опасности преступления, личность виновного, суд может назначить отбывание наказания в колонии-поселении, исправительной колонии общего, строгого или особого режима. Это решение, принимаемое после основного вердикта, является продолжением судейского усмотрения [5, с. 7].

Шестой элемент – усмотрение при оценке доказательств. Хотя этот элемент тесно связан с установлением фактических обстоятельств, он заслуживает отдельного рассмотрения. Ни одна норма уголовно-процессуального закона не может заранее предопределить, какое доказательство является достоверным, а какое нет. Статья 17 УПК РФ закрепляет принцип свободы оценки доказательств, согласно которому судья, присяжные заседатели, а также другие субъекты доказывания оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению [14].

Так, по делу об убийстве основным доказательством является признание обвиняе-

мого, данное на следствии. Однако в суде обвиняемый отказывается от этих показаний, заявляя, что они были даны под давлением. Судья оказывается перед сложным выбором. С одной стороны, есть протокол допроса. С другой – ходатайство защиты об исключении этого доказательства как недопустимого, возможно подкрепленное видеозаписью допроса, где видны признаки психологического давления. Оценка достоверности и допустимости признания обвиняемого полностью лежит в области судебского усмотрения, основанного на анализе всех материалов дела и внутреннем убеждении [4, с. 33].

Данные элементы механизма формирования правоприменительного усмотрения кратко можно выразить следующим образом: установление наличия ситуации, которая характеризуется отсутствием решения.

Пределы и риски реализации правоприменительного усмотрения в уголовном процессе

Несмотря на необходимость и неизбежность, правоприменительное усмотрение в уголовном процессе не является безграничным. Его реализация ограничена рядом факторов, главным из которых выступает принцип законности. Решение, принятое в рамках усмотрения, должно быть не просто вариативным, но и законным, обоснованным и мотивированным. Обоснованность означает, что решение базируется на всестороннем и полном исследовании всех обстоятельств дела. Мотивированность требует от правоприменителя (особенно суда) раскрыть в своем решении (приговоре, постановлении) те логические пути, которыми он пришел к своим выводам, почему он предпочел одни доказательства другим, как он истолковал ту или иную норму [6, с. 201].

Ключевыми рисками, связанными с усмотрением, являются:

- субъективизм и произвол: когда внутреннее убеждение подменяется личными симпатиями или антипатиями, предубеждениями или внешним влиянием [9, с. 28];
- ошибки в оценке: недостаточный профессионализм или опыт правоприменителя может привести к неверной оценке дока-

зательств, неправильной квалификации деяния [2, с. 125];

– «обвинительный уклон»: в некоторых случаях усмотрение может неосознанно использоваться в пользу обвинения, особенно по делам, вызывающим общественный резонанс [11].

Как отметил В.М. Шинкарук, «в уголовном судопроизводстве реализуется правило, согласно которому любое неустранимое сомнение в доказательственном материале толкуется в пользу обвиняемого» [17, с. 34]. Для минимизации этих рисков в уголовном процессе существует система сдержек и противовесов. Решения, принятые на досудебных стадиях, могут быть обжалованы в суде. Судебные решения первой инстанции проверяются апелляционной, кассационной и надзорной инстанциями. Высшие суды (Верховный Суд РФ) формируют едиобразную правоприменительную практику путем принятия постановлений Пленума и публикации обзоров судебной практики, тем самым направляя и ограничивая усмотрение нижестоящих судов [5, с. 5; 10, с. 22]. Таким образом, усмотрение существует не в вакууме, а в строгих рамках правового поля, обеспечивая гибкость правоприменения без ущерба для его законности и единобразия.

Вывод

Таким образом, правоприменительное усмотрение мы рассматриваем как результат интеллектуально-волевой деятельности, направленной на поиск правовых норм, их толкование и применение согласно конкретному делу. В этом плане усмотрение является сложной конструкцией, имеет свой собственный механизм формирования, который включает в себя ряд элементов.

Проведенный анализ примеров из уголовного судопроизводства демонстрирует, что правоприменительное усмотрение – это не отклонение от закона, а неотъемлемая и жизненно важная часть процесса применения права, особенно в условиях неопределенности, коллизий и необходимости оценки многочисленных фактов. Оно позволяет адаптировать абстрактную норму закона к уникальным обстоятельствам конкретного уголовного дела,

обеспечивая тем самым индивидуальный и справедливый подход в правосудии [7, с. 98]. Правомерность и результативность применения дискреционных полномочий находятся в прямой зависимости от профессиональной культуры, непредвзятости и развитого правосознания субъектов, их реализующих, а также от работоспособности институтов судебного надзора. Дальнейшее исследование данного института видится в разработке более четких научно-практических критериев для реализации дискреционных полномочий, что будет способствовать укреплению законности и единообразия судебной практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова, Е. С. Судейское усмотрение – перманентный правовой эксперимент / Е. С. Азарова // Юридическая техника. – 2025. – № 19. – С. 547–548.
2. Алексеев, С. С. Общая теория права : в 2 т. Т. 2 / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1982. – 359 с.
3. Божьев, В. П. Уголовный процесс : учеб. для вузов / В. П. Божьев. – М. : Юрайт, 2022. – 567 с.
4. Воронцова, С. В. Свобода оценки доказательств и проблемы ее реализации в уголовном судопроизводстве / С. В. Воронцова // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2019. – № 4 (61). – С. 30–38.
5. Головко, А. А. Допустимо ли совместить законность и усмотрение? : (Некоторые проблемы теории и практики) / А. А. Головко // Право и политика. – 2005. – № 3. – С. 3–7.
6. Гриненко, А. В. Уголовный процесс : учебник / А. В. Гриненко. – М. : Норма, 2021. – 448 с.
7. Карнозова, Л. М. Судейское усмотрение в уголовном судопроизводстве : монография / Л. М. Карнозова. – М. : Статут, 2018. – 256 с.
8. Колоколов, Н. А. Адвокат суду не враг, адвокат суду помощник! / Н. А. Колоколов, А. В. Рагулин // Евразийская адвокатура. – 2014. – № 2 (9). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoschnik>
9. Матузов, Н. И. Актуальные проблемы теории права / Н. И. Матузов. – Саратов : Изд-во СГАП, 2008. – 512 с.
10. Нечепурнов, А. В. Понятие юридической квалификации / А. В. Нечепурнов // Вопросы теории государства и права : Личность, право, правовая система : межвуз. науч. сб. Вып. 8. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1988.
11. Петрова, О. В. Обвинительный уклон в уголовном судопроизводстве: природа и пути преодоления / О. В. Петрова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 12 (121). – С. 145–154.
12. Правоприменение в советском государстве / под ред. И. Н. Кузнецова, И. С. Самошенко. – М. : Юрид. лит., 1985. – 303 с.
13. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. А. И. Рарога. – М. : Проспект, 2023. – 824 с.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
15. Ушаков, Д. Н. Толковый словарь современного русского языка / Д. Н. Ушаков. – М. : Альта-принт, 2008. – 793 с.
16. Формирование // Большой энциклопедический словарь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2000. – С. 1304.
17. Шинкарук, В. М. Дискурсивная природа обвинения и защиты / В. М. Шинкарук // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 3. – С. 31–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lcjvolsu.2024.3.4>

REFERENCES

1. Azarova E.S. Sudejskoe usmotrenie – permanentnyj pravovoje eksperiment [Judicial Discretion – A Permanent Legal Experiment]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal Technique], 2025, no.19, pp. 547-548.
2. Alekseev S.S. *Obshchaya teoriya prava: v 2 t. T. 2* [General Theory of Law. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, Yurid. lit. Publ.,1982. 359 p.
3. Bozhyev V.P. *Ugolovnyj process: ucheb. dlya vuzov* [Criminal Procedure. Textbook for Universities]. Moscow, Yurajt Publ., 2022. 567 p.
4. Voroncova S.V. Svoboda ocenki dokazatelstv i problemy ee realizacii v ugolovnom sudoproizvodstve [Freedom of Evaluation of Evidence and Problems of Its Implementation in Criminal Proceedings]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo»* [Bulletin of Omsk University. “Law” Series], 2019, no. 4 (61), pp. 30-38.
5. Golovko A.A. Dopustimo li sovmestit zakonnost i usmotrenie? (Nekotorye problemy teorii i praktiki) [Is It Permissible to Combine Legality and Discretion? (Some Problems of Theory and Practice)]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2005, no. 3, pp. 3-7.
6. Grinenko A.V. *Ugolovnyj process: uchebnik* [Criminal Procedure. Textbook]. Moscow, Norma Publ., 2021. 448 p.
7. Karnozova L.M. *Sudejskoe usmotrenie v ugolovnom sudoproizvodstve: monografiya* [Judicial

- Discretion in Criminal Proceedings. Monograph]. Moscow, Statut Publ., 2018. 256 p.
8. Kolokolov N.A., Ragulin A.V. Advokat sudu ne vrag, advokat sudu pomoshchnik [The Lawyer Is Not an Enemy to the Court, the Lawyer Is an Assistant to the Court]. *Evrazijskaya advokatura* [Eurasian Advocacy], 2014, no. 2 (9). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/advokat-sudu-ne-vrag-advokat-sudu-pomoschnik>
9. Matuzov N.I. *Aktualnyye problemy teorii prava* [Actual Problems of the Theory of Law]. Saratov, Izd-vo SGAP, 2008. 512 p.
10. Nechepurnov A.V. *Ponyatie yuridicheskoy kvalifikacii* [The Concept of Legal Qualification]. *Voprosy teorii gosudarstva i prava* [Questions of the Theory of State and Law]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1988.
11. Petrova, O.V. *Obvinitelnyj uklon v ugolovnom sudoproizvodstve: priroda i puti preodoleniya* [Accusatorial Bias in Criminal Proceedings: Nature and Ways to Overcome it]. *Aktualnye problemy rossiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, no. 12 (121), pp. 145-154.
12. Kuznecov I.N., Samoshchenko I.S., eds. *Pravoprimenenie v sovetskem gosudarstve* [Law Enforcement in the Soviet State]. Moscow, Yurid. lit. Publ., 1985. 303 p.
13. Rarog A.I., ed. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast: uchebnik* [Criminal Law of Russia. Special Part. Textbook]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 824 p.
14. Ugolovno-processualnyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.07.2024) [Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 No. 174-FZ (Ed. from 01.07.2024)]. SPS "KonsultantPlyus". URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/
15. Ushakov D.N. *Tolkovyj slovar sovremennoj russkogo jazyka* [Explanatory Dictionary of the Modern Russian Language]. Moscow, Alta-print, 2008. 793 p.
16. Formirovaniye [Formation]. *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [The Great Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ., Saint Petersburg, Norint Publ., 2000, p. 1304.
17. Shinkaruk V.M. *Diskursivnaya priroda obvineniya i zashchity* [The Discursive Nature of the Prosecution and Defense]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2024, vol. 23, no. 3, pp. 31-36. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2024.3.4>

Information About the Author

Ekaterina S. Azarova, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Criminal Law and Procedure, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, aes2404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

Информация об авторе

Екатерина Сергеевна Азарова, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, aes2404@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5130-1653>

www.volsu.ru

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.17>

UDC 343.8
LBC 67.409

Submitted: 06.08.2025
Accepted: 10.11.2025

PENITENTIARY EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION: ON THE PROSPECTS OF USING DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES IN RUSSIAN CORRECTIONAL INSTITUTIONS

Stanislav Yu. Starodubov

Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Introduction: the right of convicts to education is an integral part of the system of protection of human rights and freedoms and a key tool for the social adaptation and re-socialization of persons serving sentences. The paper discusses the issues of providing persons sentenced to imprisonment with wider access to education in the penitentiary environment through the use of distance learning technologies. The importance of implementing an innovative educational policy in places of detention is investigated. It is proved that in modern Russian realities, the realization of the right to education faces numerous limitations and obstacles that require an integrated approach to overcome them. **As a result** a detailed analysis of empirical data, foreign experience and the opinions of legal scholars, it is concluded that the use of distance learning technologies can significantly expand convicts' access to quality education, but requires updating the regulatory framework that protects the rights and safety of all participants in the educational process. The proposed prospects for the development of the educational system for convicts are related to the improvement of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation and the federal law "On Education in the Russian Federation", the expansion of the use of digital technologies and the development of distance learning, which will increase motivation, improve the quality of educational programs and ensure wider access to education in the penitentiary environment. The development and implementation of a comprehensive system of measures to improve information literacy among convicts will make it possible to effectively integrate distance learning technologies into the penitentiary system. This approach will not only expand access to education, but will also be an important step towards the successful rehabilitation and preparation of convicts for life in a modern digital society.

Key words: penitentiary system, education, convict, places of imprisonment, distance learning technologies, digitalization, vocational training.

Citation. Starodubov S. Yu. Penitentiary Education in the Era of Digitalization: On the Prospects of Using Distance Learning Technologies in Russian Correctional Institutions. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 142-150. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.17>

УДК 343.8
ББК 67.409

Дата поступления статьи: 06.08.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ПЕНИТЕНЦИАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ: О ПЕРСПЕКТИВАХ ПРИМЕНЕНИЯ ДИСТАНЦИОННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКИХ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Станислав Юрьевич Стародубов

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация.

Введение: право осужденных на образование является неотъемлемой частью системы защиты прав и свобод человека и ключевым инструментом социальной адаптации и ресоциализации лиц, отбывающих наказание. В статье рассматриваются вопросы обеспечения осужденным к лишению свободы лицам более широкого доступа к образованию в пенитенциарной среде за счет применения дистанционных образовательных технологий. Исследована значимость реализации инновационной образовательной политики в местах лишения свободы. Доказано, что в современных российских реалиях реализация права на образование сталкивается с многочисленными ограничениями и препятствиями, которые требуют комплексного подхода для их преодоления. **В результате** подробного анализа эмпирических данных, зарубежного опыта и мнений правоведов был сделан вывод о том, что использование дистанционных образовательных технологий способно значительно расширить доступ осужденных к качественному образованию, но требует обновления нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту прав и безопасности всех участников учебного процесса. Предложенные перспективы развития образовательной системы для осужденных связаны с совершенствованием Уголовно-исполнительного кодекса РФ и федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», расширением использования цифровых технологий и развитием дистанционного обучения, что позволит повысить мотивацию, улучшить качество образовательных программ и обеспечить более широкий доступ к образованию в пенитенциарной среде. Разработка и внедрение комплексной системы мер по повышению информационной грамотности среди осужденных позволит эффективно интегрировать дистанционные образовательные технологии в пенитенциарную систему. Такой подход не только расширит доступ к образованию, но и станет важным шагом на пути успешной ресоциализации и подготовки осужденных к жизни в современном цифровом обществе.

Ключевые слова: пенитенциарная система, образование, осужденный, места лишения свободы, дистанционные образовательные технологии, цифровизация, профессиональное обучение.

Цитирование. Стародубов С. Ю. Пенитенциарное образование в эпоху цифровизации: о перспективах применения дистанционных образовательных технологий в российских исправительных учреждениях // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 142–150. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.17>

Право осужденных на образование представляет собой одно из важнейших направлений реализации прав и свобод человека в условиях изоляции от общества. Образование не только является фундаментальным правом, закрепленным в международных правовых актах и Конституции Российской Федерации, но и выступает важным инструментом ресоциализации, предотвращения рецидива и успешной интеграции осужденного в гражданское общество после освобождения. В условиях динамичного развития современной пенитенциарной системы вопрос обеспечения права на образование приобретает особую значимость в связи с необходимостью повыше-

ния эффективности исправительного воздействия, гуманизации уголовно-исполнительной системы, а также актуализации задач по снижению уровня повторной преступности.

Актуальность темы обусловлена некоторыми ключевыми обстоятельствами.

Во-первых, современное общество требует от государства создания условий для равного доступа к образованию всех категорий граждан, в том числе лиц, находящихся в местах лишения свободы. Несмотря на то, что формально осужденные имеют возможность получать общее и профессиональное образование, на практике реализация данного права сопряжена с рядом серьезных проблем, от ор-

ганизационно-правовых ограничений до отсутствия надлежащих образовательных программ и инфраструктуры в исправительных учреждениях.

Во-вторых, в условиях перехода к цифровому обществу и увеличения значимости интеллектуального труда, образование становится основой не только личностного развития, но и ключевым фактором конкурентоспособности на рынке труда. Осужденные, находясь в условиях изоляции, часто оказываются отрезанными от современных образовательных технологий, в том числе дистанционного обучения, что влечет за собой усугубление их социальной маргинализации и снижает шансы на успешную адаптацию в обществе после освобождения. Иными словами, образование для лиц, находящихся в местах лишения свободы, выступает средством преодоления социальной дезадаптации, обеспечивая доступ к знаниям и навыкам, востребованным в современной экономике и обществе. В затронутом аспекте стоит однозначно согласиться с позицией С.М. Мамонько, справедливо отмечающей, что именно система образования играет значительную роль в интеллектуальном, социальном и профессиональном развитии осужденных [9, с. 271]. Образование в исправительных учреждениях, должно рассматриваться не как привилегия, а как необходимое условие для формирования позитивных жизненных установок, профессиональных навыков и правосознания у осужденных.

В-третьих, обеспеченность права на образование напрямую влияет на уровень рецидивной преступности. Международный опыт и данные эмпирических исследований демонстрируют, что получение образования в местах лишения свободы способствует снижению вероятности повторного совершения преступления [8], что, в свою очередь, оказывает положительное влияние на общественную безопасность и снижает нагрузку на уголовно-исполнительную систему. Наоборот, отсутствие полноценного образовательного процесса ведет к формированию порочного круга, при котором низкий уровень образования и профессиональной подготовки способствует повышению риска повторного совершения преступлений после освобождения [5, с. 51]. По данному вопросу совершенно справедливо высказа-

зались уполномоченный по правам человека одного из российских регионов Л.В. Романова, отметившая, что ежегодно из российских мест лишения свободы освобождается около 200 тысяч человек, которые из-за отсутствия образования и соответствующей квалификации пополняют ряды безработных, а затем вновь садятся на «скамью подсудимых» [14]. Таким образом, развитие системы образования в пенитенциарной среде является эффективным механизмом предупреждения рецидивной преступности и социальной реабилитации.

В-четвертых, образовательные программы в местах лишения свободы способствуют формированию у осужденных чувства социальной значимости и ответственности, что является важным компонентом их психологической реабилитации. Иначе говоря, право на образование приобретает не только юридическую, но и глубокую социально-психологическую значимость.

Следовательно, исследование права осужденных на образование, выявление его социальной и правовой обусловленности, анализ действующего законодательства и разработка предложений по его совершенствованию представляются актуальными как с теоретико-правовой, так и с прикладной точки зрения. Данная тема затрагивает широкий круг вопросов, связанных с обеспечением прав человека, социальной справедливостью, устойчивым развитием общества и эффективностью функционирования государственной пенитенциарной политики.

Образование в системе исполнения наказаний представляет собой сложное междисциплинарное явление, находящееся на стыке уголовного, образовательного, трудового и конституционного права. В этой связи возникает необходимость всестороннего правового анализа и совершенствования нормативно-правовой базы, регулирующей образовательную деятельность в местах лишения свободы. В условиях модернизации законодательства и активного реформирования уголовно-исполнительной системы РФ важно поддерживать правовые механизмы, обеспечивающие реальную возможность получения качественного образования осужденными лицами. Особую значимость данный вопрос при-

обретает в контексте реализации задач, обозначенных в Стратегии развития пенитенциарной системы РФ [10], а также в рамках национальных проектов, направленных на развитие человеческого капитала и социальной инклюзии. Признание образования как ключевого фактора ресоциализации диктует необходимость не только нормативного, но и институционального укрепления образовательной функции системы исполнения наказаний.

Однако, несмотря на очевидную социальную необходимость, реализация права на образование в исправительных учреждениях сталкивается с рядом ограничений.

Прежде всего, далеко не все места лишения свободы имеют соответствующую материально-техническую базу для проведения образовательных программ, что снижает их качество и доступность. В частности, недостаточная обеспеченность учебных классов, ограниченный доступ к современным образовательным ресурсам и цифровым технологиям серьезно ограничивают возможности осужденных в получении полноценного образования [4, с. 15]. Многие учебные классы в колониях оснащены устаревшим оборудованием, отсутствием современных средств обучения и передовых учебных материалов. Бессспорно, нехватка компьютеров, аудиовизуальной техники, необходимой учебной литературы и интернет-ресурсов существенно снижает качество образовательного процесса и ограничивает возможности для освоения востребованных профессий и навыков. В результате ограничения по бюджету усложняют модернизацию инфраструктуры, что ведет к застою в образовательной системе исправительных учреждений. Вместе с тем, как справедливо отмечает по данному вопросу Ю.А. Гаврилова, «автоматизация правовой деятельности приносит субъектам права скорость, транспарентность, функциональную доступность, пользу, единообразие правового инструментария, снижение затрат» [1, с. 73].

В рамках заявленной проблем важно отметить, что низкий уровень технической оснащенности препятствует внедрению дистанционных образовательных технологий (далее – ДОТ), которые могли бы значительно расширить доступ осужденных к качественному образованию. Безусловно, ДОТ поистине стали прогрессивным универсальным средством,

расширяющим возможности получения знаний в отношении многих категорий «обучаемых». Например, именно благодаря ДОТ достойное образование стало реально доступным для лиц с инвалидностью и иных граждан с ограниченными возможностями здоровья [13, с. 28].

Кроме того, преимущества ДОТ были оценены в полной мере в условиях широкого распространения в стране коронавирусной инфекции. В частности, российской системе образования удалось не только сохранить свою специфику, но и успешно трансформироваться на фоне такого глобального вызова, как пандемия COVID-19. Многие специалисты при этом отметили ряд «положительных эффектов», полученных посредством использования ДОТ. Например, Т.А. Обоскалова, Е.В. Кудрявцева и М.В. Коваль эмпирическим путем доказали, что дистанционное образование не только предоставило возможность колоссальной экономии временных и финансовых ресурсов, но и продемонстрировало высокий уровень гибкости (обучение в любое удобное время), индивидуализации (усвоение материала в любом темпе) и совместимости (возможность совмещение с работой, досугом и иными увлечениями) [11, с. 106].

Так, в сложившихся реалиях ДОТ стали не просто очень востребованным, а неотъемлемым инструментом современной российской системы образования. Вместе с тем совершенна недопустима ситуация, когда возможности реализации таких технологий в отношении отдельных групп населения (в частности, осужденных) фактически ограничиваются ввиду отсутствия финансовой и ресурсной поддержки со стороны государства. Вопрос внедрения ДОТ для осужденных в России крайне актуален, особенно в условиях стремительного развития цифровых технологий и роста потребности в адаптации системы исполнения наказаний к современным стандартам. Для осужденных исследуемый механизм особенно рентабелен ввиду объективных причин, среди которых значительная территориальная удаленность мест лишения свободы и т. д.

Более системно рассматривая заявленный вопрос, стоит отметить, что подобные традиционные формы получения образования, как очное, заочное и очно-заочное в силу указанных факторов фактически неприменимы

к контингенту осужденных лиц. Да, действующий закон предусматривает для положительно характеризующихся осужденных возможность получения высшего профессионального образования по заочной форме обучения, а также обязательность получения общего образования лицами, не достигшими тридцатилетнего возраста. Однако анализ статистических данных свидетельствует о том, что охват осужденных образованием в России остается относительно низким. По официальным сведениям Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) РФ лишь около 10–15 % заключенных получают какое-либо образование, будь то общее, профессиональное или дополнительное [12]. Такая ситуация объясняется не только ограничениями, связанными с инфраструктурой пенитенциарных учреждений, но и сложностями в организации образовательного процесса в условиях строгого режима, ограниченным доступом к учебным материалам и дефицитом квалифицированных педагогов, что негативно сказывается на организации учебного процесса и мотивации осужденных к обучению.

Дополнительным аргументом в пользу применения ДОТ может стать желание самих осужденных к лишению свободы повышать свой образовательный уровень. Современная статистика показывает устойчивый интерес осужденных к образовательным программам, что подтверждают данные социологических опросов. В опросах, проведенных среди заключенных, около 40–50 % респондентов отметили, что хотели бы получить или продолжить образование, однако сталкиваются с объективными трудностями, которые снижают их мотивацию. На необходимость цифровой модернизации образовательного процесса указывают и сотрудники ФСИН, которые отмечают недостаток ресурсов, кадров и специальных методик для обучения в условиях пенитенциарной среды [2, с. 121].

К тому же в интервью с представителями образовательных учреждений, сотрудничающих с исправительными колониями и следственными изоляторами, также выявлены проблемы, связанные с несовершенством законодательной базы, отсутствием системного финансирования и ограниченным доступом к современным образовательным технологиям. Учебные заведе-

ния отмечают необходимость создания более гибких форм обучения и внедрения дистанционных образовательных программ, адаптированных под специфику пенитенциарной системы [7, с. 43]. В связи с этим, среди осужденных, сотрудников мест лишения свободы и педагогических работников назрела необходимость перехода на качественно иной уровень обучения, который в отличие от традиционного смог бы стать более результативным и рентабельным.

Об успешности реализации инновационных форм и методов образования среди лиц, отбывающих тюремное заключение, также свидетельствует опыт ряда развитых зарубежных государств. Например, осужденные в Федеративной Республике Германия могут получить высшее образование в дистанционном режиме посредством использования различных форм получения знаний: проведение занятий посредством использования видео-конференц-связи, выполнение письменных заданий с отправкой по электронной почте, использование обучающих приложений и т. д. [6, с. 341]. Другой пример – опыт Великобритании, в исправительных учреждениях которой созданы все условия для повышения образовательного уровня заключенных, включая вечерние образовательные программы. Для этой цели действует система Prisoners' Education Trust (PET), предлагающая широкий выбор дистанционных курсов (более 100) в различных областях, от медицины до логистики [15, с. 48]. В целом можно отметить, что в современной зарубежной практике имеется множество примеров государств, которые широко внедряют достижения науки и техники в образовательный процесс осужденных.

Важно отметить, что в российской пенитенциарной системе уже делаются первые шаги к цифровизации и информатизации образовательно-воспитательного процесса. Ярким доказательством может стать реализация в марте 2025 г. на базе трех российских колоний (во Владимирской, Тверской и Рязанской областях) pilotного проекта, связанного с обучением осужденных основам православия. В рамках данного проекта осужденные в течение четырех месяцев с помощью специальной компьютерной учебно-цифровой платформы занимались изучением Ветхого, Нового Заветов, основ вероучения, церковной истории и богослужения. Как отмечают представители администрации дан-

ных колоний и педагоги-наставники, осужденные с большим интересом и воодушевлением проходили обучающий курс, а также успешно сдали итоговую аттестацию [16]. Данный пример свидетельствует о наличии опыта применения передовых технологий и демонстрирует готовность мест лишения свободы к новым, нетрадиционным формам получения знаний.

В сложившихся условиях оптимальным и наиболее перспективным механизмом получения образования (как общего, так и профессионального) видится широкое, повсеместное применение ДОТ, финансирование которых, к сожалению, выделяется по остаточному принципу. Однако представляется недостаточным говорить об исключительно материальной стороне данного аспекта. Бессспорно, разработка мер по расширению финансирования образовательного сектора уголовно-исполнительной системы носит принципиально значимый характер, но в целях достижения наибольшей результативности она должна сопровождаться соответствующими «корреспондирующими» законодательными изменениями.

Подобный анализ действующего российского законодательства позволяет с уверенностью утверждать, что в нем фактически отсутствует четко оформленный и единый правовой механизм для системного внедрения дистанционного образования в пенитенциарной системе. Важнейшим шагом, который будет положен в основу изменения сложившейся проблемной ситуации, видится закрепление в рамках ст.12 Уголовно-исполнительного кодекса (далее – УИК) РФ ч. 9.1 следующего содержания:

«Осужденные к лишению свободы имеют право на получение образования с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения в пределах, не противоречащих установленным режимам содержания и техническим возможностям исправительных учреждений».

Однако преждевременно говорить о достаточности предложенных мер. Для того, чтобы активизировать практику применения ДОТ в местах лишения свободы, целесообразно также внести соответствующие изменения и в регулятивное законодательство, а именно в федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». В частности, в обозначенном «ба-

зовом» для российской системы образования нормативном акте следует прописать фактическую возможность реализации дистанционного образования в исправительных учреждениях при соблюдении условий, установленных ФСИН и Министерством просвещения РФ. Речь идет о необходимости дополнения ст. 16 указанного закона ч. 6 следующего содержания:

«Дистанционные образовательные технологии могут применяться при обучении лиц, содержащихся в местах лишения свободы, в порядке, установленном федеральными органами исполнительной власти».

Важно учитывать и то, что прежде чем осуществлять активное внедрение ДОТ в исправительных учреждениях страны, целесообразно обеспечить физическую готовность осужденных к использованию цифровых технологий. В особенности изучение криминологического портрета типичного осужденного свидетельствует о том, что представители данного контингента населения отличаются низкой цифровой грамотностью: использование смартфонов, систем видеоконференцсвязи, облачных сервисов и файловых хранилищ вызывает у большинства лиц, находящихся в изоляции, значительные трудности [3, с. 129]. В связи с этим внедрение новых технологий должно сопровождаться комплексными мерами по обеспечению информационной грамотности осужденных и созданием условий для полноценного использования цифровых образовательных инструментов. Наиболее перспективными среди указанных мер видятся следующие.

1. Организация вводных обучающих курсов по основам информационной грамотности. В целях постепенной адаптации осужденных к дистанционным образовательным платформам следует внедрить обязательные вводные курсы, где они смогут освоить базовые навыки работы с компьютером, навигации по интерфейсу учебных систем, правилам безопасного использования информационных ресурсов. Эти курсы должны быть структурированы с учетом особенностей восприятия и уровня подготовки обучаемых.

2. Разработка специализированных учебных материалов. Необходимо создать адаптированные учебные пособия и методические материалы, которые простым и доступным языком объясняют основные понятия и действия в циф-

ровой среде. Такие материалы могут включать визуальные инструкции, видеоуроки и интерактивные задания, что повысит мотивацию и понимание процессов дистанционного обучения.

3. Обеспечение технической поддержки и наставничества. Важным элементом повышения информационной грамотности станет организация службы технической поддержки, которая будет помогать осужденным при возникновении трудностей с использованием дистанционных платформ. Также полезно внедрить систему наставничества, где более опытные обучающиеся или сотрудники колонии смогут консультировать новичков.

4. Регулярное проведение тренингов и практических занятий. Для закрепления и расширения навыков работы с цифровыми технологиями необходимо регулярно проводить тренинги и практические занятия. Они могут включать отработку конкретных действий – регистрации, загрузки заданий, участия в онлайн-консультациях, что способствует формированию уверенности в использовании технологий.

5. Внедрение мотивационных программ и оценка компетенций. Для стимулирования осужденных к развитию информационной грамотности следует предусмотреть систему поощрений – сертификаты, дополнительные возможности для обучения и профессиональной подготовки. Периодическая оценка полученных знаний и умений позволит выявлять пробелы и корректировать учебный процесс.

6. Обеспечение безопасности и этического использования информационных технологий. Обязательным условием является обучение осужденных правилам информационной безопасности, защите персональных данных и этическому поведению в цифровой среде. Это поможет предотвратить злоупотребления и повысит общую культуру работы с информацией.

Видится, что предложенный комплексный подход к обучению заключенных основам работы с информацией, включая разработку и внедрение соответствующих мер, станет ключом к эффективному использованию дистанционных образовательных технологий в местах лишения свободы.

Подводя итог, можно констатировать, что право осужденных на образование в РФ представляет собой важнейший аспект реализации конституционных и международных норм в

сфере прав человека и гуманитарного права в целом. В современных условиях развития уголовно-исполнительной системы особое значение приобретает социальная обусловленность данного права, поскольку образование выступает не только средством повышения культурного и интеллектуального уровня осужденных, но и важнейшим фактором их ресоциализации и профилактики рецидива преступлений. Вместе с тем социально-правовые механизмы обеспечения права на образование в местах лишения свободы требуют системного анализа с точки зрения их соответствия современным социальным реалиям и правовым стандартам, а также оценки эффективности действующей нормативно-правовой базы и необходимости ее совершенствования.

Несмотря на наличие законодательных гарантий, существующая пенитенциарная система нуждается в существенном совершенствовании с целью повышения доступности и качества образовательных программ в исправительных учреждениях. В частности, необходимы внедрение современных образовательных технологий, расширение возможностей получения различных уровней образования посредством возможностей цифровизации, а также разработка мер по повышению информационной грамотности среди осужденных. Совершенствования требуют и отдельные нормативные правовые акты в данной сфере, а именно УИК РФ и ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Предложенные меры позволяют повысить эффективность реализации права на образование для осужденных, способствуя их успешной интеграции в общество и снижению уровня повторной преступности, что в конечном итоге будет способствовать укреплению правового государства и социальной стабильности в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гаврилова, Ю. А. Теоретико-правовые основы автоматизации юридической деятельности / Ю. А. Гаврилова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 1. – С. 72–79. – DOI: <https://doi.ru/10.15688/lc.vol24.1.10>

2. Галкина, Г. Д. Отношение осужденных к образовательной деятельности в зависимости от получения или не получения образования в местах лишения

- свободы / Г. Д. Галкина // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2020. – № 4 (50). – С. 118–125.
3. Грязнов, С. А. О необходимости цифровой грамотности в местах лишения свободы / С. А. Грязнов // Инновации. Наука. Образование. – 2020. – № 21. – С. 129–132.
 4. Гусеян, Г. О. Проблемы внедрения дистанционных образовательных технологий в процесс получения образования осужденными в условиях цифровой трансформации / Г. О. Гусеян, А. В. Бондарева, Д. Н. Химеденова // Полицейская деятельность. – 2024. – № 2. – С. 8–17.
 5. Душкин, А. С. Оценка риска совершения преступлений лицами, освобожденными из мест лишения свободы / А. С. Душкин, Е. С. Федотова // Российский девиантологический журнал. – 2024. – № 1. – С. 45–61.
 6. Ельчанинова, О. Ю. Высшее образование для осужденных с применением дистанционных образовательных технологий в исправительных учреждениях зарубежных стран / О. Ю. Ельчанинова // Пенитенциарная наука. – 2023. – Т. 17, № 3 (63). – С. 337–344.
 7. Курушин, П. Д. Особенности преподавания в образовательных учреждениях пенитенциарного типа / П. Д. Курушин // Научно-педагогическое обозрение. – 2023. – № 5 (51). – С. 36–46.
 8. Лихтанская, О. И. Возможность получения высшего образования в исправительных колониях как фактор снижения уровня рецидивной преступности / О. И. Лихтанская, А. А Алимов // Наука и социум: материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Новосибирск, 2018. – С. 25–28.
 9. Мамонько, С. М. Правовое регулирование общего образования и профессионального обучения осужденных к лишению свободы // Молодой ученый. – 2024. – № 26 (525). – С. 271–272.
 10. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
 11. Обоскалова, Т. А. Исследование влияния дистанционного обучения в период пандемии инфекции COVID-19 на образ жизни и качество образования студентов медицинского вуза. Опыт кафедры акушерства и гинекологии / Т. А. Обоскалова, Е. В. Кудрявцева, М. В. Коваль // Уральский медицинский журнал. – 2021. – № 1. – С. 103–108.
 12. Получение осужденными к лишению свободы высшего профессионального образования. – URL: https://fsin.gov.ru/structure/social/vishee%20obrazovanie/index.php?sphrase_id=806117
 13. Романенкова, Д. Ф. Основные подходы к обеспечению доступности инклюзивного высшего образования средствами дистанционных технологий / Д. Ф. Романенкова // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. – 2021. – № 1 (13). – С. 27–32.
 14. Романова, Л. В. Реализация права на образование осужденных к лишению свободы / Л. В. Романова. – URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/institut/institut_upoln/koordin_sovet/20.04.2021_koordin_sovet/Romanov_pravo_na_obrazovan_osugden.pdf
 15. Режапова, И. М. Роль пенитенциарного образования в последующей ресоциализации осужденных (опыт зарубежных стран) / И. М. Режапова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 1 (13). – С. 47–52.
 16. Синодальный отдел по тюремному служению и ПСТГУ провели pilotный проект по обучению осужденных основам Православия. – URL: <https://azbyka.ru/news/sinodalnyj-otdel-po-turementnomu-sluzheniju-i-pstgu-proveli-pilotnyj-proekt-po-obucheniju-osuzhdennyh-osnovam-pravoslavija>

REFERENCES

1. Gavrilova Ju.A. Teoretiko-pravovye osnovy avtomatizacii juridicheskoy dejatelnosti [Theoretical and Legal Foundations of the Automaton of Legal Activities]. *LegalConcept = Pravovaja paradigma*, 2025, vol. 24, no. 1, pp. 72–79. DOI: <https://doi.ru/10.15688/lc.vol24.2025.1.10>
2. Galkina G.D. Otnoshenie osuzhdennyh k obrazovatelnoj dejatelnosti v zavisimosti ot poluchenija ili nepoluchenija obrazovanija v mestah lishenija svobody [Attitude of Convicts to Educational Activities Depending on Whether They Received or Did Not Receive an Education in Places of Imprisonment]. *Sovremennaja vysshaja shkola: innovacionnyj aspekt*, 2020, no. 4 (50), pp. 118–125.
3. Grjaznov S.A. O neobhodimosti cifrovoj gramotnosti v mestah lishenija svobody [On the Need for Digital Literacy in Prisons]. *Innovacii. Nauka. Obrazovanie*, 2020, no. 21, pp. 129–132.
4. Gusejan G.O., Bondareva A.V., Himedanova D.N. Problemy vnedrenija distancionnyh obrazovatelnyh tehnologij v process poluchenija obrazovanija osuzhdennymi v uslovijah cifrovoj transformacii [Problems of Implementing Distance Learning Technologies in the Process of Obtaining Education for Convicts in the Context of Digital Transformation]. *Policejskaja dejatelnost*, 2024, no. 2, pp. 8–17.
5. Dushkin A.S., Fedotova E.S. Ocenka risika sovershenija prestuplenij licami, osvobozhdennymi iz mest lishenija svobody [Assessing the Risk of Crimes Committed by Persons Released from Places of Imprisonment]. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2024, no. 1, pp. 45–61.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

6. Elchaninova O.Ju. Vysshee obrazovanie dlja osuzhdennyh s primeneniem distacionnyh obrazovatelnyh tehnologij v ispravitelnyh uchrezhdenijah zarubezhnyh stran [Higher Education for Convicts Using Distance Learning Technologies in Correctional Institutions of Foreign Countries]. *Penitenciarnaja nauka*, 2023, vol. 17, no. 3 (63), pp. 337-344.
7. Kurushin P.D. Osobennosti prepodavaniya v obrazovatelnyh uchrezhdenijah penitenciarnogo tipa [Peculiarities of Teaching in Penitentiary-Type Educational Institutions]. *Nauchno-pedagogicheskoe obozrenie*, 2023, no. 5 (51), pp. 36-46.
8. Lihtanskaja O.I., Alimov A.A. Vozmozhnost poluchenija vysshego obrazovanija v ispravitelnyh kolonijah kak faktor snizhenija urovnja recidivnoj prestupnosti [The Possibility of Obtaining Higher Education in Penal Colonies as a Factor in Reducing the Level of Recidivism]. *Nauka i socium: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Science and Society: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference]. Novosibirsk, 2018, pp. 25-28.
9. Mamenko S.M. Pravovoe regulirovaniye obshhego obrazovanija i professionalnogo obuchenija osuzhdennyh k lisheniju svobody [Legal Regulation of General Education and Vocational Training of Persons Sentenced to Imprisonment]. *Molodoj uchenyj*, 2024, no. 26 (525), pp. 271-272.
10. O Konsepcii razvitiya ugolovno-ispolnitelnoj sistemy Rossijskoj Federacii na period do 2030 g.: Rasporyazhenie Pravitelstva RF ot 29.04.2021 № 1138-r [On the Concept of Development of the Penal System of the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation of April 29, 2021 No. 1138-r]. Access from Reference Legal System "KonsultantPlyus".
11. Oboskalova T.A., Kudryavceva E.V., Koval M.V. Issledovanie vlijaniya distacionnogo obuchenija v period pandemii infekcii COVID-19 na obraz zhizni i kachestvo obrazovanija studentov medicinskogo vuza. Opyt kafedry akusherstva i ginekologii [Research on the Impact of Distance Learning During the COVID-19 Pandemic on the Lifestyle and Quality of Education of Medical Students. Experience of the Obstetrics and Gynecology Department]. *Uralskij medicinskij zhurnal* [Ural Medical Journal], 2021, no. 1, pp. 103-108.
12. Poluchenie osuzhdennymi k lisheniyu svobody vysshego professionalnogo obrazovaniya [Obtaining Higher Professional Education by Persons Sentenced to Imprisonment]. URL: https://fsin.gov.ru/structure/social/vysshee%20obrazovanie/index.php?phrase_id=806117
13. Romanenkova D.F. Osnovnye podhody k obespecheniju dostupnosti inkluzivnogo vysshego obrazovanija sredstvami distacionnyh tehnologij [Key Approaches to Ensuring Accessibility of Inclusive Higher Education Through Distance Learning Technologies]. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie i zdравоохранение*, 2021, no. 1 (13), pp. 27-32.
14. Romanova L.V. Realizaciya prava na obrazovanie osuzhdennym k lisheniyu svobody [Implementation of the Right to Education of Persons Sentenced to Imprisonment]. URL: https://map.ombudsmanrf.org/Karta_Yadro/prav_z_karta/institut/institut_upoln/koordin_sovet/20.04.2021_koordin_sovet/Romanov_pravo_na_obrazovan_osugden.pdf
15. Rezhapova I.M. Rol penitenciarnogo obrazovanija v posledujushhej resocializacii osuzhdennyh (opyt zarubezhnyh stran) [Role of Penitentiary Education in the Subsequent Resocialization of Convicts (Experience of Foreign Countries)]. *Teoriya i praktika sociogumanitarnyh nauk*, 2021, no. 1 (13), pp. 47-52.
16. Sinodalnyj otdel po tyuremnому sluzheniyu i PSTGU proveli pilotnyj proekt po obucheniju osuzhdennyh osnovam Pravoslaviya [Synodal Department for Prison Ministry and St. Tikhon Orthodox University Conducted a Pilot Project to Teach Prisoners the Basics of Orthodoxy]. URL: <https://azbyka.ru/news/sinodalnyj-otdel-po-tjuremnomu-sluzheniju-i-pstgu-proveli-pilotnyj-proekt-po-obucheniju-osuzhdennyh-osnovam-pravoslaviya>

Information About the Author

Stanislav Yu. Starodubov, Postgraduate Student, Department of Criminal Law, Southwest State University, 50 let Oktyabrya St, 94, 305040 Kursk, Russian Federation, khimedenova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3642-4085>

Информация об авторе

Станислав Юрьевич Стародубов, аспирант кафедры уголовного права, Юго-Западный государственный университет, ул. 50 лет Октября, 94, 305040 г. Курск, Российская Федерация, khimedenova@internet.ru, <https://orcid.org/0009-0006-3642-4085>

DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.18>

UDC 347:330.322

LBC 67.404.013.11

Submitted: 03.09.2025

Accepted: 10.11.2025

DIGITAL INVESTMENT EQUIVALENTS: THE MODERNIZATION OF INVESTMENT TOOLS IN THE DIGITAL ECONOMY

Alexander I. GoncharovVolgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Moscow University "Synergy", Moscow, Russian Federation**Andrey N. Sadkov**

Saint Petersburg State Agrarian University, Saint Petersburg, Russian Federation

Vitaly A. SadkovSaint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation,
Saint Petersburg, Russian Federation

© Гончаров А.И., Садков А.Н., Садков В.А., 2025

Introduction: The problems of modernizing investment tools in the digital economy, on the one hand, are the subject of active scientific discussions; on the other hand, the legal regulation of new digital forms of assets remains fragmented and does not fully meet the challenges of the time. In the Russian legal system, two investment models exist and are developing in parallel: through undocumented monetary securities and through digital financial assets (hereinafter referred to as DFA). However, their potential is not fully exploited: classic securities are slower to adapt to the advantages of platform solutions, and the design of the DFA is de facto reduced to digital monetary requirements ("digital promissory notes"), without realizing the possibility of issuing shares or other complex instruments. The key problems are the technological risks of the multiplicity of private DFA release operators, the limited liability of these operators and the lack of a single trusted center, which is confirmed by the cases of defaults in the DFA market. The **purpose** of the study is to substantiate the need to consolidate the national investment toolkit on a single digital platform in the Bank of Russia system. Research **objectives**: to conduct a comparative analysis of the legal regimes of undocumented securities and digital financial assets as investment instruments; to identify systemic deficiencies and risks of the modern DFA market; to characterize the concept of a national platform for digital investment equivalents. Research **methods**: 1) general scientific: analysis, synthesis, comparison, analogy; 2) specific scientific: formal-legal, comparative law, system-structural analysis, the method of legal modeling. **Results**: 1) a disparity in the use of DFA types has been identified, which consists in the dominance of short-term monetary requirements relative to all other types of DFA; 2) the need to overcome the multiplicity of investment platforms through centralization has been argued; 3) the architecture of the national platform for digital investment equivalents is proposed, similar to the construction of the digital ruble platform, with the functions of the Bank of Russia as a regulator, operator, registrar, and registry holder. **Conclusions**: the author's concept has been formulated, according to which all issued securities (stocks, bonds, options, Russian depositary receipts), as well as promissory notes, should be transformed into standardized digital investment equivalents issued, accounted for and stored on a single centralized platform of the Bank of Russia. This will increase the reliability, transparency, liquidity, and controllability of the investment process, eliminate cumbersome legal structures, and create a stable foundation for the investment sovereignty of Russia's digital economy.

Key words: investments, digital economy, digital investment equivalents, digital financial assets, undocumented securities, digital currency.

Citation. Goncharov A.I., Sadkov A.N., Sadkov V.A. Digital Investment Equivalents: The Modernization of Investment Tools in the Digital Economy. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 151-159. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.18>

УДК 347:330.322
ББК 67.404.013.11

Дата поступления статьи: 03.09.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

**ЦИФРОВЫЕ ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ:
МОДЕРНИЗАЦИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ
В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ**

Александр Иванович Гончаров

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российской Федерации;
Московский университет «Синергия», г. Москва, Российской Федерации

Андрей Николаевич Садков

Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, г. Санкт-Петербург, Российской Федерации

Виталий Андреевич Садков

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации,
г. Санкт-Петербург, Российской Федерации

Введение: проблемы модернизации инвестиционного инструментария в условиях цифровой экономики, с одной стороны, являются предметом активных научных дискуссий, с другой – правовое регулирование новых цифровых форм активов остается разрозненным и не в полной мере отвечает вызовам времени. В российской правовой системе параллельно существуют и развиваются две модели инвестирования: через бездокументарные денежные ценные бумаги и через цифровые финансовые активы (ЦФА). Однако их потенциал используется неполно: классические ценные бумаги медленнее адаптируются к преимуществам платформенных решений, а конструкция ЦФА де-факто сводится к цифровым денежным требованиям («цифровым векселям»), не реализуя возможности для выпуска акций или иных сложных инструментов. Ключевыми проблемами являются технологические риски множественности частных операторов выпуска ЦФА, ограниченная ответственность этих операторов и отсутствие единого доверенного центра, что подтверждается случаями дефолтов на рынке ЦФА. **Цель исследования:** обоснование необходимости консолидации национального инвестиционного инструментария на единой цифровой платформе в системе Банка России. **Задачи исследования:** провести сравнительный анализ правовых режимов бездокументарных ценных бумаг и цифровых финансовых активов как инвестиционных инструментов; выявить системные недостатки и риски современного рынка ЦФА; охарактеризовать концепцию национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов. **Методы исследования:** 1) общенаучные: анализ, синтез, сравнение, аналогия; 2) частно-научные: формально-юридический, сравнительно-правовой, системно-структурный анализ, метод правового моделирования. **Результаты:** 1) выявлена диспропорция в использовании видов ЦФА, заключающаяся в доминировании краткосрочных денежных требований относительно всех других видов ЦФА; 2) аргументирована необходимость преодоления множественности платформ для инвестирования путем централизации; 3) предложена архитектура национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов, аналогичная построению платформы цифрового рубля, с функциями Банка России как регулятора, оператора, регистратора, держателя реестра эмиссий. **Выводы:** сформулирована авторская концепция, в соответствии с которой все эмиссионные объекты инвестирования (акции, облигации, опционы, российские депозитарные расписки), а также векселя должны быть трансформированы в стандартизованные цифровые инвестиционные эквиваленты, выпускаемые, учитываемые и хранимые на единой централизованной платформе Банка России. Это позволит повысить надежность, прозрачность, ликвидность и контролируемость инвестиционного процесса, устранит громоздкие правовые конструкции и создаст устойчивый фундамент для инвестиционного суверенитета цифровой экономики России.

Ключевые слова: инвестиции, цифровая экономика, цифровые инвестиционные эквиваленты, цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, цифровая валюта.

Цитирование. Гончаров А. И., Садков А. Н., Садков В. А. Цифровые инвестиционные эквиваленты: модернизация инвестиционного инструментария в цифровой экономике // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 151–159. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2025.3.18>

Введение

Прогрессивное развитие человечества сопровождается эволюцией всех сфер общественной жизни, от простейших уровней взаимодействия между индивидами и их общностями к более высоким, что невозможно без повышения эффективности использования различных ресурсов, выступающих в качестве материальной базы социума. Сегодня общепризнанным является тот факт, что с развитием общества развиваются и потребности человека [13]. Это обуславливает необходимость поиска новых ресурсов, позволяющих удовлетворять растущие потребности.

Среди экономических ресурсов принято выделять: трудовые ресурсы; капитал; способность людей организовывать производство товаров, выполнение работ, оказание услуг (предпринимательский ресурс); знания, необходимые для организации хозяйственной деятельности; природные ресурсы (земельные, минеральные, водные, биологические, агроклиматические и рекреационные активы) [20]. Мы убеждены в том, что ограниченность ресурсов [8, с. 3] является одним из важнейших факторов возрастающей международной конкуренции.

В условиях ограниченности ресурсов на первое место выходит проблематика эффективности их использования. Если в отношении сырьевых ресурсов это касается стоимости их добычи и переработки, а в отношении человеческих ресурсов качества подготовленности специалистов и умения принимать эффективные решения, то в отношении капитала – показателями эффективности его использования является информация, отражающая насколько интенсивно капитал генерирует прибыль.

Общеизвестная фраза «деньги должны работать» демонстрирует идею о том, что пассивное обездвижение денег приводит к потере их стоимости [14]. Зачастую именно это и лежит в основании инвестиционных конструкций современного предпринимательства. Даже в действующем легальном определении термина «инвестиции», содержащемся в ст. 1 Федерального закона от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществля-

емой в форме капитальных вложений» [23] в качестве инвестиций рассматриваются прежде всего деньги и «права, имеющие денежную оценку», которые вкладываются в предпринимательскую деятельность для получения прибыли, достижения иного полезного эффекта.

Накопленный опыт инвестирования показывает, что оптимальными и комфортными способами инвестирования выступают конструкции, которые позволяют должным образом зафиксировать экономико-правовые отношения, возникающие между инвесторами и лицами, привлекающими инвестиции. Среди наиболее востребованных инвестиционных конструкций особо следует выделить использование денежных ценных бумаг и цифровых финансовых активов. При этом стремительно развивающаяся компьютерная алгоритмизация (цифровизация) экономических отношений обуславливает потребность в совершенствовании инвестиционного инструментария и разработке таких решений, которые позволяют повысить эффективность использования денежных инвестиционных ресурсов, прозрачность заключаемых инвестиционных сделок, упростить доступ хозяйствующим субъектам на инвестиционные площадки и товарные рынки, повысить долю малого предпринимательства в объеме валового внутреннего продукта [3, с. 97].

Исследование денежных ценных бумаг и цифровых финансовых активов с позиций направлений инвестирования

Действующий правовой режим, регламентирующий процедуры вложения капитала в объекты предпринимательской деятельности, разработан с учетом бивариантности направлений инвестирования. В рамках первого варианта системы инвестирования лицо, привлекающее инвестиции, осуществляет эмиссию денежных ценных бумаг с удостоверением соответствующих юридически значимых фактов Банком России. Такой порядок предусматривает выпуск на финансовый рынок акций, облигаций, опционов эмитента, российских депозитарных расписок. С учетом изменений, вносимых в Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке цен-

ных бумаг» [21] и вступающих в силу с 1 марта 2026 г., взаимодействие эмитента и Банка России при представлении проспекта эмиссии, устраниении замечаний, регистрации выпуска (дополнительного выпуска) эмиссионных ценных бумаг будет осуществляться в заочно-дистанционном порядке, а сами выпущенные ценные бумаги будут фигурировать на финансовом рынке в виде электронных документов с уникальным государственным регистрационным номером [22]. Именно эти электронные документы (электронные бездокументарные денежные ценные бумаги), подтверждающие имущественные права инвестора, будут включаться в котировочные листы биржевых площадок (таких как Московская Биржа, СПБ Биржа и др.) для проведения различных сделок. В соответствии с логикой российского законодателя электронные бездокументарные денежные ценные бумаги, фиксирующие инвестиционные отношения (достаточно часто правоведы рассматривают их в качестве «объектов инвестиционной деятельности» [10, с. 57]), инвесторы будут «хранить» в соответствующих депозитариях, имея на руках выписки из электронных реестров. Причем в работоспособности учетно-регистрационной инфраструктуры российского финансового рынка сомневаться не приходится.

В рамках второго варианта действующей в настоящее время в Российской Федерации системы инвестирования лицо, привлекающее инвестиции, осуществляет выпуск цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), под которыми законодатель в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА) рассматривает специфичный видовой набор цифровых прав (денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг), выпуск которых осуществляется при посредничестве специального субъекта – оператора информационной системы, обеспечивающего функционирование соответствующей информационной системы. Подобная си-

стема работает по технологии распределенного реестра, в ней осуществляется учет и обращение записей, подтверждающих объем, вид и срочно-финансовые параметры соответствующих имущественных требований, а также реквизиты их правообладателей и обязанных лиц [19, с. 11]. Таким образом, ЦФА представляют собой симбиоз, сочетающий одновременно способ фиксации права (инвестиционный инструмент) и объект для вложения капитала (инвестиционный актив) [5, с. 84], которые в качестве объектов для инвестирования параллельно с бездокументарными электронными денежными ценными бумагами присутствуют на биржевых площадках Московская Биржа и СПБ Биржа (эти биржи допущены Банком России к выпуску и обмену ЦФА в качестве операторов обмена цифровых финансовых активов) [16].

В рамках оборота ЦФА нет необходимости в создании электронных документов, а информация о принадлежности имущественных прав, их объеме, сроках погашения, правообладателях, обязанных лицах фиксируется в специальных цифровых кодах, доступ к которым имеется у пользователей соответствующей информационной системы: лица, выпустившего ЦФА; обладателя ЦФА; оператора выпуска ЦФА и оператора обмена ЦФА. Некоторые ученые полагают, что такие цифровые данные (по своей сути цифровые коды) следует рассматривать в качестве новых видов информационных объектов, ибо они высступают в качестве «особых экономических благ» [11, с. 312]. Однако такая позиция требует определенной оговорки, ведь объектами прав следует считать не информацию о тех или иных благах (независимо от того, в какой форме эта информация объективирована), а сами блага (прежде всего имущество), что достаточно четко видно при системном анализе норм ст. 128 Гражданского кодекса РФ. Что же касается формы фиксации той или иной информации об имущественных правах (считай, благах, объектах гражданских прав), то этот момент больше касается правового института формы сделки [5, с. 86].

Очевидно, что оборот и бездокументарных денежных ценных бумаг и ЦФА невозможен без использования современных компьютерных технологий и соответствующих

средств обработки информации. Однако если технология бездокументарных ценных бумаг базируется на принципе централизованного электронного реестра подконтрольного Банку России, то феномен ЦФА позволяет достаточно полно реализовать преимущества платформенного взаимодействия, основой которого является технология блокчейна. О перспективности финансовых технологий, в основе которых лежит концепция распределенного реестра, свидетельствует активный рост оборота ЦФА и цифровой валюты (в том числе и цифровой валюты центральных банков – Central Bank Digital Currency; далее – CBDC) [9, с. 161]. Однако, даже несмотря на то, что к концу декабря 2024 г. объем рынка ЦФА составил более 154,3 млрд рублей (по сравнению с 2023 г. продемонстрировав рост более чем в 4,8 раза) [1], а в июне 2025 г. было размещено 143 выпуска ЦФА с общим объемом более 168 млрд рублей [6], подавляющее количество выпусков ЦФА касается только одной разновидности ЦФА – денежных требований. В частности, из 28 выпусков ЦФА, размещенных на платформе Цифровые активы Сбербанка России, все 28 – это денежные требования. Аналогичная ситуация сложилась и в Сбербанке как по 49 состоявшимся выпускам, так и по 87 погашенным выпускам ЦФА [12]. Такое же положение фиксируется и на платформах других операторов выпусков ЦФА [17; 18]. Причем в июне 2025 г. основной объем новых размещений ЦФА составили выпуски денежных требований со сроком обращения до одной недели [2].

Фактически в настоящее время все преимущества, заложенные в конструкции ЦФА, используются только применительно к удостоверению заемных денежных обязательств, тогда как выпусков акций в виде ЦФА и выпусков ЦФА, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам или требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, нет. Полагаем, что это обусловлено рядом обстоятельств, среди которых следует отметить: 1) низкое доверие инвесторов к факту множественности эмиссионных центров ЦФА (в настоящее время в реестре операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, указано 15 организаций [15]), вызванное дос-

таточно высоким показателем технологического риска деятельности оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск тех или иных ЦФА, когда каждый из операторов разрабатывает свой алгоритм программы информационной системы и защитные механизмы, исходя из своих персональных возможностей, ресурсов и предпочтений; 2) ограниченность ответственности оператора выпуска ЦФА рамками уставного капитала соответствующего хозяйственного общества, что вызывает опасения у инвестора по вопросам уверенности в возмещении убытков от некачественной деятельности оператора выпуска ЦФА и участию в масштабных проектах [4, с. 128–129]; 3) отсутствие у 70 % эмитентов ЦФА кредитного рейтинга [2]. Важно отметить, что ЦФА как денежное требование, по сути, представляет собой «цифровой вексель», но с улучшенными относительно классического документарного простого векселя характеристиками. В электронном обороте – это цифровой код, удостоверяющий имущественное право (требование на получение денежной суммы) и имеющий простейшую экономико-правовую конструкцию, фиксирующую правоотношение между кредитором и заемщиком. Каждый инвестор имеет возможность просто, быстро, недорого инвестировать в такое требование деньги, а также (при необходимости) уступить такое требование другому инвестору. Посредством конструкции ЦФА как денежного требования классический ликвидный долг-документ (документарный простой вексель) модернируется в ликвидный долг-цифровой код.

Несовершенство законодательного регулирования рынка ЦФА в части отсутствия требований по обязательному раскрытию существенных фактов выпуска ЦФА эмитентами ЦФА и операторами выпуска ЦФА привело к тому, что в июне 2025 г. на рынке ЦФА были зафиксированы два дефолта. В частности, новосибирская сеть автосалонов Автосити не смогла погасить размещенные на платформе А-Токен денежные требования, выпущенные в виде в виде ЦФА, а фирма Биллион (производитель экскаваторов) не смогла своевременно погасить третий выпуск ЦФА объемом 2,6 млн рублей, размещенных на платформе Токеон [7].

Полагаем, что ситуация, когда преимущества платформенного взаимодействия в полной мере не используются в рамках привлечения инвестиций посредством выпуска бездокументарных денежных ценных бумаг, а положительный потенциал, заложенный в конструкцию ЦФА, не востребован, негативно сказывается на российском инвестиционном рынке, испытывающим сложности, обусловленные беспрецедентным санкционным давлением, оказываемым странами Коллективного Запада на национальную экономику. На наш взгляд, преодоление создавшегося положения возможно посредством совершенствования инвестиционного инструментария, учитывающего достижения современной науки и техники, потенциал Банка России и опыт функционирования платформы цифрового рубля.

Совершенствование инвестиционного механизма в современной цифровой экономике

Накопленный к настоящему моменту опыт предопределяет, что в качестве практико-ориентированных направлений реального перехода к цифровой экономике в ближайшей перспективе (к 2030 г.), необходимо провести модернизацию отечественного инвестиционного инструментария, а именно – трансформировать все разновидности эмиссионных объектов инвестирования исключительно в цифровые объекты, причем это следует осуществлять не на разрозненных площадках частных операторов финансовых, инвестиционных платформ и информационных систем, а используя положительную практику внедрения в Российской Федерации цифрового рубля. Таким образом, назрела объективная необходимость формирования национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов, функционирующей в системе Банка России.

Банк России выпускает наличные деньги в виде банкнот, у каждой из которых есть свой уникальный номер. Каждый держатель такой банкноты (билета Банка России) имеет к нему требование, соразмерное номиналу данной банкноты. Однако для обеспечения устойчивого оборота наличных денег требуется особая бумага и качественная печать бан-

кнот с высокой степенью их защиты от подделок. Цифровая технология снимает эту проблему, поскольку цифровой рубль имеет форму уникального кода, хранящегося в специальному электронном кошельке непосредственно на защищенном информационном носителе Банка России. Каждый россиянин может завести себе по одному такому кошельку. Сделать это можно через мобильное приложение любого банка, причем использование нового сервиса абсолютно добровольное. Открыть цифровой кошелек на платформе цифрового рубля Банка России сможет только сам гражданин при осознанном и законно оформленном волевом желании. Автоматическое открытие цифрового кошелька недопустимо. Если россиянин посчитает, что ему не нужен цифровой кошелек с цифровыми рублями, то он просто не будет открывать себе счет цифрового рубля [24].

Полагаем, что формирование национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов в Банке России возможно по аналогии. На платформе Центрального банка каждому эмитенту будет открываться уникальный цифровой инвестиционный портфель, в который Банк России запишет в виде уникальных цифровых кодов в соответствии с параметрами эмиссии цифровые инвестиционные эквиваленты при их выпуске (например, цифровые векселя, цифровые облигации, цифровые акции, цифровые опционы и др.), одновременно осуществляя регистрацию и хранение эмиссии до размещения среди инвесторов, а также контроль после размещения.

Каждому инвестору, который зарегистрируется на платформе цифровых инвестиционных эквивалентов при посредничестве профессиональных участников рынка ценных бумаг, операторов финансовых, инвестиционных платформ и информационных систем, Банком России будет открыт уникальный цифровой инвестиционный кошелек. По результатам сделок инвестору в его цифровой инвестиционный кошелек Банк России будет записывать (а из портфеля эмитента списывать) приобретаемые (отчуждаемые) цифровые инвестиционные эквиваленты (например, цифровые векселя, цифровые облигации, цифровые акции, цифровые опционы и др.).

Такая модернизация инвестиционного механизма цифровой экономики современной

России позволит повысить надежность, прозрачность, контроль, интенсивность и объемы инвестиционного оборота, а также будет способствовать устранению громоздких инвестиционных конструкций, предусмотренных действующим российским законодательством, при которых сначала удостоверяется некое имущественное право (требование), а затем «сверху» нагромождается еще и цифровое удостоверение имеющегося удостоверения. Предложенная в общих чертах архитектура национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов в сочетании с модернизацией привычных бездокументарных ценных бумаг в их цифровые инвестиционные эквиваленты будет способствовать решению данной проблемы.

Выводы

Предлагаемая модернизация инвестиционного механизма позволит повысить надежность, прозрачность, контролируемость, интенсивность и объемы инвестиционного оборота в России. Это упростит громоздкие инвестиционные конструкции, предусмотренные действующим законодательством, при которых имущественное право сначала удостоверяется одним способом, а затем повторно «надстраивается» его цифровое представление. Формирование национальной платформы цифровых инвестиционных эквивалентов под контролем Банка России в сочетании с трансформацией бездокументарных ценных бумаг в цифровые эквиваленты будет способствовать решению указанных проблем и создаст основу для устойчивого роста цифровой экономики страны в условиях внешних вызовов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень по ЦФА 2024. – URL: <https://cbonds.ru/comments/566011/download/>
2. Бюллетень по ЦФА июнь 2025. – URL: <https://cbonds.ru/comments/607585/download/>
3. Гончаров, А. И. Цифровые финансовые активы: инвестиционное содержание и правовой режим: монография / А. И. Гончаров, М. В. Гончарова, А. Н. Садков, В. А. Садков, А. А. Орлова. – Самара : Поволжская научная корпорация, 2024. – 243 с.
4. Гончаров, А. И. О необходимости формирования национальной интернет-платформы цифровых финансовых активов / А. И. Гончаров, А. Н. Садков, В. А. Садков, А. А. Орлова // Вестник института экономических исследований. – 2024. – № 2 (34) – С. 123–131.
5. Гончаров, А. И. Правовая природа цифровых финансовых активов по законодательству Российской Федерации / А. И. Гончаров, В. А. Садков // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2023. – Т. 22, № 2. – С. 82–90. – DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>
6. Итоги выпусков ЦФА по всем ОИС за июнь. – URL: https://t.me/CFA_RF/1143
7. Ковалев, А. Цифровое регулирование проверили дефолтами. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7851800>
8. Кушина, В. В. Ресурсные ограничения развития экономики современной России : автореф. дис... канд. экон. наук / Кушина Вероника Васильевна. – Саратов, 2013. – 24 с.
9. Кулаков, М. В. Цифровые валюты центральных банков: природа и назначение / М. В. Кулаков, И. А. Носов // Вестник Московского университета. Серия 6, Экономика. – 2024. – № 4. – С. 160–180. – DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-8>
10. Лаптева, А. М. Понятие объекта инвестиционной деятельности / А. М. Лаптева // Вестник СПбГУ. Серия 14, Право. – 2025. – № 1. – С. 48–62. – DOI: [10.21638/spbu14.2025.104](https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.104)
11. Мильков, А. В. Цифровые данные как объекты гражданских прав / А. В. Мильков, О. Ю. Колесникова // Аграрное и земельное право. – 2025. – № 4. – С. 312–314.
12. Платформа ПАО Сбербанк «Цифровые активы». – URL: <https://dfa.sber.ru/dfa?status=burned&page=1>
13. Потребности и ресурсы. Ограниченные ресурсы. – URL: <https://clk.li/toYk>
14. Профиль инвестора. – URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/VYACHESLAV_SCHAVA
15. Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов. – URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx
16. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. – URL: <https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/>
17. Решение о выпуске ЦФА № 24 ПОА «Промсвязьбанк». – URL: <https://цфа.рф/решение/Tokeon/PSB24/2>
18. Решение о выпуске ЦФА № 34 АО «Газпромбанк». – URL: <https://цфа.рф/решение/Mosbirzha/GPB34/>
19. Садков, В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот : ав-

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

тореф. дис. ... канд. юрид. наук / Садков Виталий Андреевич. – Волгоград, 2022. – 29 с.

20. Салютова, Л. Понятие экономических ресурсов, их виды и неравномерность распределения / Л. Салютова. – URL: <https://zaochnik-com.com/spravochnik/ekonomika/makroekonomika/ponjatie-ekonomicheskikh-resursov/>

21. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

22. Федеральный закон от 23 мая 2025 г. № 124-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Федеральный закон от 25 февраля 1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляющейся в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 9. – Ст. 1096.

24. Цегоев, В. С 1 сентября 2026 г.: Центробанк обозначил новые сроки массового внедрения цифрового рубля / В. Цегоев. – URL: <https://russian.rt.com/business/article/1497775-cb-cifrovoyi-rubl-sroki-obnovlenie>

REFERENCES

1. *Byulleten po TsFA 2024* [CFA Bulletin 2024]. URL: <https://cbonds.ru/comments/566011/download/>
2. *Byulleten po TSFA iyun 2025* [CFA Bulletin June 2025]. URL: <https://cbonds.ru/comments/607585/download/>
3. Goncharov A.I., Goncharova M.V., Sadkov A.N., Sadkov V.A., Orlova A.A. *Cifrovye finansovyye aktivy: investicionnoe soderzhanie i pravovoj rezhim: monografiya* [Digital Financial Assets: Investment Content and Legal Regime. Monograph]. Samara, Povolzhskaja nauchnaja korporacija, 2024. 243 p.
4. Goncharov A.I., Sadkov A.N., Sadkov V.A., Orlova A.A. O neobhodimosti formirovaniya nacionalnoj internet-platformy cifrovyyh finansovyh aktivov [On the Need to Form a National Online Platform for Digital Financial Assets]. *Vestnik instituta ekonomicheskikh issledovanij* [Bulletin of the Institute of Economic Research], 2024, vol. 34, no. 2, pp. 123-131.
5. Goncharov A.I., Sadkov V.A. Pravovaya priroda tsifrovyykh finansovykh aktivov po zakonodatelstvu Rossijskoy Federatsii [The Legal Nature of Digital Financial Assets According to the Legislation of the Russian Federation]. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2023, vol. 22, no. 2, pp. 82-90. DOI: <https://doi.org/10.15688/lc.jvolsu.2023.2.11>
6. *Itogi vypuskov TSFA po vsem OIS za iyun* [Results of the CFA Issues for All OIS in June]. URL: https://t.me/CFA_RF/1143
7. Kovalev A. *Tsifrovoye regulirovaniye proverili defoltami* [Digital Regulation Was Checked by Defaults]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7851800>
8. Kuishina V.V. *Resursnye ogranicenija razvitiya jekonomiki sovremennoj Rossii: avtoref. dis. ... kand. ekon. nauk* [Resource Constraints of the Development of the Economy of Modern Russia. Cand. econom. sci. abs. diss.]. Saratov, 2013. 24 p.
9. Kulakov M.V., Nosov I.A. *Tsifrovyye valyuty tsentralnykh bankov: priroda i naznacheniye* [Digital Currencies of Central Banks: Nature and Purpose]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, 2024, no. 4, pp. 160-180. DOI: <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-59-4-8>
10. Lapteva A.M. *Ponyatiye obyekta investitsionnoy deyatelnosti* [“The Concept of the Object of Investment Activity”]. *Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo*, 2025, no. 1, pp. 48-62. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2025.104>
11. Milkov A.V., Kolesnikova O.Yu. *Cifrovyye dannyye kak obyekty grazhdanskikh prav* [Digital Data as Objects of Civil Rights]. *Agrarnoeizemelnoe pravo*, 2025, no. 4, pp. 312-314.
12. *Platforma PAO Sberbank «Tsifrovyye aktivy»* [Sberbank’s Digital Assets Platform]. URL: <https://dfa.sber.ru/dfa?status=burned&page=1>
13. *Potrebnosti i resursy. Ogranichennye resursy* [Needs and Resources. Limited Resources]. URL: <https://clk.li/toYk>
14. *Profil investora* [Investor Profile]. URL: https://www.tbank.ru/invest/social/profile/VYACHESLAV_SCHAVA
15. *Reyestr operatorov informatsionnykh sistem, v kotorykh osushchestvlyayetsya vypusk tsifrovyykh finansovykh aktivov* [Register of Information System Operators Where Digital Financial Assets Are Issued]. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_OIS.xlsx
16. *Reyestr operatorov obmena tsifrovyykh finansovykh aktivov* [Register of Digital Financial Asset Exchange Operators]. URL: <https://cbr.ru/admissionfinmarket/navigator/ootsfa/>
17. *Reshenije o vypuske TSFA № 24 POA «Promsvyazbank»* [Decision on the issue of CFA No. 24 by POA Promsvyazbank]. URL: <https://цфа.рф/решение/Tokeon/PSB24/2/>
18. *Reshenije o vypuske TSFA № 34 AO «Gazprombank»* [Decision on the issue of CFA No. 34 of Gazprombank JSC]. URL: <https://цфа.рф/решение/Mosbirzha/GPB34/>
19. Sadkov V.A. *Cifrovye finansovyye aktivy kak obyekty grazhdanskikh prav i ih oborot: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk* [Digital Financial

Assets as Objects of Civil Rights and Their Turnover]. Volgograd, 2022. 29 p.

20. Salyutova L. *Ponyatiye ekonomicheskikh resursov, ikh vidy i neravnomernost raspredeleniya* [Concept of Economic Resources, Their Types and Uneven Distribution]. URL: <https://zaochnik.com/spravochnik/ekonomika/makroekonomika/ponjatie-ekonomicheskikh-resursov/>

21. Federalnyj zakon ot 22 aprelja 1996 g. № 39-FZ «O rynke cennyh bumag» [Federal Law No. 39-FZ of April 22, 1996 “On the Securities Market”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1996. no. 17, art. 1918.

22. Federalnyj zakon ot 23 maja 2025 g. № 124-FZ «O vnesenii i zmenenij v otdelnye zakonodatelnye akty Rossijskoj Federacii» [Federal Law No. 124-FZ

Dated May 23, 2025 “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”]. *Access from Reference Legal System “KonsultantPlyus”*.

23. Federalnyj zakon ot 25 fevralya 1999 g. № 39-FZ «Ob investicionnoj dejatelnosti v Rossijskoj Federacii, osushhestvlyajemoj v forme kapitalnyh vlozhenij» [Federal Law No. 39-FZ of February 25, 1999 “On Investment Activities in the Russian Federation Carried Out in the Form of Capital Investments”]. *Sobranie zakonodatelstva RF* [Collection of Legislation of the Russian Federation], 1999, no. 9, art. 1096.

24. Cegoyev V. *S 1 sentyabrya 2026 g.: Tsentralskaya obnachil novyye sroki massovogo vnedreniya tsifrovogo rublya* [From September 1, 2026: The Central Bank Has Set New Deadlines for the Mass Introduction of the Digital Ruble]. URL: <https://russian.rt.com/business/article/1497775-cb-cifrovoi-rubl-sroki-obnovlenie>

Information About the Authors

Alexander I. Goncharov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Doctor of Sciences (Economics), Professor, Department of Civil Law and Procedure, Volgograd State University, Prospekt Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Professor, Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings, Moscow University “Synergy”, Meshchanskaya St, 9/14, Bld. 1, 129090 Moscow, Russian Federation, goncharov@volstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Andrey N. Sadkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil and Land Law named after P.D. Sakharov, Saint Petersburg State Agrarian University, Peterburgskoe Shosse, 2, 196607 Saint Petersburg, Russian Federation, andreiasadkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Vitaliy A. Sadkov, Candidate of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Department of Civil Law Disciplines, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, reki Moiki Emb., 96, 190000 Saint Petersburg, Russian Federation, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

Информация об авторах

Александр Иванович Гончаров, доктор юридических наук, доктор экономических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; профессор кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства, Московский университет «Синергия», ул. Мещанская, 9/14, стр. 1, 129090 г. Москва, Российская Федерация, goncharov@volstu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6580-4104>

Андрей Николаевич Садков, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и земельного права им. П.Д. Сахарова, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, 2, 196607 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, andreiasadkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6148-0576>

Виталий Андреевич Садков, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского-правовых дисциплин, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, наб. реки Мойки, 96, 190000 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, wrendek@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5171-7023>

www.volsu.ru

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

UDC 340.132
LBC 67.06

Submitted: 30.09.2025
Accepted: 10.11.2025

REVIEW OF THE ROUND TABLE OF THE INTERNATIONAL SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “LAW AND POLITICS: HISTORY AND MODERNITY” (OMSK, MAY 15–16, 2025)

Tatiana E. Gryaznova

Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Omsk, Russian Federation

Sergey B. Polyakov

Chamber of Lawyers of the Perm Krai, Perm, Russian Federation

Citation. Gryaznova T.E., Polyakov S.B. Review of the Round Table of the International Scientific and Practical Conference “Law and Politics: History and Modernity” (Omsk, May 15–16, 2025). *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2025, vol. 24, no. 3, pp. 160–163. (in Russian).

УДК 340.132
ББК 67.06

Дата поступления статьи: 30.09.2025
Дата принятия статьи: 10.11.2025

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВО И ПОЛИТИКА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ» (г. ОМСК, 15–16 МАЯ 2025 г.)

Татьяна Евгеньевна Грязнова

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, г. Омск, Российская Федерация

Сергей Борисович Поляков

Адвокатская палата Пермского края, г. Пермь, Российская Федерация

© Грязнова Т.Е., Поляков С.Б., 2025

Цитирование. Грязнова Т. Е., Поляков С. Б. Обзор круглого стола Международной научно-практической конференции «Право и политика: история и современность» (г. Омск, 15–16 мая 2025 г.) // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2025. – Т. 24, № 3. – С. 160–163.

15–16 мая 2025 г. года на базе Омской академии Министерства внутренних дел (далее – МВД) России состоялась XI Международная научно-практическая конференция «Право и политика: история и современность» по теме «Проблемы реализации права: история, теория практика». В работе конференции приняли участие 117 ведущих ученых образовательных и научных организаций (из них 29 докторов юридических наук), профессорско-преподавательский состав вузов, аспиранты, альянкты и соискатели, практические работники из более чем 20 городов России и Республики Беларусь.

Круглый стол XI Международной научно-практической конференции Омской академии МВД России (16 мая 2025 г.) был посвящен конкретизации оснований реализации права.

В юридической науке можно заметить два направления. Одно пытается приблизить сущее кциальному – законности. Другое в сущем, отличном от должностного, пытается обнаружить новое видение права без нормативизма.

По Иерингу, юриста от профана должно отличать знание юридических методов (см.: Иеринг Р. Юридическая техника. М. : Статут, 2008. С. 16). Основной замысел круглого стола был в совершенствовании методов достижения законности, в поиске ясных оснований юридической деятельности. На пленарном заседании и на круглом столе в выступлениях заведующего кафедрой судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского университета имени А.С. Грибоедова, судьи Верховного Суда РФ в почетной отставке, доктора юридических наук Н.А. Колоколова и профессора Уральского государственного юридического университета, доктора юридических наук С.Э. Либановой высказаны скептические суждения о возможности сведения судебного процесса исключительно к логическому состязанию. Однако в их докладах приведен фактический материал о произвольности судейской деятельности, отсутствии стабильности и закономерности правоприменительной практики Верховного Суда РФ, подтверждающий потребность поиска формально-определенных оснований разрешения юридических споров. На круглом столе были предложены решения в этом направлении.

Непосредственная реализация права зависит от восприятия адресатами норм права

устанавливаемых им государством обязанностей и запретов. Предписания, интересные адресатам, а не принуждение, обеспеченное юридическими санкциями, является ядром «умного регулирования», что развивает доктор юридических наук заведующей кафедрой Волгоградского государственного университета М.Л. Давыдову. Первоначальная задача умного регулирования – оптимизировать метод принуждения, предложить более эффективные и ресурсосберегающие его альтернативы. М.Л. Давыдова представила инструменты умного правоприменения: риск-ориентированный подход, учет выгод и издержек, поддержание мотивированного соблюдения регулятивных норм, использование поведенческих приемов для обеспечения конструктивного взаимодействия сторон, языковое качество, аргументированность текста правоприменительного акта и пр. В работе поддержана идея дробления правоприменительной деятельности на отдельные правоприменительные операции, детального представления того содержания, которое скрыто за процессуальной формой.

Начальник кафедры Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор юридических наук Е.С. Зайцева и докторант Омской академии МВД России, кандидат юридических наук П.В. Козловский описали технологию преодоления выявленных при рассмотрении дела пробелов в праве. Ими было предложено различать преодоление пробела в законе как решение по конкретному делу и восполнение пробела как создание нормы права в форме постановлений и обзоров высших судов до устранения пробела в законе нормотворцем. Эта идея согласуется с называемыми в юридической литературе видами форм судебского права, соответственно, судебный прецедент и судебная практика. Роль и место судебных решений в выявлении и преодолении лакун в законодательстве были показаны во время выступления Н.А. Колоколова.

Профессор Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук М.Г. Смирнова осветила проблемы применения норм права с оценочными понятиями и значение судебного правотворчества в их конкретизации для предсказуемости правоприменительной деятельности. Начальник кафедры

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Омской академии МВД России, доктор юридических наук В.Н. Борков показал технологию конкретизации оценочных понятий на примере признака преступления «личная заинтересованность»: какие обстоятельства суды относят к такому понятию, а какие исключают его. Обращено внимание на значение усмотрения судьи при сочетании в конкретном деле противоположных обстоятельств и умение находить оптимальный баланс между ними.

Старший преподаватель Пермского государственного университета Е.В. Трапезникова представила формулу правоприменительной операции «толкование диспозиции нормативного правового предписания», выводы по которой подтверждены судебной практикой.

Все эти сообщения говорят в пользу того, что правоприменение не может рассматриваться только как форма реализации права, а является индивидуальным правовым регулированием. Эта идея аргументировалась на пленарном заседании профессором Московского университета МВД России, доктором юридических наук Г.М. Лановой.

Профессор Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук В.С. Плетников в своей речи обратил внимание на то, что все больше процедур реализации права осуществляется в форме электронного документооборота, и привел примеры технических барьеров реализации права. Ученый пришел к выводу, что качество программ для юридической деятельности и обученность адресатов норм в пользовании ими становятся самостоятельными факторами реализации права.

Заместитель начальника Омской академии МВД России, доктор юридических наук, профессор В.А. Гусев в ответ рассказал, что в Омской академии МВД России разработан эмулятор сервисов Единой системе информационно-аналитического обеспечения деятель-

ности (ИСОД) МВД России. Это система, которая не только повторяет интерфейс реального портала, но и позволяет пользователю осуществлять работу с данными, получая из учебных банков данных информацию, подобную той, которую он получил бы, работая в реальной системе. Реализована эмуляция тех сервисов, которые необходимы в работе сотрудников уголовного розыска: «Следопыт-М», Сервис централизованного учета оружия, Федеральная информационная система Государственной инспекции безопасности дорожного движения (ФИС ГИБДД-М).

Доцент Нижегородского государственного университета, кандидат юридических наук О.Б. Купцова показала особенности юридической техники: правореализационной, правоприменительной, индивидуального договорного регулирования, – в том числе в условиях цифровизации, и обучения данным видам в Нижегородском государственном университете.

Профессор Пермского филиала Высшей школы экономики, доктор юридических наук С.Б. Поляков представил анализ судебных решений, в более половины которых нет юридических методов установления и преодоления коллизий и толкования норм права.

Г.М. Лановая обосновала условный характер связи науки и практики в правоприменении. Из ряда факторов параллельного существования юридической науки и практики, показанных профессором, здесь акцентируем внимание на проблеме разрыва теоретико-правовых и отраслевых исследований, разрозненности ученых для признания практически значимых научных результатов, незаинтересованности государства в научных решениях проблем правоприменения. Это объективные факторы подтверждающие скептицизм относительно результатов научной деятельности, в том числе полученных на круглом столе Омской академии МВД России.

Information About the Authors

Tatiana E. Gryaznova, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Prosp. Komarova, 7, 644092 Omsk, Russian Federation, gryaznova-te@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6707-2955>

Sergey B. Polyakov, Doctor of Sciences (Jurisprudence), Associate Professor, Attorney, Chamber of Lawyers of the Perm Krai, Kuibysheva St, 4, 614000 Perm, Russian Federation, psb59@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Информация об авторах

Татьяна Евгеньевна Грязнова, доктор юридических наук, доцент, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, начальник кафедры теории и истории права и государства, Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, просп. Комарова, 7, 644092 г. Омск, Российская Федерация, gryaznova-te@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-6707-2955>

Сергей Борисович Поляков, доктор юридических наук, доцент, адвокат, Адвокатская палата Пермского края, ул. Куйбышева, 4, 614000 г. Пермь, Российская Федерация, psb59@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3027-6713>

Миссия журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» – поддержка научных исследований в области юриспруденции, создание международной дискуссионной площадки для обсуждения исторических закономерностей и актуальных проблем современного права как теоретического, так и прикладного характера; публикация основных результатов, полученных в ходе написания диссертационных работ на соискание ученой степени кандидата и доктора юридических наук, а также научных исследований, издаваемых при финансовой поддержке научных фондов. Миссия журнала реализуется посредством формирования высокопрофессиональной и этичной редакционной политики, позволяющей выпускать издание высокого качества, в котором поддерживаются лучшие практики высшей школы, традиции академической культуры и публикуются творческие оригинальные научные статьи, хроники научной жизни, критические и библиографические обзоры российских и зарубежных исследователей.

Журнал «Legal Concept = Правовая парадигма» включает следующие рубрики: Главная тема номера; Теория и практика государственно-правового развития; Вопросы частноправового регулирования: история и современность; Правовые проблемы охраны окружающей среды и использования природных ресурсов; Противодействие преступности и дифференциация уголовной ответственности; Процессуальное право: вопросы теории и правоприменения; Цифровая трансформация правового регулирования; Международное право и сравнительное правоведение; Критика и библиография; Хроника научной жизни.

Совокупность рубрик журнала «Legal Concept = Правовая парадигма» соответствует группе научных специальностей 5.1. Право Номенклатуры специальностей научных работников.

The mission of *Legal Concept = Pravovaya paradigma journal* is to support research in the field of law; to provide an international platform for discussing historical patterns and urgent issues of modern law, both theoretical and applied ones; to publish the main results obtained in the course of writing theses for the degree of Candidate and Doctor of Sciences (Jurisprudence), as well as studies funded by scientific foundations. The mission of the journal is implemented through forming a highly professional and ethical editorial policy, which allows to create a high-quality publication, which supports the best practices of higher education, traditions of academic culture and publishes creative original scientific articles, chronicles of scientific life, criticism and bibliographic reviews of Russian and foreign researchers.

Legal Concept = Pravovaya paradigma journal includes the following sections: Mainstream Issue; Theory and Practice of State and Legal Development; Private Law Regulation Issues: History and Contemporaneity; Legal Issues of Environmental Protection and Use of Natural Resources; Crime Prevention and Legal Liability Differentiation; Procedural Law: Theory and Law Enforcement Issues; Digital Transformation of Legal Regulation; International Law and Comparative Jurisprudence; Criticism and Bibliography; Chronicle of Scientific Life.

The sections of *Legal Concept = Pravovaya paradigma journal* correspond to the group of scientific specialities 5.1. Law according to the Nomenclature of specialities of academic researchers.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.
2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.
3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.
4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.
5. Авторы несут полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить или исправить статью.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редакции журнала (vestnik5@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются **в открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik5@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Legal Concept = Правовая парадигма».

Редакция приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://j.volsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.
 2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant, must have novelty and include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. When the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik5@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik5@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Legal Concept = Pravovaya paradigma* printed periodical.
- The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.
- The decision to publish articles is made by the editorial staff after reviewing. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly. The review usually takes 8 weeks.
- For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://j.volsu.com/index.php/en/> (section “For Author”).**

ISSN 2587-8115

9 772587 811003

68>